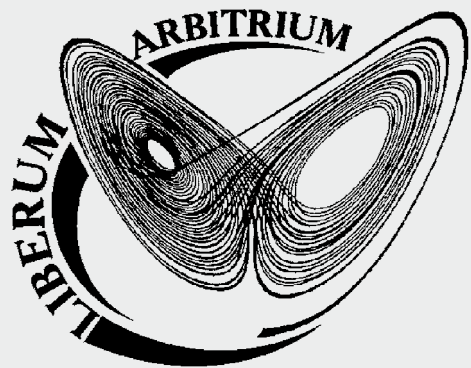




НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ФОРУМ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ОТНОШЕНИЯМ

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

НА ЭМБЛЕМЕ ФОРУМА ИЗОБРАЖЕН АТТРАКТОР ЛОРЕНЦА – ФИГУРА, ВОПЛОЩАЮЩАЯ
ВАРИАНТНОСТЬ ДВИЖЕНИЯ ПОТОКОВ ЧАСТИЦ В НЕРАВНОВЕСНЫХ СИСТЕМАХ

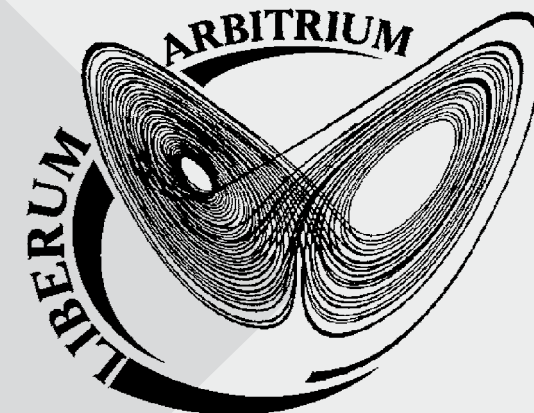
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ ИЮЛЬ-СЕНТЯБРЬ / 2023

INTERNATIONAL TRENDS
Journal of International Relations Theory and World Politics

ISSN 1728-2756 (PRINT)
ISSN 1811-2773 (ONLINE)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Том 21. Номер 3 (74). ИЮЛЬ-СЕНТЯБРЬ / 2023
Volume 21. No. 3 (74). JULY-SEPTEMBER / 2023



АМБИЦИИ И ПРАГМАТИКА МЕГАТРЕНДЫ

- | | |
|---------------------------------|--|
| Максим
Иноземцев | ▶ Деликт в информационном
пространстве |
| Екатерина
Арапова | ▶ Устойчивость региональной
интеграции |
| Максим
Алексеев | |
| Александр
Вылегжанин | ▶ Правовое регулирование
добычи в космосе |
| Мариам
Юзбашян | |

Научно-образовательный **ФОРУМ** по международным отношениям

неправительственная некоммерческая организация
для содействия научно-образовательным
и просветительским программам, нацеленным
на формирование в России современного
профессионального сообщества международных
и политологов

Под нынешним названием Форум работает с 2000 г.

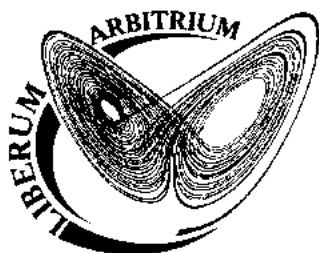
Президент Форума
Алексей Богатуров

Исполнительный директор
Андрей Байков

Сайт Форума:
<http://www.obraforum.ru>

INTERNATIONAL TRENDS

Journal of International Relations Theory and World Politics



МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ

ЖУРНАЛ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Том 21. Номер 3 (74)
ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ **2023**

Mezhdunarodnye protsessy (International Trends)

The Journal of International Relations Theory and World Politics

Editor-in-Chief

Andrey Baykov
MGIMO University

Executive Editor

Igor Istomin
MGIMO University

Editorial Board

Chairman

Alexei Bogaturov, *Academic Educational Forum on International Relations, Russian Federation*

Sergey Afontsev, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Tatiana Alekseyeva, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Vladimir Baranovsky, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Andrey Baykov, *Academic Educational Forum on International Relations, Russian Federation*

Irina Bolgova, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Alexander Bulatov, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Timothy J. Colton, *Harvard University, USA*

Christine Inglis, *University of Sydney, Australia*

Igor Istomin, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Alexey Fenenko, *Lomonosov Moscow State University, Russian Federation*

Maksim Kharkevich, *Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation*

Nikolai Kosolapov, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

S. Neil MacFarlane, *Oxford University, UK, Geneva Centre for Security Policy, Switzerland*

Tatiana Shakleina, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Valery Tishkov, *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Pavel Tsygankov, *Lomonosov Moscow State University, Russian Federation*

Alexei Voskressensky, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

William C. Wohlforth, *Dartmouth College, USA*



ISSN 1728-2756 (PRINT)

ISSN 1811-2773 (ONLINE)

*The opinions expressed in **International Trends** are those of the authors and contributors, and do not necessarily reflect those of the editors, the editorial board, Academic Educational Forum on International Relations, or the organizations to which the authors are affiliated.*

«International Trends» (*Mezhdunarodnye protsessy*) is the first Russian academic journal of international relations theory and the methodology of world-political studies. It is independently published and managed by the Academic Educational Journal on International Relations, a Moscow-based Russian NGO established in 2000. Having no direct affiliation with any state or private institution, the journal aims to facilitate communication among scholars and educators in Eurasia and to foster their concerted effort in developing theoretical approaches to international relations and world politics. Our journal's priorities include new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics, migrations, and international political economy. Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. The journal circulates in 1,100 copies and also exists in an open-access format at: <http://www.intertrends.ru>. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts, and university faculty, it is distributed among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Administration of the President of the Russian Federation.

© Academic Educational Forum on International Relations

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Editorial Board.

Редакционная коллегия

Председатель

Алексей Богатуров

Татьяна Алексеева, Сергей Афонцев, Андрей Байков, Владимир Барановский,
Ирина Болгова, Александр Булатов, Алексей Воскресенский,
Кристин Инглис (Австралия), Игорь Истомин, Тимоти Колтон (США),
Николай Косолапов, Нил Макфарлейн (Великобритания), Валерий Тишков,
Уильям Уолфорт (США), Алексей Фененко, Максим Харкевич,
Павел Цыганков, Татьяна Шаклеина

Главный редактор

Андрей Байков

Шеф-редактор – первый заместитель главного редактора

Игорь Истомин

Ответственный секретарь – заместитель главного редактора

Ирина Болгова

Редакционно-корректорская группа

Даниил Менчиков, Ирина Николаева, Иван Хлудов

Журнал издаётся Научно-образовательным форумом
по международным отношениям

*Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах,
могут не совпадать с позицией Редакционной коллегии и НОФМО*

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещанию и средствам массовой коммуникации
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–13727 от 14 октября 2002 г.

Журнал основан в 2002 году.

Журнал индексируется в библиометрических системах научной информации **Scopus**
и Russian Science Citation Index (**RSCI**) на платформе **Web of Science**.

ISSN 1728–2756 (печатная версия)

ISSN 1811–2773 (интернет-версия)

ООО Издательство «Аспект Пресс», 111141, Москва, Зелёный проспект, д. 3/10, стр. 15
Отпечатано: АО «Т 8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел. 8 (495) 221–89–80

© Журнал «Международные процессы», 2022

© А.Д. Богатуров, А.А. Байков, О.О. Гуляева (эмблема), 2022

**Никакая часть настоящего журнала не может быть воспроизведена в печатном,
электронном или ином виде без письменного разрешения редакции**

CONTENTS

RESEARCH ARTICLES

REALITY AND THEORY

Alexander Vylegzhanin Mariam Yuzbashyan Maxim Alekseev Gleb Kotsur	International Legal Outer Space Policy of the United States of America 6
Ekaterina Arapova	The Concept of a Multipolar World as the Aestheticization of Politics 31
Maxim Inozemtsev Semen Stepanov	Exploring Regional Integration Resilience in the Context of COVID-19 50
	The Concept of Cybertort and Liability in International Law 69

CATCHING A TREND

Nikolai Silaev Ivan Safranchuk	Symbiosis and Rivalry: The Russian-Turkish Relations from the Perspective of the International Status Theory 86
Başaran Ayar Orkun Arslan	Trembling Chessboard: The Effects of Changing Russian-Turkish Relations in the South Caucasus 103
Elena Sidorova Alexey Sidorov	EU Strategic Autonomy in the Economy 119
Anastasia Maleshevich	The Pro-EU Party Consensus Dynamics in the Post-Yugoslav Space 143
	<i>Our authors</i> 162

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

РЕАЛЬНОСТЬ И ТЕОРИЯ

Александр Вылегжанин	Международно-правовая космическая политика США:
Мариам Юзбашян	приглашение к уточнению статуса природных ресурсов
Максим Алексеев	небесных тел или вызов большинству государств? 6
Глеб Коцур	Проблема эстетизации политики на примере концепции
	многополярного мира 31
Ekaterina Arapova	Exploring Regional Integration Resilience
	in the Context of COVID-19 50
Максим Иноземцев	Концепция киберделикта и ответственность
Семён Степанов	в международном праве 69

ФИКСИРУЕМ ТЕНДЕНЦИЮ

Николай Силаев	Симбиоз и соперничество: динамика российско-
Иван Сафранчук	турецких отношений в перспективе теории
	международного статуса 86
Başaran Ayar	Trembling Chessboard: The Effects of Changing
Orkun Arslan	Russian-Turkish Relations in the South Caucasus 103
Елена Сидорова	Стратегическая автономия Европейского Союза
Алексей Сидоров	в экономике: концепция и проблемы реализации 119
Анастасия Малешевич	Динамика проевропейского консенсуса
	на постъюгославском пространстве 143
	<i>Наши авторы</i> 161
	<i>Our authors</i> 162

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ КОСМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА США

ПРИГЛАШЕНИЕ К УТОЧНЕНИЮ СТАТУСА ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ НЕБЕСНЫХ ТЕЛ ИЛИ ВЫЗОВ БОЛЬШИНСТВУ ГОСУДАРСТВ?

АЛЕКСАНДР ВЫЛЕГЖАНИН
МАРИАМ ЮЗБАШЯН
МАКСИМ АЛЕКСЕЕВ
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Новая космическая природоресурсная политика Соединённых Штатов Америки, обозначенная в 2015–2020 годах национальными законодательными актами (прежде всего Законом об исследовании и использовании космических ресурсов 2015 г. и Указом президента США от 6 апреля 2020 года), а в 2020 году – ещё и инициированными Вашингтоном сепаратными международными Соглашениями «Артемиды», декларирована как соответствующая универсальному Договору по космосу 1967 года – базовому источнику международного космического права. Эта политика, открывающая частным инвесторам доступ к природным ресурсам небесных тел по американскому законодательству, вызвала широкий международный резонанс не только из-за данных о высокой плотности на некоторых астероидах месторождений драгоценных металлов и иных востребованных природных ресурсов, но также из-за того, что в Комитете ООН по космосу поставлен фактически вопрос: нарушаются ли этой политикой обязательства США по международному праву, согласно которому использование космического пространства, включая небесные тела, составляет «достояние всего человечества»? Не будет ли более рациональным для других государств создавать схожий международный формат выборочного сотрудничества, чтобы в числе первых начать разработку богатств близлежащих небесных тел, а не тратить политические усилия на коллективное уличение США в международном правонарушении? В практическом плане Россия, Китай и другие суверенные космические державы поставлены перед необходимостью определиться, может ли их правовое реагирование (альтернативное сепаратной политике Вашингтона) стать стимулом к уточнению на универсальном уровне действующего общего международно-правового режима небесных тел применительно к будущей природоресурсной деятельности на них и побудить США вернуться к универсальному формату совершенствования международного космического права. Подразумеваются действия с их стороны как на уровне национального законодательства, так и международных договорённостей между собой, что подкрепляется научно-технологической и производственной космической инфраструктурой этих стран при их политико-правовой координации. В статье показана объективная востребованность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00977, <https://rscf.ru/project/23-18-00977/>

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.09.2023

Дата принятия к публикации: 22.11.2023

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: danilalvy@mail.ru, alekseevx@mail.ru, m_you@mail.ru

такого универсального международно-правового режима в обеспечении бесконфликтной, экономически стабильной космической природоресурсной деятельности, соответствующей национальным интересам большинства государств мира.

Ключевые слова:

космическое пространство; природные ресурсы небесных тел; космические ресурсы; законодательство США о космической деятельности; Договор по космосу; Соглашения «Артемида»; достоинство всего человечества; общее наследие человечества.

На заре освоения космоса (начиная с запуска в 1957 г. Советским Союзом первого в мире искусственного спутника Земли) интересы СССР и США — двух на тот период космических держав — в организации полётов в межпланетное пространство состояли главным образом в получении новых научных данных и в обеспечении национальной безопасности. В 2020-х годах, не умаляя изначальную значимость космической деятельности государства, на лидирующее место по важности выходят также соображения его экономического будущего.

Это обстоятельство обуславливает целесообразность актуализации международно-правовой космической политики¹ России при критическом учёте иностранного правового опыта в данной области. Прикладные виды использования космических технологий (будь то глобальные навигационные системы, спутниковая связь, Интернет, телевидение и так далее), стремительно развиваясь, получили должное отражение в политике США — страны с самым большим в мире бюджетом на финансирование космической деятельности². Из функционирующих на орбите космических аппаратов (коммер-

ческие, военные и иные государственные, негосударственные — например, принадлежащие университетам исследовательские спутники, а также космические аппараты «комбинированного» предназначения) более половины составляют именно коммерческие космические аппараты³. Тенденция коммерциализации космической деятельности не является новой, исследователи отмечают её дальнейшее нарастание [Косенков, Штодина 2019], начавшееся в конце XX столетия⁴. Совершенствуется освоение космической среды, в том числе спутниковых орбит, включая геостационарную, которая признана Международным союзом электросвязи «ограниченным естественным ресурсом»⁵, причём таким, который находится «вне суверенитета» государств [Christol 1979: 5–23].

В экономическом измерении наибольшее внимание космических держав сфокусировано на оптимальном построении своей правовой политики в отношении природных ресурсов небесных тел, статус которых не урегулирован чётко на договорно-правовом уровне, а изначально предложенная их квалификация в качестве «общего наследия человечества» [Gorove 1998:

¹ О содержании понятия «международно-правовая политика» см.: [Вылегжанин, Магомедова 2022: 112–126].

² *Armstrong M.* The Governments with the Largest Space Budget // Statista. 07.03.2023. URL: <https://www.statista.com/chart/29454/governments-with-the-largest-space-budgets/> (accessed: 07.09.2023); *Donaldson A.A.* President's Fiscal Year 2024 Budget Strengthens NASA, Space Economy // NASA. 09.03.2023. URL: <https://www.nasa.gov/press-release/president-s-fiscal-year-2024-budget-strengthens-nasa-space-economy> (accessed: 07.09.2023).

³ *Rome P.* Every Satellite Orbiting Earth and Who Owns Them // DEWESoft. 18.01.2022. URL: <https://dewesoft.com/blog/every-satellite-orbiting-earth-and-who-owns-them> (accessed: 01.08.2023).

⁴ Подробнее о тенденциях приватизации и коммерциализации космической деятельности в международно-правовом и национально-правовом контексте см.: [Юзбашян 2009].

⁵ Согласно п. 2 ст. 44 Устава МСЭ 1992 г.: «... радиочастоты и связанные с ними орбиты, включая орбиту геостационарных спутников, являются ограниченными естественными ресурсами», которые надлежит использовать рационально, эффективно и экономно, в соответствии с положениями Регламента радиосвязи, чтобы обеспечить справедливый доступ к этим орбитам и к этим частотам разным странам или группам стран с учётом особых потребностей развивающихся стран и географического положения некоторых стран».

78–79] не поддерживается *expressis verbis* ни Вашингтоном и его партнёрами, ни Москвой. Хотя по состоянию на декабрь 2023 года минеральные вещества извлекались с небесных тел лишь в научных целях, следует прогнозировать в будущем и коммерческую разработку природных ресурсов (допустим, на астероидах или Луне).

Интерес для космических держав представляет такое, например, вещество, как «гелий-3» (находится в значительных количествах на поверхности естественного спутника Земли). Согласно некоторым оценкам, всего нескольких сотен тонн было бы достаточно для обеспечения энергетических потребностей всего населения планеты в течение целого года⁶. Отмечено, что доля металлов платиновой группы в некоторых околоземных астероидах примерно в тысячу раз превышает их наличие в недрах Земли [Handbook of Space Law 2015: 771; Cannon et al. 2023]⁷. Особый интерес у политиков вызывают, к примеру, данные об астероиде «(16) Психея»: полезные ископаемые, которыми тот богат, по своей совокупной стоимости (порядка 10 квинтиллионов долл. США) могут превосходить всю мировую экономику⁸. Неудивительно, что космическим ведомством США — НАСА⁹ — проведён запуск в октябре 2023 г. космического аппарата, нацеленного на

это небесное тело¹⁰. При этом утверждается, что частный сектор, то есть «лица, не входящие в структуру НАСА», работают над развитием технологий, которые позволят добывать ресурсы астероидов¹¹.

В таком контексте можно с осторожностью прогнозировать, что по мере развития технологий тот период, когда государства, в том числе посредством их компаний, смогут наладить добычу ценных для землян материалов на небесных телах, становится всё ближе, а с этим — и потенциальный период обострения соперничества стран и даже столкновения их интересов в данной области.

Из существующих государств мира лишь четыре — Индия, Китай, Россия, США — уже имеют успешный опыт доставки своих космических аппаратов на небесные тела. Другими словами, нельзя отрицать наличие у этих государств научно-технического потенциала для самостоятельной разработки в обозримой перспективе природных богатств небесных тел, тем самым ведя человечество к возможным фундаментальным изменениям в ценностном измерении мировой экономики.

Как итог, прослеживаются новые межгосударственные форматы сотрудничества и потенциального соперничества в сфере дальнейшего освоения космического пространства¹². Речь идёт прежде всего о рос-

⁶ Reinke N. No Helium-3 from Moon — Commentary on the Current Moon Debate DLR Countdown. No. 3. 2007. P. 24–27. URL: https://www.dlr.de/rd/PortalData/28/Resources/dokumente/Publikationen/Countdown/Countdown3_hires.pdf (дата обращения: 01.08.2023).

⁷ Cheng A. Resource Potential of Asteroids // NASA. 2014. 13 p. URL: <https://dokumen.tips/documents/resource-potential-of-asteroids-nasa-near-earth-objects-neos-are-the-small-bodies.html?page=12> (accessed: 01.08.2023).

⁸ Gamillo E. This Metal-Rich, Potato-Shaped Asteroid Could Be Worth \$10 Quintillion // Smithsonian Magazine. 04.01.2022. URL: <https://www.smithsonianmag.com/smart-news/asteroid-16-psyche-may-be-worth-more-than-planet-earth-at-10-quintillion-in-fine-metals-180979303/> (accessed: 01.08.2023).

⁹ НАСА (NASA) — принятая аббревиатура для обозначения федерального ведомства США, ответственного за космическую деятельность: the National Aeronautics and Space Administration (Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства). Подчиняется непосредственно президенту Соединённых Штатов.

¹⁰ The Psyche mission is a journey to a unique metal-rich asteroid orbiting the Sun between Mars and Jupiter // NASA. URL: <https://www.jpl.nasa.gov/missions/psyche> (accessed: 07.09.2023).

¹¹ Is NASA mining asteroids? We asked a NASA scientist // NASA. 28.06.2023. URL: <https://www.nasa.gov/feature/is-nasa-mining-asteroids-we-asked-a-nasa-scientist-episode-41> (accessed: 07.09.2023).

¹² О равноуровневых правовых подходах, лежащих в основе формирующихся блоков сотрудничества/соперничества в космосе, в качестве факторов, влияющих на формы, уровни, механизмы и векторы системного развития космического права, см.: [Юзбашян 2023].

сийской лунной программе¹³, открытие которой было положено 11 августа 2023 г. запуском автоматической межпланетной станции (АМС) «Луна-25»¹⁴. Более успешной оказалась основанная в 2003 г. китайская лунная программа, резонансным этапом которой стала доставка на Землю образцов лунного грунта в декабре 2020 г. АМС «Чанъэ-5»¹⁵.

Объединение усилий Москвы и Пекина в этой наукоёмкой области проявилось в совместном российско-китайском проекте «Международная лунная научная станция». Его реализация планируется в 2030-х годах, но уже в декабре 2022 г. было заключено предметное межправительственное соглашение¹⁶. Успешная посадка на Луну в августе 2023 г. индийского аппарата «Чандраян-3»¹⁷ очерчивает перспективы развития как действующего российско-индийского сотрудничества в сфере космической деятельности¹⁸, так и его потенциального расширения в формате БРИКС, например посредством создания консорциума космических исследований¹⁹. В этом контексте значимыми для эффективного развития российской отрасли являются своевременная оценка перспектив и выявление потенциальных новых направлений сотрудничества с Дели.

Другой формат сотрудничества и одновременно соперничества с первым — американская программа «Артемида», начало которой было положено беспилотным запуском космического аппарата к Луне в конце 2022 года²⁰. Был обозначен механизм сотрудничества США с избранными партнёрами — Европейским космическим агентством, Канадским космическим агентством, Японским агентством аэрокосмических исследований и другими ведомствами²¹. Как будет показано ниже, упомянутыми Соглашениями «Артемида» и программой «Артемида», а также новым национальным законодательством о космической деятельности Вашингтон как сильнейшая экономическая держава создаёт инновационный правовой порядок использования природных ресурсов небесных тел, пусть и не на универсальном уровне. В его основе лежат главным образом американские экономические интересы. Вместе с тем растёт число государств, присоединяющихся к нему, в результате чего стимулируется становление и международно-правового поля, альтернативного сложившемуся ранее, в период его согласования между СССР и США.

Таким образом, цель настоящего исследования состоит в анализе сепаратной правовой природоресурсной политики Соеди-

¹³ Независимые лунные программы планируют также запустить Германия, Европейский Союз, Израиль, Индия, Объединённые Арабские Эмираты, Турция, Республика Корея и Япония.

¹⁴ Впервые в современной истории России к Луне отправилась автоматическая станция // Роскосмос. 17.08.2023. URL: <https://www.roscosmos.ru/39483/> (дата обращения: 17.08.2023). После передачи на Землю некоторых ценных данных станция в августе 2023 г. столкнулась с поверхностью Луны. Об автоматической станции «Луна-25» // Роскосмос. 20.08.2023. URL: <https://www.roscosmos.ru/39650/> (дата обращения: 07.09.2023). Как отметил руководитель «Роскосмоса», неудача программы связана, в частности, с прерыванием программы практически на 50 лет // ИТАР ТАСС. URL: <https://tass.ru/kosmos/18553371> (дата обращения: 07.09.2023).

¹⁵ China advances lunar exploration program // CNSA. 25.04.2023. URL: <http://www.cnsa.gov.cn/english/n6465652/n6465653/c6842471/content.html> (accessed: 17.05.2023).

¹⁶ Россия и Китай подписали соглашение о работах по изучению Луны // МИА «Россия сегодня». 21.12.2022. URL: <https://ria.ru/20221221/luna-1840178767.html> (дата обращения: 17.05.2023).

¹⁷ Chandrayaan-3 // ISRO. URL: <https://www.isro.gov.in/Chandrayaan3.html> (accessed: 07.09.2023).

¹⁸ Межправительственные соглашения России и Индии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству в области космической деятельности см. в п. 13–17 списка межправительственных соглашений // Роскосмос. URL: <https://www.roscosmos.ru/22887/> (дата обращения: 07.09.2023).

¹⁹ Индия предложила создать консорциум космических исследований в рамках БРИКС // ИТАР ТАСС. 23.08.2023. URL: <https://tass.ru/kosmos/18567547> (дата обращения: 07.09.2023).

²⁰ Artemis-I Mission // NASA. URL: <https://www.nasa.gov/specials/artemis-i/> (accessed: 17.08.2023).

²¹ Connell D. Gateway International Partners // NASA. 13.04.2023. URL: <https://www.nasa.gov/gateway/international-partners/> (accessed: 18.05.2023).

нённых Штатов Америки в космосе и в определении вариантов правового реагирования России и большинства других стран, приверженных Договору по космосу 1967 года, не вовлечённых в инициативы Вашингтона, в контексте всей совокупности источников международного космического права. Инновационный характер работы заключается в оценке эффективности вариантов такого правового реагирования.

Отношение США к действующему международно-правовому режиму небесных тел и их природных ресурсов

Из пяти универсальных договоров по космосу, выработанных в рамках ООН²², США чётко отмежевались только от последнего — Соглашения о Луне 1979 года. Тем не менее в правовых актах американской стороны нет критики документов Генеральной Ассамблеи ООН, включая те её резолюции, в которых изначально вырабатывались принципы международного космического права, впоследствии вошедшие в его договорные источники. Одно из первых положений о статусе небесных тел содержится в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 1721 (XVI) от 20 декабря 1961 года²³. В документе провозглашается их доступность для исследования и использования всеми государствами в соответствии с международным правом, а также запрещается их присвоение государствами.

При этом данная резолюция и принятые впоследствии международно-правовые

акты не содержат как дефиниции понятия «небесное тело», так и однозначного доктринального его определения. Нет ответов и на некоторые связанные с этим понятием вопросы: включает ли оно в себя недра (термин используется в Соглашении о Луне, но не в Договоре по космосу)? Относятся ли к небесным телам кометы, где нет недра в естественно-научном значении этого слова? Подразумевает ли словосочетание «использование небесных тел» также освоение их природных ресурсов?²⁴

Отмеченный выше общий запрет присвоения небесных тел уточнялся положением о недопустимости провозглашения на них суверенитета (в Декларации ГА ООН 1963 года)²⁵; положением о запрете такого присвоения путём использования части небесного тела или «любыми другими средствами» (в статье II Договора по космосу 1967 года). В последнем документе был предусмотрен запрет присвоения небесных тел в качестве одного из принципов международного космического права [Paliouras 2014: 37–38]. Его последовательное соблюдение всеми государствами до настоящего времени предупреждало возникновение конфликтных притязаний как на конкретные участки небесных тел, так и на их природные ресурсы. Закрепление этого принципа в Договоре по космосу, имеющем обязательную юридическую силу для участвующих в нём более 110 государств, включая США, Россию, Китай, Индию²⁶, общая практика его со-

²² Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 года (далее — Договор по космосу 1967 года); Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство, 1968 года; Конвенция о международной ответственности за ущерб, причинённый космическими объектами, 1972 года; Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство, 1975 года; Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 года (далее — Соглашение о Луне 1979 года).

²³ Резолюция ГА ООН 1721 (XVI). Международное сотрудничество в использовании космического пространства в мирных целях (20.12.1961).

²⁴ Эти вопросы уже ставились в научно-правовой литературе [Международно-правовые основы недропользования 2007: 240].

²⁵ Декларация правовых принципов, регулирующих деятельность государств по исследованию и использованию космического пространства (Принята резолюцией 1962 (XVII) Генеральной Ассамблеи ООН от 13.12.1963 года).

²⁶ Status of International Agreements relating to Activities in Outer Space // UN OOSA. URL: <https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/spacelaw/treaties/status/index.html> (accessed: 18.08.2023).

блюдения, убеждение в его универсальной обязательности возвели эту договорную норму на уровень международного обычая [Хобэ и др. 2017: 248–249], то есть обязательной не только для субъектов, участвующих в данном Договоре. Вместе с тем не определённым окончательно остался ключевой вопрос: распространяется ли принцип запрета присвоения небесных тел на их природные ресурсы [Hobe, Man 2017: 460–461]?

Действительно, Договор по космосу 1967 года, обозначив основополагающие элементы правового режима космического пространства, в том числе небесных тел, не устанавливает специальных норм в отношении их природных ресурсов, при этом *expressis verbis* не запрещая их разработку [Berkman et al. 2018: 23]. Отметим, что и США, и СССР активно участвовали в подготовке текста Соглашения о Луне 1979 года²⁷, хотя обе космические державы приняли впоследствии решение не быть его стороной. В документе достаточно подробно прописан правовой режим небесных тел и их природных ресурсов; в частности, пункт 3 статьи 11 Соглашения (как отмечено в порядке его толкования) «запрещает создание каких-либо правовых рамок, наделяющих государства, международные межправительственные или неправительственные организации, национальные организации или неправительственные учреждения или физических лиц правом собственности и другими имущественными правами в связи с деятельностью на небесных телах» [Хобэ и др. 2017: 595].

Текст этого документа ООН предусматривает механизм создания в будущем конкретного международно-правового режима эксплуатации природных ресурсов Луны, другого небесного тела (пункт 5 статьи 11

Соглашения). В нём также содержится условие, при котором выполняется обязательство создать такой режим: для государств-участников должно быть очевидно, что эксплуатация природных ресурсов небесных тел «станет возможной в ближайшее время». В теоретическом плане можно констатировать, что применение описанного правового механизма могло бы устранить правовую неопределённость в вопросе о порядке разработки природных ресурсов небесных тел.

В то же время такой сценарий едва ли является осуществимым, поскольку Соглашение о Луне, в отличие от Договора по космосу, не получило универсальной поддержки. Ни одно государство с собственной развитой космической инфраструктурой не участвует в нём²⁸. Более того, правительство Саудовской Аравии приняло решение выйти из него (вступит в силу 5 января 2024 года)²⁹. Кроме того, вслед за США Международный институт космического права отмежевался от квалификации Соглашения 1979 г. как юридически обязывающего документа, заявив, что положения этого международного договора, касающиеся правового режима эксплуатации природных ресурсов небесных тел, не рассматриваются как имеющие силу международного обычая³⁰.

Таким образом, правовой режим природных ресурсов небесных тел остаётся предметно не определённым универсальными договорными нормами. Договор по космосу 1967 года, предусматривающий совокупность отраслевых прав, обязательств и ограничений, включая запрет присвоения небесных тел, не содержит положений о порядке использования природных ресурсов, как не содержит и соответствующих запретительных норм. В отсут-

²⁷ Официальное название – «Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах». Принято резолюцией 34/68 Генеральной Ассамблеи ООН от 05.12.1979 года.

²⁸ По состоянию на сентябрь 2023 г. в нём участвуют всего 18 государств.

²⁹ Status of International Agreements relating to activities in outer space as at 1 January 2023 // UN OOSA. URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2023/aac_105c_22023crp/aac_105c_22023crp_3_0_html/AC105_C2_2023_CRP03E.pdf (accessed: 01.08.2023).

³⁰ Position paper on space resource mining. Adopted by consensus by the Board of Directors of the International Institute of Space Law on 20 December 2015.

ствии определённости Вашингтон включил собственное толкование международно-правового принципа неприсвоения в национальное законодательство в 2015 году, а с 2020 г. продвигает его в рамках двусторонних Соглашений «Артемиды». Принимая во внимание, что космическое пространство, включая небесные тела и их природные ресурсы, является объектом регулирования международного космического права, прежде всего его универсальных норм, востребованной является международно-правовая оценка американского подхода при учёте актуальных тенденций соперничества и сотрудничества государств в космосе.

Международно-правовая характеристика законодательных нововведений США в статус природных ресурсов небесных тел

В отсутствие в универсальном международном договорном праве норм о специальном режиме разработки природных ресурсов небесных тел неудивительно, что Вашингтон, представляя интересы наиболее богатой экономики мира, принял в 2015 г. Закон о состязательности коммерческих запусков в космос (U.S. Commercial Space Launch Competitiveness Act)³¹, получивший неоднозначную международную оценку. При этом тщательно выверенные слова в тексте, а также комментарии к нему американских чиновников можно рассматривать как своеобразное приглашение международному сообществу

следовать новой правовой политике США в космосе посредством уточнения международно-правового режима использования природных ресурсов небесных тел в коммерческих целях.

Закон США состоит из четырёх разделов, нормы которых регулируют отношения, возникающие в связи с привлечением по американскому законодательству инвесторов, предпринимателей к космической деятельности, включая нормы о лицензировании; о дистанционном зондировании Земли; о безопасности и так далее. В целом закон направлен на снижение административных барьеров при реализации частных космических инициатив. Непосредственно вопросам правового режима природных ресурсов небесных тел посвящён раздел IV об «исследовании и использовании космических ресурсов»³².

Примеру Соединённых Штатов последовали и некоторые другие государства, принявшие схожее национальное законодательство, хотя в разной форме и в неодинаковой степени регулирующее космическую природоресурсную деятельность: Люксембург в 2017 году³³; Объединённые Арабские Эмираты в 2019 году³⁴; Япония в 2021 году³⁵. Специфика национального права США состоит в обусловленном историческими причинами наличии развитого законодательства в области космической деятельности, включая коммерческую. Большая часть американского Закона 2015 г. посвящена созданию дополнительных

³¹ U.S. Commercial Space Launch Competitiveness Act. Public Law 114-90 // US Congress. 25.11.2015. URL: <https://www.congress.gov/114/plaws/publ90/PLAW-114publ90.pdf> (accessed: 01.08.2023).

³² Pub. L. 114-90 "Commercial Space Launch Competitiveness Act of 2015", §401, 51 U.S.C. §10101 note (2019), under which Title IV of this Act (51 U.S.C. §§51301-51303) (2019) could be cited as "Space Resource Exploration and Utilization Act of 2015" (The U. S. Act of 2015).

³³ Loi du 20 juillet 2017 sur l'exploration et l'utilisation des ressources de l'espace // Journa Officiel. URL: <http://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2017/07/20/a674/jo> (дата обращения: 11.08.2023).

³⁴ Federal Law No. (12) of 2019 issued on 19/12/2019 corresponding to 22 Rabi' Al-Akhar 1441H. On the Regulation of the Space Sector. URL: <https://www.moj.gov.ae/assets/2020/Federal%20Law%20No%2012%20of%202019%20on%20THE%20REGULATION%20OF%20THE%20SPACE%20SECTOR.pdf.aspx> (accessed: 07.09.2023).

³⁵ Japan's Act No. 83 of 2021 on the Promotion of Business Activities for the Exploration and Development of Space Resources. URL: <https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2021-09-15/japan-space-resources-act-enacted/#:~:text=Article%20Japan%3A%20Space%20Resources%20Act%20Enacted&text=Japan's%20new%20Act%20on%20Promotion,force%20on%20December%2023%2C%202021> (accessed: 11.08.2023).

(к действовавшим на дату его принятия³⁶), ещё более благоприятных условий развития коммерческой космической деятельности при уточнении прав на разработку природных ресурсов небесных тел. В разделе «Оптимизация деятельности по коммерческим космическим запускам (Streamline commercial space launch activities)» предусмотрено, что министр транспорта должен способствовать коммерческим космическим запускам частных компаний, оказывать поддержку участию как государственных организаций, так и частного сектора в развитии американской космической инфраструктуры.

Вместе с тем этот раздел содержит ряд важных ограничений коммерческой космической деятельности, связанных в первую очередь с обеспечением со стороны Вашингтона исполнения международных обязательств в соответствии с принципом международного космического права о международной ответственности государств за всю их национальную деятельность в космическом пространстве, в том числе осуществляемую частными компаниями, зарегистрированными в данном случае по американскому законодательству. Предусмотрена обязанность министра защищать «общественное здоровье» (“public health”) и «безопасность» (“safety”), «национальные» и «внешнеполитические» интересы, «проводить консультации» с руководителями других ведомств, включая министра обороны и руководителя НАСА, реализовывать применение соответствующих законодательных предписаний о «лицензиях» (“licenses”) и «разрешениях» (“permits”) в области космической деятельности. Предусмотрена подготовка министром транспорта (в координации с министром обороны, руководителем НАСА и других компетентных ведомств, представителями коммерческого космического сектора) докладов Конгрессу, содер-

жащих описание действующих процедур лицензирования, тех усилий, которые предпринимаются с целью их оптимизации, а также рекомендаций по совершенствованию.

В разделе Закона 2015 года, посвящённом управлению движением на орбите (“Orbital Traffic Management”), предусмотрены прежде всего правовые меры улучшения системы управления космическим движением, а также сокращения роста космического мусора (что весьма актуально именно в связи с увеличением количества запускаемых в космос объектов, в том числе частными компаниями). Один из разделов Закона предусматривает меры регулирования, способствующие разработке «добровольных отраслевых консенсусных стандартов», основанных на «наилучших практиках» укрепления безопасности в космической отрасли по мере того, как коммерческий космический сектор продолжает «взрослеть». Здесь же закреплён статус «правительственных астронавтов» — новой категории лиц, участвующих в полётах в космос³⁷. Как обозначено в тексте, в связи с планируемым использованием коммерческих космических аппаратов у НАСА есть потребность в назначении для участия в космических миссиях, осуществляемых частным бизнесом, «правительственных астронавтов». Они юридически не являются экипажем (*crew*) коммерческих космических аппаратов.

В Законе дано определение понятия «правительственные астронавты». Это — назначенные НАСА лица, в основные задачи которых включена деятельность, непосредственно связанная с запуском и возвращением соответствующих космических аппаратов. Помимо обозначенных Космической администрацией государственных служащих США, к этой категории также относятся «астронавты международного партнёра», под которыми закон подразумевает физи-

³⁶ Начиная с установленных Законом США о коммерческих космических запусках 1984 г. Public Law No: 98-575. The U. S. Commercial Space Launch Act of 1984 // US Congress. URL: <https://www.congress.gov/bill/98th-congress/house-bill/3942/text> (accessed: 11.08.2023).

³⁷ В дополнение к ранее установленным категориям — «экипаж» космического аппарата и «участник космического полёта».

ческих лиц, назначенных в соответствии со статьёй 11 Межправительственного соглашения о Международной космической станции (далее – МКС) 1998 года³⁸. Можно прогнозировать, что в будущем определение этого понятия в американском законодательстве может быть расширено, например за счёт включения астронавтов из стран-партнёров не только по Соглашению о МКС, но и по Соглашениям «Артемиды». Уточнён в законе и статус «участника космического полета» (“space flight participant”)³⁹ как лица на борту запускаемого, функционирующего на орбите или возвращаемого космического аппарата, не относящегося к «экипажу» и не являющегося «правительственным астронавтом».

Для международно-правовой оценки Закона США особое значение имеют содержащиеся в нём ключевые правовые дефиниции, установленные для целей регулирования космической деятельности. В отличие от универсальных международных договоров ООН о деятельности в Мировом океане и в космосе, где предусмотрен только термин «природные ресурсы», в тексте американского закона содержится не понятие «природные ресурсы» небесных тел, а термины «ресурсы астероида» и «космические ресурсы». Последнее, согласно этому же документу, означает абиотические (неживые) ресурсы *in situ* (лат. – «в месте их нахождения») в космосе. Они, как уточнено, включают в себя «воду» и «минеральные вещества». Термин «ресурсы астероидов» означает, если руководствоваться этим Актом, те космические ресурсы, которые находятся на «отдельном астероиде» или «внутри него». При этом отметим, что использование Соединёнными Штатами Америки понятия «космические ресурсы» вместо устоявшихся в международном праве «природных ресурсов» (суши [Campbell-

Mohn 1993: 107–142], моря [Вылегжанин 2001:7–15], космоса [Василевская 1974: 95–113]) привело к изменениям, выходящим за рамки американского законодательства. Инициированное Вашингтоном терминологическое нововведение используется в законах ряда государств – Люксембурга, Японии, ОАЭ, а также в двусторонних Соглашениях «Артемиды», в наименовании учреждённой в 2021 г. «Рабочей группы по правовым аспектам деятельности, связанной с космическими ресурсами» Юридического подкомитета Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях⁴⁰.

Использование нового понятия взамен старого в деятельности Комитета ООН по космосу уже ставит вопрос о дальнейшей приоритетности понятийного аппарата. С одной стороны, того, который, будучи впервые представленным в Законе, используется в деятельности указанной Рабочей группы. С другой – изначального варианта, который был консенсусом согласован при разработке текста последнего из пяти договоров ООН по космосу при участии СССР и США, то есть Соглашения о Луне 1979 года. Можно констатировать, что терминологические нововведения Акта 2015 года, пусть и опосредованно, но уже приводят к изменению применимого международно-правового понятийного аппарата.

Эти изменения вряд ли окажутся единичными. Разумно ожидать дальнейшего продвижения Вашингтоном собственного понимания основных содержательных элементов правового режима природоресурсной деятельности в космосе в случае его уточнения на универсальной международно-правовом уровне. К тому же подобное намерение явно выражено в анализируемых далее Соглашениях «Артемиды». Между тем позитивным в Законе США яв-

³⁸ Соглашение между Правительством Канады, Правительствами государств-членов Европейского космического агентства, Правительством Японии, Правительством Российской Федерации и Правительством США относительно сотрудничества по международной космической станции гражданского назначения 1998 года. URL: <https://base.garant.ru/2541609/> (дата обращения: 07.09.2023).

³⁹ К этой категории относятся главным образом космические туристы.

⁴⁰ Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities // UN OOSA. URL: <https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/copuos/lsc/space-resources/index.html> (accessed: 17.11.2023).

ляется положение о запрете присвоения не только небесных тел, но и их участков, а также природных ресурсов *in situ*. Тем не менее очевидны и отличия в формулировках. Если в Соглашении о Луне сказано о «природных ресурсах там, где они находятся» (“resources in place”) и предусматривается чёткий юридический запрет их национального присвоения любыми средствами, то Акт 2015 года, используя аналогичную формулировку — «ресурсы в месте их нахождения» (*in situ*) — предусматривает конкретные права лиц на их разработку исключительно на основе американского законодательства. К ним отнесены права владеть добытыми на небесных телах полезными ископаемыми, иными веществами, иметь их в собственности, транспортировать, использовать и продавать «в соответствии с применимым правом, включая международно-правовые обязательства США». Понятно, что применимое право в таком контексте включает и нормы американского национального права.

Закон 2015 г. возлагает на американского президента обязанности способствовать коммерческому освоению космоса гражданами Соединённых Штатов; способствовать ликвидации административных препятствий частной космической коммерческой деятельности. При этом в тексте декларируется её соответствие международным обязательствам Вашингтона, подтверждается отказ страны от провозглашения суверенитета, исключительных прав, юрисдикции или прав собственности в отношении «какого-либо небесного тела»⁴¹.

Во исполнение Закона 2015 года, а также Директивы-1 космической политики Соединённых Штатов 2017 года⁴² в апреле 2020 г. президентом США был подписан Указ «О поощрении международной поддержки разведки, добычи и использования космических ресурсов»⁴³. В нём было заявлено прежде всего о планах страны по возвращению человека на Луну с целью её долгосрочного исследования и использования; о планах дальнейшей реализации программ по высадке на Марс; о необходимости для успешного «долгосрочного освоения и исследования Луны, Марса, других небесных тел» сотрудничества с частными компаниями, которые намерены добывать на небесных телах полезные вещества, включая воду и минералы. В документе 2020 г. представлено уточнённое, по сравнению с Законом 2015 года, видение Администрацией президента США правового режима природных ресурсов небесных тел. В частности, упоминается неопределённость прав на их использование, согласно Договору по космосу 1967 года. В результате некоторые коммерческие компании отказались от космической природоресурсной деятельности.

В условиях названной международно-правовой «неопределённости» примечательно следующее положение рассматриваемого Указа: «У американцев есть право участвовать в коммерческом освоении, добыче и использовании космических ресурсов, согласно применимому праву». Реализация этой клаузулы, как и аналогичных положений Закона 2015 г. и Соглашений «Артемида», в случае отсутствия установ-

⁴¹ В заключительном положении Закона США 2015 года (SEC. 403. Disclaimer of extraterritorial sovereignty) так и сказано: “It is the sense of Congress that by the enactment of this Act, the United States does not thereby assert sovereignty or sovereign or exclusive rights or jurisdiction over, or the ownership of, any celestial body.”

⁴² Меморандум Администрации президента США Д. Трампа о возрождении американской пилотируемой программы исследования космоса, провозглашающий ведущую роль страны в сотрудничестве с коммерческими и международными партнёрами в долгосрочном пребывании на Луне в целях её исследования и использования с последующими миссиями на Марс и в других направлениях. См.: Administration of Donald J. Trump, 2017, Memorandum on Reinvigorating America's Human Space Exploration Program, December 11, 2017. Space Policy Directive-1. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-201700902/pdf/DCPD-201700902.pdf> (accessed: 07.09.2023).

⁴³ Executive Order on Encouraging International Support for the Recovery and Use of Space Resources // Trump White House. 06.04.2020. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/executive-order-encouraging-international-support-recovery-use-space-resources/> (accessed: 07.09.2023).

ления к этому моменту специального международно-правового режима природоресурсной деятельности в космосе, может привести к международным спорам. Учитывая что природные ресурсы небесных тел являются объектом регулирования именно международного космического права, отметим, что само право их использования для обеспечения бесконфликтного характера такой деятельности должно быть основано главным образом на международно-правовой норме универсального характера. Далее в документе Соединённые Штаты Америки уточняют свою позицию: «Космическое пространство как с правовой, так и с физической точки зрения представляет собой уникальную область человеческой деятельности, и США не рассматривают его в качестве всеобщего достояния (global commons)»⁴⁴. Соответственно, прописано в Указе 2020 года, политика Вашингтона «состоит в поиске международной поддержки государственной и частной добычи космических ресурсов в соответствии с применимым правом».

Таким образом, можно выявить следующие основные уточняющие элементы международно-правовой позиции Соединённых Штатов Америки в области природоресурсной космической деятельности: 1) американская сторона рассчитывает на получение международной поддержки собственного подхода; 2) если к моменту начала реализации проектов по коммерческой эксплуатации природных ресурсов небесных тел на универсальном уровне позиция этой страны и её партнёров не будет учтена при установлении специального международно-правового режима, то можно ожидать, что США в качестве «применимого права» будут рассматривать исключительно своё национальное законодательство, Соглашения «Артемиды», а также до-

полнительные правовые акты, которые будут приняты на их основе и в их развитие.

В разделе Указа 2020 года, посвящённом Соглашению о Луне⁴⁵, подчёркнуто, что его американская сторона не рассматривает в качестве эффективного, особенно с точки зрения стимулирования коммерческого участия в долгосрочном исследовании и использовании небесных тел. На государственного секретаря США возлагается обязанность «противостоять любым попыткам какого бы то ни было государства» рассматривать Соглашение о Луне как отражающее нормы обычного международного права, то есть как имеющее общеобязательный характер для всех государств, в том числе в Соглашении не участвующих. В этой связи примечательно, *во-первых*, что до сих пор международная конференция для установления правового режима эксплуатации природных ресурсов небесных тел, созыв которой предусмотрен Соглашением о Луне, не созвана. Более того, обозначился пример выхода из этого договора: речь идёт о Саудовской Аравии, которая предпочла участвовать в межправительственном Соглашении «Артемиды» с США, предусматривающем иной порядок природоресурсной деятельности в космосе, как будет показано ниже. *Во-вторых*, другие лидирующие в области космической деятельности государства — Китай и Россия — также не участвуют в Соглашении о Луне 1979 года. Вопрос о возможности установления общеприемлемого международно-правового режима эксплуатации таких ресурсов лишь узким кругом государств-участников Соглашений «Артемиды» не вполне ясен. Здесь же отметим подтверждение в Указе 2020 г. приверженности США соблюдению обязательств по Договору по космосу 1967 года. В какой мере на практике это намерение может

⁴⁴ Executive Order on Encouraging International Support for the Recovery and Use of Space Resources // Trump White House. 06.04.2020. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/executive-order-encouraging-international-support-recovery-use-space-resources/> (accessed: 07.09.2023). Section 1, last paragraph.

⁴⁵ В нём США, напомним, не участвуют, хотя и вели активные переговоры по подготовке его текста. Подробнее о позициях СССР и США при разработке Соглашения о Луне см.: [Колосов, Юзбашян 2015: 16].

быть реализовано, покажет только конкретная деятельность субъектов международного права по использованию природных ресурсов небесных тел.

Документ 2020 г. возлагает на государственного секретаря США в координации с главами других ведомств и НАСА обязанность принимать «все необходимые меры» для международной поддержки американского космического природоресурсного законодательства и осуществляемой в соответствии с ним деятельности, включая юридическими лицами. Представителю американской дипломатии при выполнении возложенной на него обязанности следует стремиться к разработке совместных заявлений, а также к заключению международных соглашений, в том числе двусторонних, с другими государствами относительно безопасности и устойчивости операций по добыче полезных веществ на небесных телах. Чиновник должен также предоставлять отчёт об исполнении возложенных на него обязательств.

Отдельно рассмотрим и потенциальные последствия непризнания космоса в Указе 2020 г. в качестве «всеобщего достояния» (“global commons”)⁴⁶. Договор по космосу 1967 года, приверженность соблюдению которого Соединённые Штаты признают, квалифицирует (ст. I) исследование и использование космического пространства в качестве «достояния всего человечества» (“the province of all mankind”), при этом концепцию «всеобщее достояние» не упоминает. Таким образом, прямого нарушения со стороны Вашингтона Договора по космосу нет. Тем не менее, как показано в

международно-правовой науке, доктринальная концепция “global commons”, под которую подпадает и космос, соотносится с договорной концепцией “province of all mankind” в том смысле, что они обе основаны на ключевом принципе соблюдения всяким субъектом деятельности в космическом пространстве обязательства «по учёту интересов и прав других таких субъектов»⁴⁷.

В этом смысле, принимая во внимание совпадение обеих концепций в части основных обязательств, позиция США представляется противоречивой. Подтверждая приверженность Договору по космосу, включающему концепцию «достояние всего человечества», они отрицают признание космоса в качестве «всеобщего достояния», при том что ранее американская сторона опиралась в своих документах именно на эту доктринальную концепцию⁴⁸. В этой связи актуальным становится вопрос, существуют ли достаточные основания ожидать от Вашингтона соблюдения Договора по космосу в части обязательств по учёту интересов и прав других субъектов деятельности в космическом пространстве? Не является ли эта позиция показательной в контексте дальнейших намерений США в части определения применимого к космической природоресурсной деятельности уровня правового регулирования (универсального или сепаратного)? Вряд ли причиной такой внутренне противоречивой позиции является путаница в понимании квалифицированными юристами Государственного департамента термина «общее благо» (“commons”) в международно-правовом и экономическом смыслах⁴⁹.

⁴⁶ Executive Order on Encouraging International Support for the Recovery and Use of Space Resources // Trump White House. 06.04.2020. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/executive-order-encouraging-international-support-recovery-use-space-resources/> (accessed: 07.09.2023). См. подробнее: Pace S. Interview on the U.S. Space Resources Executive Order // Space Watch Global // Space Watch. URL: <https://spacewatch.global/2020/04/spacewatchgl-interview-dr-scott-pace-on-the-u-s-space-resources-executive-order/> (accessed: 01.08.2023).

⁴⁷ Kopal V. Outer Space as Global Commons in the Proc. of the Fortieth Coll. on L. of Outer Space. 1997. P. 108–116. Цит. по: Lyall F. Space law: a treatise / Ed. by F. Lyall, P. B. Larsen. 2009. P. 280–281.

⁴⁸ См.: Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defence // United States Department of Defence. 01.2012. URL: https://archive.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf (accessed: 01.08.2023).

⁴⁹ Tepper E. Space Resources: Between Economic and Legal Commons, in Proc. of the Fifty-Ninth Coll. on L. of Outer Space. 2016. P. 7.

Приведём некоторые дополнительные мнения о содержании концепции “global commons”. Указывается, что отнесение каких-либо объектов, в том числе небесных тел, к «всеобщему достоянию» само по себе не запрещает экономическую деятельность на них отдельных государств, но в конкретных случаях данный вопрос решается в результате согласования намерений всех заинтересованных сторон⁵⁰. Согласно иной точке зрения, занимаемой некоторыми американскими правоведом, концепция “global commons” неприменима к космическому пространству по той причине, что она «в рамках международного права относится к территориям», а небесные тела «не обладают признаком территориальности»⁵¹.

Между тем и это объяснение небезупречно. Обозначая путь к американскому видению статуса природных ресурсов небесных тел, дополняя и обновляя понятийно-терминологический аппарат такого статуса, осознавая, что это видение не во всём соответствует Договору по космосу 1967 года, в том числе в части учёта интересов других субъектов деятельности в космическом пространстве, США хотели бы тем не менее выгладеть абсолютно правопослушным государством, не нарушающим этот договор.

Указ президента 2020 г. вызвал значительный резонанс. Группа исследователей даже направила открытое письмо в адрес министра иностранных дел Канады с при-

зывом на официальном уровне занять позицию, отличную от американской. В нём отмечается, что между государствами давно сложился консенсус, что разработка природных ресурсов небесных тел должна «регулироваться международным соглашением, как было реализовано в других районах, находящихся за пределами национальной юрисдикции». Более того, подвергается критике позиция Вашингтона в отношении ресурсов, не входящих в понятие «всеобщего достояния» (“global commons”), а поддержка Соединёнными Штатами «одностороннего подхода» к их управлению названа «беспрецедентной»⁵².

Кроме того, составители письма ссылаются на Ванкуверские рекомендации по добыче природных ресурсов небесных тел⁵³, напоминая об отражённом в них ключевом подходе. По вопросу их правового режима необходимо проведение многосторонних переговоров с максимально широким участием государств. Тем не менее спустя всего месяц с даты вступления Указа в силу стали появляться новости о разработке США типового международного соглашения — Соглашений «Артемиды» — которое предусматривает некие договорные рамки сотрудничества государств в освоении Луны, других небесных тел, их природных ресурсов⁵⁴.

Таким образом, законодательные нововведения Соединённых Штатов Америки: *de facto* являются значимым этапом последовательного продвижения национального

⁵⁰ Blount P.J. Another Pyrrhic Victory: The White House’s Latest Executive Order on Space Mining // Space Watch Global. URL: https://spacewatch.global/2020/04/another-pyrrhic-victory-the-white-houses-latest-executive-order-on-space-mining/?mc_cid=9dc0ad1da7&mc_eid=2154daa6ec (accessed: 01.08.2023).

⁵¹ Listner M. U.S. Space Resources Executive Order: Bottom-up Approach to Rule-making // Space Watch Global. URL: <https://spacewatch.global/2020/04/spacewatchgl-perspective-on-us-space-resources-executive-order-michael-listner-on-the-eos-bottom-up-approach-to-rulemaking/> (accessed: 01.08.2023).

⁵² Открытое письмо, адресованное Правительству Канады, в отношении вопроса правового режима космических ресурсов. 20.04.2020. URL: http://www.outerspaceinstitute.ca/docs/Open_Letter_to_Cdn_FM_reUS_EO_on_Space_Mining.pdf (accessed: 01.08.2023).

⁵³ Vancouver Recommendations on Space Mining // Outer Space Institute. 20.04.2020. URL: https://www.outerspaceinstitute.ca/docs/Vancouver_Recommendations_on_Space_Mining.pdf (accessed: 01.08.2023).

⁵⁴ NASA’s new Artemis Accords govern how we cooperatively and safely explore the moon and Mars / By A. Strickland, CNN, May 18, 2020. URL: <https://edition.cnn.com/2020/05/18/us/nasa-artemis-accords-scen-trnd/index.html> (accessed: 01.08.2023).

подхода этого государства к уточнению статуса природных ресурсов небесных тел; *de jure* в отсутствие поддержки на универсальном договорном уровне не могут быть квалифицированы в качестве достаточной в контексте правомерности основы будущей природоресурсной деятельности.

Соглашения «Артемиды» – сугубо политический документ?

Первые Соглашения «Артемиды» были подписаны США 13 октября 2020 г. с семью странами (Австралией, Великобританией, Италией, Канадой, Люксембургом, ОАЭ, Японией). Полное название этих документов даёт начальное представление об их правовой природе и содержании: «Принципы сотрудничества в области гражданской разработки и использования Луны, Марса, комет и астероидов в мирных целях». Следует отметить, что принятие и продвижение этих принципов является частью одноимённой программы НАСА, включающей в себя пилотируемые полёты сначала на Луну (первый из них запланирован на 2024 год), а затем с использованием полученного опыта и на Марс⁵⁵. С учётом последующих присоединений государств к Соглашениям «Артемиды» (например, Аргентины – 27 июля 2023 года⁵⁶), общее число их участников на начало ноября 2023 г. составляет 28⁵⁷.

Эти договорённости представляют собой, по сути, один и тот же документ с разницей обозначенных государств, от имени которых они подписаны. Текст состоит из 13 разделов, каждый из которых посвящён конкретному объекту сотрудничества⁵⁸.

Первый раздел затрагивает прежде всего цели Соглашений, в качестве которых обозначено установление общего видения с помощью «практического набора принципов, руководящих положений и лучших практик», а также «улучшение управления в области мирного исследования и использования космического пространства». В документе отмечается, что приверженность этим положениям способствует повышению безопасности космической деятельности, снижению неопределённости, продвижению начал устойчивого использования космоса «на благо всего человечества». Указывается, что Соглашения «Артемиды» являются политическим обязательством (“political commitment”) соблюдать описанные в них принципы, «многие из которых предусматривают практическую реализацию (“operational implementation”) важных обязательств, содержащихся в Договоре по космосу и других документах». Последнее положение требует особо обстоятельного международно-правового анализа.

В интервью от 5 мая 2023 г. исполняющий обязанности руководителя Бюро по океанам и международным экологическим и научным вопросам Дж. Л. Литтлджон охарактеризовала правовую природу Соглашений «Артемиды» следующим образом: «Основанные на Договоре по космосу 1967 года, Соглашения являются многосторонней декларацией принципов, не имеющей обязательной юридической силы, но являющейся руководством по безопасному и транспарентному мирному исследованию космоса и продвижению

⁵⁵ Artemis. General information // NASA. URL: <https://www.nasa.gov/specials/artemis/> (accessed: 01.08.2023).

⁵⁶ NASA welcomes Argentina as Newest Artemis Accords Signatory // NASA. 27.07.2023. URL: <https://www.nasa.gov/press-release/nasa-welcomes-argentina-as-newest-artemis-accords-signatory> (accessed: 01.08.2023).

⁵⁷ Аргентина, Колумбия, Израиль, Новая Зеландия, Руанда, Украина, Австралия, Чехия, Италия, Нигерия, Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн, Эквадор, Япония, Польша, Сингапур, Великобритания, Бразилия, Франция, Люксембург, Республика Корея, Испания, США, Канада, Индия, Мексика и Румыния. The Artemis Accords. Principles for a Safe, Peaceful and Prosperous Future // NASA. URL: <https://www.nasa.gov/specials/artemis-accords/index.html> (accessed: 01.08.2023).

⁵⁸ The Artemis Accords Principles for Cooperation in the Civil Exploration and Use of the Moon, Mars, Comets, and Asteroids for Peaceful Purposes // NASA. URL: <https://www.nasa.gov/specials/artemis-accords/img/Artemis-Accords-signed-13Oct2020.pdf> (accessed: 01.08.2023).

сотрудничества в таком исследовании»⁵⁹. Тот факт, что они не обладают качеством юридически обязательных для государств документов и не считаются международными договорами, отмечается и в международно-правовой науке [Deplano 2021; Neef 2021]. Эта квалификация Соглашений «Артемиды» косвенно подтверждается и положениями их текстов: депозитарий Соглашений – Правительство США – обязуется передать их копию («не подлежащую регистрации в соответствии со ст. 102 Устава ООН») Генеральному секретарю ООН «для распространения среди всех членов Организации в качестве официального документа ООН» (раздел 13 Соглашений «Артемиды»).

Вместе с тем нельзя их квалифицировать и как документы, не имеющие юридически обязательного характера. Согласно разделу 2 Соглашений, все документы государств-участников, «такие как меморандумы о взаимопонимании, межведомственные договорённости и иные, которые будут заключены такими государствами» в рамках совместной деятельности в космосе в будущем, «должны ссылаться на Соглашения “Артемиды” и включать положения о выполнении принципов, в них установленных». Таким образом, принципы, позиционируемые не в качестве договорно-правовых, фактически нацелены на их распространение как юридически обязательных среди расширяющегося круга государств–партнёров США по таким соглашениям.

Полезным представляется сопоставление текста Соглашений с Договором по

космосу 1967 года, в котором, напомним, Соединённые Штаты участвуют. Положения, содержащиеся в Соглашениях, можно условно разделить на три блока: (1) те, которые повторяют обязательства, предусмотренные Договором по космосу и другими соглашениями ООН в области космического права, хотя и слегка переформулированные Государственным департаментом⁶⁰; (2) те, которые предусматривают технические обязательства, хотя и не зафиксированные в Договоре по космосу, но не противоречащие ему⁶¹; (3) те, которые расширяют или уточняют уже существующие клаузулы Договора по космосу 1967 года⁶².

Отдельно рассмотрим раздел 10 Соглашений «Артемиды», посвящённый правовому режиму природных ресурсов небесных тел. Этот термин, используемый в одном из пяти перечисленных выше договоров ООН по космосу, вообще не употребляется в анализируемом документе. В нём применяется понятие «космические ресурсы», скопированное из Закона США 2015 года. Восхождение этого нового для международного права термина из американского закона в договорно-правовой документ вместо ранее общепринятого в науке международного космического права термина «природные ресурсы небесных тел» усиливает роль американского законодательства при толковании таких соглашений.

Между тем подобная замена привносит и новые вопросы, ответы на которые необходимы для понимания правовой политики США и их партнёров по Соглашениям

⁵⁹ Space Unites Us. Dipnote: Climate and Environment. Jennifer L. Littlejohn, Acting Assistant Secretary Bureau of Oceans and International Environmental and Scientific Affairs // US Department of State. URL: <https://www.state.gov/dipnote-u-s-department-of-state-official-blog/space-unites-us> (accessed: 01.08.2023).

⁶⁰ Например, положение раздела 3 предусматривает, что деятельность в рамках Соглашений должна осуществляться исключительно в мирных целях в соответствии с «применимыми нормами международного права»; при этом содержание слов «применимые нормы международного права» в данном контексте не раскрывается.

⁶¹ Например, положение раздела 5 о функциональной совместимости (interoperability) объектов космической инфраструктуры и соответствующих стандартов с тем, чтобы государства–партнёры США по Соглашениям «Артемиды» разрабатывали и создавали технологически совместимые элементы такой инфраструктуры.

⁶² Например, положение раздела 4, предусматривающего требование о транспарентности в отношении национальной космической политики государств, а также их планов исследований космоса.

«Артемиды» в области космической природоресурсной деятельности. Во-первых, в разделе 10 Соглашений отмечается, что извлечение и использование космических ресурсов (extraction and utilization of space resources) должно осуществляться таким образом, который «соответствует Договору по космосу». Корректно ли выражение «извлечение космических ресурсов»? Несколько универсальных международных договоров проводят чёткое разграничение между статусом природных ресурсов (которые находятся в естественной среде в их «первозданном состоянии», выражаясь словами англоязычной юридической энциклопедии⁶³) от статуса уже извлечённых из естественной среды полезных для человека веществ.

Лишь первые являются природными ресурсами; они представляют собой ресурсы *in situ*⁶⁴. На них не распространяются, например, вещные права. Вторые — это извлечённые из естественной среды полезные ископаемые (minerals — термин Конвенции ООН по морскому праву 1982 года); энергетические материалы и продукты (energy materials and products — термин Договора к Энергетической хартии 1994 года); иные востребованные в человеческом обществе продукты. Разумеется, они являются объектом вещных прав. Такое же чёткое разграничение воспринято в упомянутых выше пяти универсальных международных договорах по космосу. В англоязычном тексте Соглашения о Луне 1979 года, например, используется термин «природные ресурсы» (natural resources) в тех ситуациях, когда речь идёт о природных ресурсах небесных тел *in situ*. Если же имеются в виду уже извлечённые из естественной среды материалы, то употребляется термин «вещества» (matter)⁶⁵, но не «ресурсы» (resources).

Вопреки такому устоявшемуся разграничению статуса природных ресурсов (в их естественной среде) от правового положения уже извлечённых полезных для человека веществ в правовых документах США стёрта грань между первым и вторым. Согласно американскому подходу, как отмечалось, космические ресурсы (space resources) означают ресурсы *in situ*⁶⁶. Тем не менее, как следует из цитированных документов Соединённых Штатов Америки, оказывается, что и после извлечения с места залегания они остаются космическими ресурсами (space resources). Можно предположить, что это — лишь правовой недочёт, допущенный юристами Государственного департамента и иных властных структур страны. Но при реалистичной оценке в этом изъёме усматривается весьма профессиональный мотив — предупредить обвинения в сторону Вашингтона и его партнёров по Соглашениям «Артемиды» в нарушении Договора по космосу 1967 года. Косвенно это подтверждается следующим положением в Соглашениях: «извлечение космических ресурсов само по себе не составляет национального присвоения в смысле статьи II Договора по космосу» (“extraction of space resources does not inherently constitute national appropriation under Article II of Outer Space Treaty”). Названная статья Договора по космосу предусматривает, что небесные тела не подлежат национальному присвоению. Природные ресурсы небесных тел в их естественной среде, согласно принятому в универсальных международных договорах подходу, показанному выше, являются частью небесных тел и имеют тот же статус, что и последние. На природные ресурсы морского дна за пределами национальной юрисдикции распространяется соответствующий правовой режим⁶⁷. Извлечённые

⁶³ Black H.C. Black's Law Dictionary. 6th ed. St. Paul, Minn.: WEST PUBLISHING CO. 1990. P. 1027.

⁶⁴ Лат.: «в месте нахождения».

⁶⁵ При этом стоит отметить, что данный термин в Договоре по космосу (равно как и в Соглашении о Луне) используется в контексте недопущения неблагоприятных изменений земной среды, а также вредоносного загрязнения Луны соответственно.

⁶⁶ U.S. Commercial Space Launch Competitiveness Act. 2015. Chapter 513.

⁶⁷ Подробнее см.: [Вылегжанин 2001].

из естественной среды (с небесных тел в данном случае) вещества имеют иной правовой режим. Договор по космосу прямо не запрещает государству присваивать «внеземные вещества», извлечённые из естественной среды на небесных телах, в том числе в целях доставки на Землю.

Фиксируя в Соглашениях «Артемиды» право извлекать космические ресурсы и затем распространять на них вещные права, включая право собственности, но определяя их в Законе 2015 г. как ресурсы *in situ*, Соединённые Штаты неизбежно вступают в противоречие со своим обязательством по Договору по космосу не присваивать их. Между тем Вашингтон находит изощрённый юридический способ избежать такого явного расхождения, называя и извлечённые из естественной среды небесных тел вещества тем же термином — «космические ресурсы». Эта продуманная юридическая тактика позволяет США не выглядеть нарушителем Договора по космосу: страна не обозначила намерения присваивать небесные тела, соблюдая упомянутое обязательство по ст. II Договора.

Тем не менее в рамках своего законодательства и Соглашений «Артемиды» американская сторона установила механизм присвоения в неограниченных масштабах не только уже извлечённых полезных ископаемых и иных веществ, но и природных ресурсов в их естественной среде. При этом США не приемлют классический международно-правовой подход к пониманию юридического смысла термина «ресурсы *in situ*» как имеющий тот же статус, что и правовое положение того района, в естественной среде которого эти ресурсы находятся в их первозданном виде. Кроме того, данное положение отражает толкование Соединёнными Штатами и их партнёрами по Соглашениям «Артемиды» текста универсального международного Договора по космосу, в котором участвует, напомним, более ста государств.

Отметим также, что в части предупреждения и урегулирования конфликтных ситуаций (раздел II Соглашений «Артемиды») подтверждена приверженность обязатель-

ству о должном учёте интересов субъектов космической деятельности и других обязательств согласно ст. IX Договора по космосу 1967 года. Для того чтобы не создавать потенциальные препятствия космической деятельности других государств-участников Соглашений, предусмотрено взаимное уведомление о зонах безопасности. Они определены как район космической деятельности государства-участника, в отношении которого оно обязуется соблюдать ряд специальных принципов: сфера зон безопасности должна определяться в разумных пределах на основе общепринятых научных и инженерных расчётов; предусмотрена ротация их существования; ограниченный по времени характер функционирования такой зоны, соответствующий сроку космической операции; при осуществлении там деятельности стороны обязуются обеспечивать соблюдение права на свободный доступ во все районы небесных тел согласно ст. I Договора по космосу 1967 года. Вопрос о том, возможно ли практически обеспечение свободного доступа в условиях их функционирования, требует дополнительного исследования. В этом же контексте возникает потребность в изучении проблем обеспечения бесконфликтной реализации предусмотренных Договором прав государств, не участвующих в Соглашениях; возможной степени и форме баланса прав и интересов, в том числе экономических, различных субъектов международного сообщества.

Соглашения «Артемиды» предусматривают также использование опыта, полученного в ходе их реализации, в целях дальнейшего развития «международных практик и правил, применимых к добыче и использованию космических ресурсов, включая усилия, предпринимаемые в настоящее время в рамках Комитета ООН по космосу». Само его упоминание в этом контексте, несомненно, позитивно. В то же время приведённое положение может подразумевать и намерение США и их партнёров по Соглашениям закрепить своё видение действующего международно-правового режима природных ресурсов небесных

тел как уже сложившееся и действующее вне зависимости от позиций на этот счёт большинства государств мира, не участвующих в Соглашениях «Артемиды».

От последних исходят неоднозначные оценки законодательных и договорно-правовых инициатив Вашингтона в области космической природоресурсной деятельности. Большее число таких государств воздерживаются от критики американской природоресурсной космической политики. Меньшее число выступили против неё, показывая, что она идёт вразрез с коллективными интересами большинства государств-участников Договора по космосу 1967 года, что она размывает международное космическое право, создавая почву для потенциально конфликтных ситуаций в будущем. Предметно эти различия в оценках проявились в Юридическом подкомитете Комитета ООН по космосу.

Итак, Соглашения «Артемиды» не во всём соответствуют применимым универсальным договорно-правовым принципам и нормам и не могут быть квалифицированы в качестве *de jure* равноценной им замены; *de facto* наличествуют, однако, основания для прогнозирования дальнейшего расширения круга государств-партнёров Вашингтона по этим соглашениям, но вряд ли в количестве, сопоставимом с уже более 110 государствами-участниками Договора по космосу 1967 г. и с более 100 государствами-членами Комитета ООН по космосу.

Обсуждение вопроса о правовом режиме природных ресурсов небесных тел в Комитете ООН по космосу

ООН является наиболее авторитетной площадкой для согласования универсальных норм о космической деятельности, в том числе природоресурсной, принимая во внимание наиболее представительный состав государств, участвующих в таком согласовании. Компетентным органом в структуре организации в данной области

является Комитет ООН по космосу, его Юридический подкомитет. В рамках 61-й сессии Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу некоторые участники представили своё видение дальнейших шагов в этом направлении (пункт повестки дня – «Общий обмен мнениями о возможных моделях правового регулирования деятельности по исследованию, освоению и использованию космических ресурсов»).

Дипломаты США провели предварительную работу с представителями государств в этом органе ООН. Обращает на себя внимание то, как легко состоялась замена термина «природные ресурсы небесных тел», ранее широко используемого в документах ООН, на словосочетание «космические ресурсы», перекочевавшее из американского законодательства уже и в документы Комитета по космосу. При этом стоит отдельно отметить, что указанное словосочетание было воспринято Юридическим подкомитетом, а затем и самим Комитетом ООН по космосу весьма оперативно: уже в 2016 году, спустя всего год после принятия Закона США и активизации дискуссий о будущем правового режима природных ресурсов небесных тел, по результатам проведения 55-й сессии Юридического подкомитета было принято решение о включении в повестку дня очередной сессии пункта, озаглавленного «Общий обмен мнениями о возможных моделях правового регулирования деятельности по исследованию, освоению и использованию космических ресурсов»⁶⁸.

В свете обозначенной выше подмены понятий неудивительно, что представитель Соединённых Штатов Америки опирался именно на термин «космические ресурсы» как уже общепринятый. В его выступлении в Комитете ООН было озвучено, что их использование является критически важным для долгосрочной устойчивости космической деятельности; что

⁶⁸ Доклад Юридического подкомитета о работе его пятьдесят пятой сессии, проведённой в Вене 4–15 апреля 2016 года. Офиц. документ Организации Объединённых Наций №А/АС.105/1113 от 27.04.2016 г.

в 2020 г. НАСА выступило с предложением о приобретении небольших количеств лунного реголита, собранного частными компаниями. В декабре 2020 г. Космическая администрация объявила о выборе четырёх таких компаний⁶⁹. Было отмечено, что это не первый случай, когда космические ресурсы продаются; озвучено, что образцы, собранные Советским Союзом на Луне, продавались на частных рынках⁷⁰. Американская сторона полагает, что в таком контексте коммерческое использование космических ресурсов не противоречит договорам ООН о космической деятельности, в том числе Договору по космосу 1967 года, который задаёт некие рамки для осуществления природоресурсной деятельности в космосе, не запрещая её в целом. При этом, как заявлено, Договор по космосу «не содержит подробный международный режим в отношении такой деятельности», и на данном этапе США «не видят ни потребности, ни практической базы для создания такого режима». Вместе с тем Вашингтон считает необходимым «удостовериться, что все государства, планирующие осуществлять какую-либо деятельность в отношении космических ресурсов», исходят из общего набора фундаментальных убеждений в верховенстве права, транспарентности и мирных целях⁷¹. В соответствии с заявлением представителя США Соглашения «Артемиды», обозначая такие принципы, «создают стартовую точку» для

будущей природоресурсной деятельности в космосе. Он также процитировал и положение Соглашений «Артемиды» об «использовании полученного опыта для дальнейшего развития правил», применимых к космическому природопользованию⁷².

Примером безоговорочной и полной поддержки новой космической правовой политики Соединённых Штатов, включая отражённую в Соглашениях «Артемиды», является выступление в Комитете ООН представителя Италии – партнёра Вашингтона по этим соглашениям. Он повторил позицию США: Соглашения «Артемиды» представляют собой не имеющие договорно-правовой силы «руководящие положения для исследования и устойчивого использования космоса и небесных тел» и основаны на действующем международном космическом праве⁷³. В официальном заявлении Люксембурга, в целом также идущего в фарватере природоресурсной космической политики Соединённых Штатов, будучи партнёром по Соглашениям «Артемиды», предложено развивать нормы, регулирующие космическую природоресурсную деятельность. Представитель этой страны высоко оценил деятельность Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу как наиболее подходящей площадки для развития международного космического природоресурсного права. Великое Герцогство предлагает принять во внимание и наработки, подготовленные

⁶⁹ RELEASE 20-118. NASA Selects Companies to Collect Lunar Resources for Artemis Demonstrations // NASA. 03.12.2020. URL: <https://www.nasa.gov/press-release/nasa-selects-companies-to-collect-lunar-resources-for-artemis-demonstrations> (accessed: 11.08.2023). Из этих четырёх японская компания Ispace Tokyo of Japan в ноябре 2022 г. получила от правительства своей страны лицензию на указанную деятельность. См.: Ispace Receives License to Conduct Business Activity on the Moon from Japanese Government // Ispace. 08.11.2022. URL: <https://ispace-inc.com/news-en/?p=3829#:~:text=Tokyo%E2%80%94November%202022%E2%80%94of%20its%20first%20lunar%20mission> (accessed: 11.08.2023).

⁷⁰ Statement by Emily Pierce, USA on Agenda item 15 Potential Legal Models for Activities in Exploration, Exploitation and Utilization of Space Resources // UNOOSA. 28.03.2022. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/2022/Statements/28MarPM/Item_15/15_USA_28_March_PM.pdf (accessed: 01.08.2023).

⁷¹ Ibid.

⁷² Ibid.

⁷³ Statement of Italy in the 61st session of the Legal Subcommittee of the UN Committee on the Peaceful Uses of Outer Space // UNOOSA. 29.03.2022. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/2022/Statements/29MarAM/Item15/15_ITALY.pdf (accessed: 01.08.2023).

на других площадках (упомянута, в частности, Гагская рабочая группа по данному вопросу⁷⁴). Едва ли имеет смысл приводить здесь выступления представителей других государств, участвующих в Соглашениях. Логично, что в большинстве позиций, озвученных такими представителями, повторяется политико-правовое продвижение этих соглашений.

Более интересны выступления в Комитете по космосу представителей меньшинства государств. Например, исключительно значимой выглядела позиция Китая по данному пункту повестки дня Комитета:

- КНР исходит из того, что нормы, регулирующие деятельность, связанную с природными ресурсами небесных тел, должны соответствовать той нормативно-правовой базе, которая установлена Договором по космосу 1967 года;

- практика заключения отдельными странами соглашений об освоении таких ресурсов вызывает большие вопросы;

- очень важно проводить обсуждения в рамках ООН таким образом, чтобы поддерживать подлинную многосторонность;

- создание рабочей группы в рамках Комитета по космосу рассматривается как своевременный ответ на текущие «вызовы» в области космической деятельности;

- Пекин критично относится к инициативам, идущим «вразрез с действиями, предпринимаемыми в рамках Комитета ООН по космосу» и призывает учитывать интересы всех государств при разработке соответствующих мер регулирования⁷⁵.

Помимо собственного заявления, Китай также присоединился к позиции группы развивающихся государств, оформившейся

ещё в период III Конференции ООН по морскому праву (1973–1982) – «группы 77». В Заявлении этой группы, насчитывающей сейчас 134 государства⁷⁶, отмечается, что в связи с принятием некоторыми государствами национальных законов о космической деятельности вопрос о правовом режиме природных ресурсов небесных тел приобретает особенную актуальность, в связи с чем требуется выработка чётких международно-правовых норм. Представители «группы 77» призывают учитывать интересы развивающихся стран при разработке соответствующего режима⁷⁷.

В выступлении представителя Российской Федерации обозначена следующая позиция: природные ресурсы небесных тел – неотъемлемая часть космического пространства. Россия традиционно призывает чётко определить предмет регулирования и понятийный аппарат, поскольку в условиях отсутствия однозначного понимания, что подразумевается под термином «космические ресурсы», не вполне корректно вести дискуссию о правовом режиме таких ресурсов. Москва, в частности, понимает под ними не только минеральные ресурсы и воду, как это предусмотрено Соглашениями «Артемиды». Российская сторона выразила озабоченность в связи с тем, что отдельные участники космической деятельности пытаются легализовать на национальном уровне присвоение извлечённых на небесных телах минеральных веществ, а также закрепить такой правовой режим разрабатываемых участков небесных тел, включая зоны безопасности вокруг них, который согласовывается не в многосторонних форматах

⁷⁴ Statement of Luxembourg in the 61st session of the Legal Subcommittee of the UN Committee on the Peaceful Uses of Outer Space // UNOOSA. 28.03.2022. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/2022/Statements/28MarPM/Item_15/15_Luxembourg.pdf (accessed: 01.08.2023).

⁷⁵ China Statement in the 61st session of the Legal Subcommittee of the UN Committee on the Peaceful Uses of Outer Space // UNOOSA. 29.03.2022. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/2022/Statements/29MarAM/Item15/15_China_.pdf (accessed: 01.08.2023).

⁷⁶ The Member States of the Group of 77 // G77. URL: <https://www.g77.org/doc/members.html> (accessed: 07.09.2023).

⁷⁷ G-77 and China Statement During the 61st Session of the Legal Subcommittee of the UN COPUOS // UNOOSA. 28.03.2023. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/2022/Statements/28MarPM/Item_15/15_G77_28_March_PM.pdf (accessed: 01.08.2023).

ООН, а в двусторонних договорах отдельных государств, в документах мягкого права и в их национальном праве. Россия традиционно призывает опираться на действующие многосторонние договоры, искать при выработке норм, уточняющих эти договоры, общие точки соприкосновения, чтобы будущий режим природоресурсной космической деятельности был жизнеспособным и приемлемым для наибольшего количества государств⁷⁸.

Не поддерживающей природоресурсную политику США в космосе представляется также позиция Пакистана, в соответствии с которой эта деятельность должна основываться на действующем международном праве и проводиться в интересах всех стран мира вне зависимости от уровня их научного и экономического развития. В заявлении пакистанского представителя отмечено, что она должна регулироваться исключительно государствами без вовлечения частного сектора⁷⁹. Исламабад считает Соглашение о Луне 1979 г. и предусмотренные в нём механизмы наилучшей моделью правового регулирования в данной области⁸⁰.

В целом, несмотря на попытки США и ряда государств, следующих в фарватере их политики, с помощью норм национально-го законодательства и сепаратных соглашений создавать некий параллельный, согласованный между ними правовой режим природных ресурсов небесных тел, Комитет ООН по космосу и его Юридический подкомитет остаются наиболее авторитетной площадкой, на которой государства продолжают прилагать серьёзные усилия для того, чтобы согласовать соответствующее

международно-правовое регулирование на универсальном уровне. В этом контексте особое внимание обращает на себя тот факт, что даже среди союзников США, присоединившихся к Соглашениям «Артемиды», есть те, которые продолжают стоять на позиции особой роли Комитета ООН по космосу в данном контексте. Нельзя, однако, не отметить широкий разброс позиций государств по исследуемой тематике, отсутствие перспектив кристаллизации консенсуса на текущем этапе.

* * *

Проводимая с 2015 г. новая законодательная (а с 2020 г. и договорно-правовая) космическая политика США представляет собой уже необратимую реальность международной жизни, которая не только создала новые весьма конкретные правила природоресурсной деятельности в космосе, но и посредством Соглашений «Артемиды» неизбежно будет иметь последствия для толкования и применения современного международного космического права. Хотя число государств, участвующих в сепаратной договорно-правовой схеме «Артемиды», созданной Вашингтоном, пока незначительно (в сопоставлении с более чем 100 государствами-участниками Договора по космосу 1967 года), число первых растёт. Соединённым Штатам Америки удалось их убедить, что нет противоречий между Договором 1967 г. и Соглашениями «Артемиды». Тот факт, что к ним присоединилась Индия – партнёр России по БРИКС – демонстрирует, что число государств, участвующих в этих Соглашениях, будет и далее увеличиваться

⁷⁸ Выступление делегации Российской Федерации по пункту 15 «Общий обмен мнениями о возможных моделях правового регулирования деятельности по исследованию, освоению и использованию космических ресурсов» // UNOOSA. 29.03.2023. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/2022/Statements/15_Russian_Federation_29_March_AM.pdf (accessed: 01.08.2023).

⁷⁹ "While engagement of private sector is important in developing norms around exploration, exploitation and utilization of space resources, the process must be state-driven as States bear international responsibility [for] activities carried out by governments and commercial entities".

⁸⁰ Statement of Pakistan in the 61st session of the Legal Subcommittee of the UN Committee on the Peaceful Uses of Outer Space // UNOOSA. 29.03.2022. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/2022/Statements/29MarAM/Item15/15_Pakistan_29_March_AM.pdf (accessed: 01.08.2023).

за счёт возможного присоединения к ним иных международных акторов, в том числе тех, с которыми Россию связывает долговременное сотрудничество в области исследования и использования космического пространства⁸¹.

К этому прогнозу добавим, что Вашингтон и его партнёры по этим Соглашениям уже не пойдут на их отмену или изменение, видя их растущую поддержку, в частности, со стороны развивающихся государств; поощряя беспрецедентный для международного космического права выход последних из Соглашения о Луне 1979 года – согласованного на площадке ООН международного договора. Эти новые международно-правовые реалии обозначают целесообразность поиска адекватного реагирования на них со стороны России, Китая и их партнёров, а также более прагматичного ответа, не нацеленного лишь на уличение США в подрыве тех согласованных ранее в рамках ООН договорённостей.

Кроме того, привлекательность для инвесторов того порядка доступа к природным ресурсам небесных тел, который предложен в правовых актах американской стороной, ставит вопрос о соответствии нынешнему периоду действующего российского законодательства, которое применимо к освоению таких ресурсов. Как нам представляется, российские компании, юридические лица государств, дружественных Российской Федерации, которые не участвуют в американских сепаратных договорённостях о разработке природных ресурсов небесных тел, несомненно, должны иметь не худшие (в сопоставлении с законодательством США) правовые условия стратегического инвестирования в освоение ценных месторождений и иных естественных богатств небесных тел, чего

пока не наблюдается. К тому же, в отличие от американского подхода, предпочтительнее изначально обеспечить гармонизацию реформы российского космического природоресурсного законодательства с новеллами Пекина, а также других дружественных России стран, имеющих интерес к долговременным инвестициям в освоение природных ресурсов небесных тел.

Вместе с тем подчеркнём, что само признание необходимости более умного, совершенного национально-правового реагирования Москвы и её партнёров на жёсткие законодательные и договорно-правовые инициативы Вашингтона ни в коей мере не умаляет значения дальнейшей внешнеполитической работы МИД России по уточнению универсального международно-правового режима природных ресурсов небесных тел. Напротив, эффективная (и состязательная, и сосуществующая с американской) национально-законодательная и договорно-правовая политика Российской Федерации в координации с политикой государств, её партнеров, при подкреплении научно-технологическим, производственным развитием космической отрасли может стать и действенным побудителем возвращения США на путь универсального формата (в рамках ООН) уточнения международно-правового режима природных ресурсов небесных тел. Востребованность такого универсального уточнённого режима в обеспечении бесконфликтной экономически стабильной космической природоресурсной деятельности признаётся, как было показано, и в политико-правовых исследованиях, и в Комитете ООН по космосу представителями государств, в том числе имеющих разные позиции в вопросах толкования и применения международного права.

⁸¹ Одним из показательных примеров является более чем 25-летнее военно-техническое сотрудничество России и Индии (на обоих уровнях, правительственном и неправительственном) в разработке и производстве ракетных комплексов с противокорабельной ракетой в рамках совместной организации СО «БраМос» (с переходом на этап коммерческой реализации проекта с 2016 года). См. подробнее: АО «ВПК «НПО машиностроения». Совместная российско-индийская организация «БраМос» // «БраМос». URL: <http://npomash.ru/cooperation/ru/brahmos.htm> (дата обращения: 10.09.2023). BraMos Aerospace // BraMos.URL: <https://brahmos.com/ru-home.php> (accessed: 10.09.2023).

Список литературы

- Василевская Э.Г. Правовые проблемы освоения Луны и планет // Международное космическое право / Под ред. А. С. Пирадова. М.: Международные отношения. 1974. С. 95–113.
- Вылегжанин А.Н. Морские природные ресурсы (международно-правовой режим). М.: Минэкономки России и РАН, 2001. 298 с.
- Вылегжанин А.Н. Международно-правовые основы природоресурсной деятельности государств в Мировом океане: Автореф. дисс. ... д-ра юр. наук. М.: Дипломатическая академия МИД Российской Федерации, 2002. 40 с.
- Вылегжанин А.Н., Магомедова О.С. Международно-правовая политика государства. Современные концепции // Международные процессы. 2022. Т. 20. №3. С. 112–126. <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.3.70.7>
- Галимов Э.М., Ануфриев Г.С. Не-3 в лунном грунте по глубине колонки, отобранной автоматической станцией Луна-24 // Доклады Академии наук. 2007. Т. 412. № 3. С. 388–390.
- Колосов Ю.М., Юзбашян М.Р. Вклад российской (советской) юриспруденции в становление и развитие международного космического права // Московский журнал международного права. 2015. № 2. С. 12–34. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2015-2-12-34>
- Косенков И.А., Штодина И.Ю. К вопросу установления особенных правовых режимов отдельных частей космического пространства // «Актуальные теоретические проблемы современного международного права»: Материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 70-летию кафедры международного права МГИМО (Москва, 28–29 ноября 2018 г.) / Под ред. А.В. Торкунова, А.Н. Вылегжанина. М.: МГИМО-Университет, 2019. С. 271–285.
- Международно-правовые основы недропользования: Учеб. пособие / Под ред. А. Н. Вылегжанина. М.: Норма, 2007. 528 с.
- Хобз С., Шмидт-Тедд Б., Шрогль К.-У. Кёльнский комментарий к космическому праву. Договор по космосу. Т. 1. Берлин: БВФ Берлинер Виссеншафтс-Ферлаг ГмбХ, 2017. 472 с.
- Юзбашян М.Р. Актуальные тенденции сотрудничества/соперничества в космосе и перспективы развития космического права // Круглый стол «Сотрудничество и соперничество в космосе: правовые проблемы и перспективы» в рамках Второй международной конференции «Современное общество, государство и право». 16–17 июня 2022 г. Шэньчжэнь (КНР). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4145994> (дата обращения: 17.08.2023).
- Юзбашян М.Р. Международно-правовые основы решения экономических проблем использования космоса: Дисс. ... канд. юр. наук. М.: МГИМО, 2009. 207 с.
- Berkman P.A., Vylegzhanin A.N., Yuzbashyan M.R., Mauduit J.-Ch. Outer Space Law: Russia – United States Common Challenges and Perspectives // Moscow Journal of International Law. 2018. No. 1. P. 16–34. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2018-1-16-34>
- Cannon K.M., Gialich M., Acaín J. Precious and Structural Metals on Asteroids // Planetary and Space Science. 2023. Vol. 225. <https://doi.org/10.1016/j.pss.2022.105608> (accessed: 11.08.2023).
- Christal C.Q. The Geostationary Orbital Position as a Natural Resource of the Space Environment // Netherlands International Law Review. 1979. No. 26. P. 5–23.
- Deplano R. The Artemis Accords: Evolution or Revolution in International Space Law? // International & Comparative Law Quarterly. 2021. Vol. 70. No. 3. P. 799–819. <https://doi.org/10.1017/S0020589321000142>
- Environmental Law. From Resources to Recovery / ed. by C. Campbell-Mohn. WEST PUBLISHING CO.St. Paul, Minn: 1993. XXVII+ 994 p.
- Gorove S. Book Review (The Concept of the Common Heritage of Mankind in International Law by K. Baslar (Nijhoff, The Hague 1998) // Journal of Space Law. 1998. Vol. 26. No. 1. P. 78–79.
- Handbook of Space Law/ ed. by F. von der Dunk, F. Tronchetti. Cheltenham, UK: Edward Elgar. 2015. 1137 p.
- Hobe S., Man Ph. National Appropriation of Outer Space and State Jurisdiction to Regulate the Exploitation, Exploration and Utilization of Space Resources // German Journal of Air and Space Law. 2017. No. 3(66). P. 460–475.
- Neef R. Artemis Accords: A new Path forward for Space Lawmaking? // Adelaide Law Review. 2021. Vol. 42. No. 2. P. 569–580. https://law.adelaide.edu.au/system/files/media/documents/2022-01/alr_422_06_neef.pdf (accessed 17.08.2023).
- Paliouras Zachos A. The Non-Appropriation Principle: The Grundnorm of International Space Law // Leiden Journal of International Law. 2014. Vol. 27. No. 1. P. 37–54. <https://doi.org/10.1017/S0922156513000630>

INTERNATIONAL LEGAL OUTER SPACE POLICY OF THE UNITED STATES OF AMERICA

AN INVITATION TO CLARIFY THE STATUS OF THE NATURAL RESOURCES OF CELESTIAL BODIES OR A CHALLENGE FOR THE MAJORITY OF STATES?

ALEXANDER VYLEGZHANIN

MARIAM YUZBASHYAN

MAXIM ALEKSEEV

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The new outer space natural resources policy of the United States, outlined between 2015 and 2020 by national legislation (including the U.S. Space Resource Exploration and Exploitation Act of 2015 and the U.S. Executive Order of April 6, 2020) and in 2020 also by the U.S.-initiated separate international Artemis Accords, is meant to be consistent with the universal Outer Space Treaty of 1967, the basic source of international space law. This policy, which opens access for private investors to natural resources of celestial bodies under the American legislation has commanded a wide international attention not only because of the exhilarating data on the high density of deposits of precious metals and other highly-demanded natural resources on some asteroids, but also because of the question raised during the workings of the UN Committee on the Peaceful Uses of Outer Space: does this policy violate the US obligations under international law according to which the use of outer space, including celestial bodies, constitutes "the province of all mankind"? Or is it more rational for other states to create a similar international format of selective cooperation in order to be among the first to exploit the wealth of nearby celestial bodies without devoting political efforts to collectively establish international offense committed by the United States? Can a national legal and international legal response of Russia, China and other states, which are not subordinated to the United States, supported by their technological and industrial outer space infrastructure applicable to the outer space natural resources activities, become an effective incentive to negotiate a universal special international legal regime? It appears to be feasible since it is necessary to ensure conflict-free and, consequently, economically stable outer space natural resources activities corresponding to the national interests of the majority of states even with different international legal positions.

Keywords:

outer space; natural resources of celestial bodies; space resources; legislation of the United States on outer space activities; the Outer Space Treaty of 1967; the Artemis Accords; the province of all mankind; the common heritage of mankind.

References

- Berkman P.A., Vylegzhnin A.N., Yuzbashyan M.R., Mauduit J.-Ch. (2018). Outer Space Law: Russia – United States Common Challenges and Perspectives. *Moscow Journal of International Law*. No. 1. P. 16–34. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2018-1-16-34>
- Campbell-Mohn C. (ed). (1993). *Environmental Law. From Resources to Recovery*. St. Paul, Minn. West Group. 994 p.

- Cannon K.M., Gialich M., Acain J. (2023). Precious and Structural Metals on Asteroids. *Planetary and Space Science*. Vol. 225. URL: <https://doi.org/10.1016/j.pss.2022.105608> (accessed: 11.08.2023).
- Christol C.Q. (1979). The Geostationary Orbital Position as a Natural Resource of the Space Environment. *Netherlands International Law Review*. No. 26. P. 5–23.
- Deplano R. (2021). The Artemis Accords: Evolution or Revolution in International Space Law? *International & Comparative Law Quarterly*. Vol. 70. No. 3. P. 799–819. <https://doi.org/10.1017/S0020589321000142>
- Galimov E.M., Anufriev G.S. (2007). He-3 v lunnom grunte po glubine kolonki, otobrannoy avtomaticheskoy stantsiy Luna-24 [Helium-3 in the Lunar Soil from the Depth of a Column Sampled by the Luna-24 Automatic Station]. *Reports of the Academy of Sciences*. Vol. 412. No. 3. P. 388–390.
- Gorove S. (1998). Book Review (The Concept of the Common Heritage of Mankind in International Law by K. Baslar (Nijhoff, The Hague 1998)). *Journal of Space Law*. Vol. 26. No. 1. P. 78–79.
- Handbook of Space Law/ ed. by F. von der Dunk, F. Tronchetti. Cheltenham, UK: Edward Elgar. 2015. 1137 p.
- Hobe S., Man Ph. (2017). National Appropriation of Outer Space and State Jurisdiction to Regulate the Exploitation, Exploration and Utilization of Space Resources. *German Journal of Air and Space Law*. Vol. 3. No. 66. P. 460–475.
- Hobe S., Shmidt-Tedd B., Shrogl' K.-U. (2017). *Kyofn'skiy kommentariy k kosmicheskomu pravu* [Cologne Commentary on Space Law]. Outer Space Treaty. Vol. 1. Berlin: BWV. 472 p.
- Kolosov Y.M., Yuzbashyan M.R. (2015). Vklad rossiyskoy (sovetskoy) yurisprudentsii v stanovlenie i razvitiye mezhdunarodnogo kosmicheskogo prava [Contribution of Russian (Soviet) Jurisprudence to the Formation and Development of International Space Law]. *Moscow Journal of International Law*. No. 2. P. 12–34. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2015-2-12-34>
- Kosenkov I.A., Shtodina I.Y. (2019). K voprosu ustanovleniya osobennykh pravovykh rezhimov otdel'nykh chastey kosmicheskogo prostranstva [To the Question of Establishing Special Legal Regimes of Separate Parts of Outer Space]. A. V. Torkunov, A. N.Vylegzhanin (eds). «Aktual'nye teoreticheskie problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava»: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoy 70-letiyu kafedry mezhdunarodnogo prava MGIMO. November, 28–29 2018. Moscow. MGIMO-University. P. 271–285.
- Neef R. Artemis Accords: A new Path forward for Space Lawmaking? // *Adelaide Law Review*. 2021. Vol. 42. No. 2. P. 569–580. https://law.adelaide.edu.au/system/files/media/documents/2022-01/alr_422_06_neef.pdf (accessed: 17.08.2023).
- A.N. Vylegzhanin (ed.). (2007). *Mezhdunarodno-pravovye osnovy nedropol'zovaniya* [International legal bases of subsoil use]. Moscow: Norma. 528 p.
- Paliouras Zachos A. (2014). The Non-Appropriation Principle: The Grundnorm of International Space Law. *Leiden Journal of International Law*. Vol. 27. No. 1. P. 37–54. <https://doi.org/10.1017/S0922156513000630>
- Vasilevskaya E.G. (1974). Pravovye problemy osvoeniya Luny i planet. [Legal Problems of Lunar and Planetary Exploration]. In A. S. Piradov (ed.). *International Space Law*. Moscow: International Relations. P. 95–113.
- Vylegzhanin A. N. (2001). *Morskie prirodnye resursy (mezhdunarodno-pravovoy rezhim)* [Marine Natural Resources (International Legal Regime)]. Moscow: MER of Russia and Russian Academy of Sciences. 298 p.
- Vylegzhanin A. N. (2002). *Mezhdunarodno-pravovye osnovy prirodoresursnoy deyatel'nosti gosudarstv v Mirovom okeane: Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [International Legal Bases of Natural Resource Activity of States in the World Ocean: Abstract of dissertation for the degree of Doctor of Law.]. Moscow: Diplomatic academy of the MFA of the Russian Federation. 40 p.
- Vylegzhanin A. N., Magomedova O. S. (2022). Mezhdunarodno-pravovaya politika gosudarstva. Sovremennyye konceptsii [International Legal Policy of a State. Modern Concepts]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 20. No. 3. P. 112–126. <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.3.70.7>
- Yuzbashyan M. R. (2022). Aktual'nye tendentsii sotrudnichestva/sopernichestva v kosmose i perspektivy razvitiya kosmicheskogo prava [Actual Trends in the Cooperation/Competition in Outer Space and the Perspectives on the development of Space Law]. *Round Table "Cooperation and Rivalry in Space: Legal Problems and Prospects" within the framework of the Second International Conference "Modern Society, State and Law"*. June, 16–17. Shenzhen (PRC). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4145994> (accessed: 17.08.2023).
- Yuzbashyan M. R. (2009). *Mezhdunarodno-pravovye osnovy resheniya ekonomicheskikh problem ispol'zovaniya kosmosa: diss. kand. yurid. nauk* [International legal framework for solving economic problems of the use of outer space: dissertation of the candidate of juridical sciences.]. Moscow: MGIMO-University. 207 p.

ПРОБЛЕМА ЭСТЕТИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПЦИИ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

ГЛЕБ КОЦУР

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;
НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

Резюме

В 2001 г. Р. Блейкер объявил наступление эстетического поворота в науке о международных отношениях. В фокусе внимания исследований подобного рода оказалось пересечение двух сфер – политики и эстетики. Подавляющая часть работ в рамках поворота сконцентрирована на изучении политизации эстетики в терминах Вальтера Беньямина (процесса инструментализации эстетики в политических целях), в то время как обратный феномен эстетизации политики привлёк куда меньшее внимание профильных исследователей в связи с особенностями оригинального текста и метаморфозами последующей рецепции понятия в политической теории. Данная статья ставит целью компенсировать подобный пробел в эпистемологии, осуществить концептуализацию данной сферы, продемонстрировав значимость эстетизации политики для рассматриваемой области знания. Автор предлагает теоретико-методологическую рамку, включающую в себя концепцию политико-эстетических гибридов, свёрнутую внутри них логику, процессы совмещения и смешения, а также метод ретроспективного отделения эстетического от политического. В статье рассмотрен пример концепции многополярного мира в официальном дискурсе России в качестве подобного гибрида. Он содержит в себе устойчивую логику, увязывающую многополярный принцип построения международных отношений с гармоничным порядком на уровне международной системы и внутри конкретных стран или регионов. За счёт устойчивого характера связи между политическим и эстетическим, которая манифестируется в повторяемости конструкции темпорально и пространственно, преодолевается ситуативная конъюнктурность политизации эстетики. Исследование политико-эстетических гибридов, таких как «баланс сил», «мировой порядок», «симметричный ответ», может быть перспективным для того, чтобы академическое сообщество продвинулось в понимании механизмов функционирования области пересечения международных отношений и эстетики. Кроме того, плодотворными могут оказаться альтернативные взгляды на феномен эстетизации политики при условии последовательной концептуализации и, главное, операционализации моделей такого рода, которые ранее в рамках политической философии страдали излишней метафоричностью и туманностью.

Ключевые слова:

эстетический поворот; эстетизация политики; политизация эстетики; многополярный мир; дискурс; гибриды.

В начале 2000-х годов австралийский учёный Роланд Блейкер объявил «эстетический поворот» в науке о международных отношениях для того, чтобы начать «важ-

ный процесс расширения нашего понимания мировой политики за границы узких рамок, в которых существовала дисциплина» [Bleiker 2001: 510]. Осуществлять его

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.09.2023

Дата принятия к публикации: 07.11.2023

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: glebk17@gmail.com

Блейкер намеревался в том числе путём фокусирования исследований на репрезентациях международных отношений в элитарном и массовом искусстве. Австралиец был не первым специалистом, обратившимся к подобной тематике. Скорее, он заметил зарождающийся тренд. Например, М. Шапиро еще в 1980-х и 1990-х годах писал о роли литературы, фотографии и кино в формировании политических образов в международных отношениях [Shapiro 1988; Shapiro 1999]. Спустя 17 лет после своего первого обращения к этой тематике Блейкер не без удовлетворения зафиксировал становление новой исследовательской области, описываемой как минимум в семи десятках публикаций, посвящённых эстетическому измерению в сфере мировой политики [Bleiker 2018]. Таким образом, заявленный в начале 2000-х годов поворот стал реальностью.

Подавляющее большинство работ сформировавшегося направления объединены лейтмотивом использования политическими субъектами эстетических средств для достижения необходимых целей. Например, Алекс Данчев показал, как политики, правозащитники и другие политические деятели после 11 сентября 2001 г. инструментализировали фотографию, литературу и кино для достижения своих часто противоречивых целей¹ во время «войны с терроризмом» [Danchev 2011]. Дэвид Кэмпбелл продемонстрировал, каким образом фотографии солдат, беженцев и разрушений в ходе Дарфурского конфликта в Судане формировали то, что автор назвал медиаполитикой Западного мира [Campbell 2007]. Лиза Фаннелл и Клаус Доддс изучили негативный образ СССР и постсоветской России, создаваемый крупными киностудиями Голливуда на примере Бондианы [Funnell, Dodds 2017].

В перечисленных случаях мы далеко не всегда сталкиваемся с холодным расчётом субъектов в стиле теории рационального

выбора. Чаще всего субъект такой политики децентрирован (вплоть до капиталистической системы в целом), но общий знаменатель остаётся прежним — то, что Вальтер Беньямин обозначил термином «политизация эстетики» [Беньямин 2023].

Здесь мы сталкиваемся с парадоксом. Все предыдущие «повороты» в теории международных отношений предполагали не просто тематическое единство исследований, но акцент на том автономном эффекте, который некоторая сфера может оказывать на мировую политику. В частности, представители лингвистического поворота изучали не столько использование языкового фактора политическими субъектами, сколько процесс конструирования реальности, то, как язык способен формировать культуру и мировоззрение [Milliken 1999]. Сторонники практического поворота исследовали, как важнейшие практики в международных отношениях конституируют коллективный субъект зачастую вне зависимости от желания вовлечённых в процесс игроков [Adler, Pouliot 2011]. Представители эмоционального поворота стремятся показать, что эмоции являются ключевым фактором политического процесса, а не остаточным явлением иррациональности некоторых игроков на мировой арене [Crawford 2000]. В этом контексте применительно к эстетическому повороту в теории международных отношений мы вправе были бы ожидать исследовательского фокуса не на политизации эстетики, но на обратном ему феномене эстетизации политики.

В этой связи цель настоящей статьи — компенсировать недостаток внимания к явлению эстетизации политики, процессу, когда эстетическое становится первичным по отношению к политическому. В работе мы предложим нашу концептуализацию феномена через рассмотрение политико-эстетических гибридов — устойчивых дискурсивных конструкций, в которых

¹ Например, расширение полицейского контроля и легитимация гуманитарных интервенций со стороны американского государства против незыблемости границ частной жизни/прав человека в целом и критика внешнеполитической экспансии (позиция части активистов).

эстетические категории взаимодействуют с политическими означающими не посредством процессов совмещения, но благодаря процессам смешения. Статья построена следующим образом. Вначале мы уделим внимание эстетической теории для того, чтобы определиться в терминах и установить, к какой именно традиции интерпретации эстетики мы обращаемся в данном исследовании, а затем рассмотрим ось «политизации эстетики — эстетизации политики», введённую В. Беньямином. Далее мы представим собственную теоретико-методологическую рамку, раскрыв линейку терминов «политико-эстетические гибриды», «политико-эстетическая логика», «работа совмещения/смешения» и проч. Следующим шагом станет практическое применение этой рамки к эмпирическому материалу: мы покажем, почему концепция многополярного мира в официальном дискурсе российских властей — пример политико-эстетического гибрида. Данный случай продемонстрирует, что исследователям следует уделять больше внимания случаям эстетизации политики, а не концентрироваться исключительно на примерах инструментального использования подобных средств политическими субъектами.

Теоретико-методологическая рамка исследования

Эстетика. До того как приступить к изучению пересечения эстетики и политики, методологически целесообразно дать определение каждой из этих сфер. Начнём с первой. Существует два возможных способа рассматривать эстетическую мысль человечества в плане объёма и хронологии. Один из путей может быть назван «эксплицитной эстетикой», при котором мы начинаем её анализ с работ автора термина А. Баумгартена примерно 250 лет назад [Poulakos 2007]. Вместе с тем мы в настоящей работе придерживаемся иного взгляда

«имплицитной эстетики», включающего в себя учёт всех способов эстетической рефлексии человечества с античности. В этой работе мы определяем эстетику как сферу человеческой деятельности и рефлексии, основанную на эстетических категориях². Столь расплывчатая дефиниция дана намеренно. Тысячелетия развития философии предоставили самый широкий спектр кардинально различных эстетических теорий от проекции мира идей Платона [Maguire 1964] до осмысления «разделения чувственного» по Ж. Рансьеру [Рансьер 2007: 14].

В настоящей статье мы обращаемся к пониманию эстетики как пропорциональности, идущему от античных философов Пифагора и Гераклита. Согласно Пифагору и его последователям, красота вещи определяется её идеальной структурой, которая связывается с правильной пропорцией (*греч.* «*symmetria*») между составными частями этой вещи [Пустовит 2006: 46]. Пифагор видел в прекрасном и безобразном отражение взаимосвязи космического порядка и хаоса, где первое образуется из второго. Другой важный для становления той же традиции понимания эстетики философ — это Гераклит с его идеей гармонии. Как отмечал один из виднейших исследователей античной мысли, Ч. Кан, в книге, посвящённой вкладу Гераклита в эстетическую теорию, греческое слово «гармония» происходит от корня (представленного в глаголах «*ararisko*» и «*harmozo*»), означающего «пропорцию» или «соответствие друг другу» «...принцип пропорции и согласия, который создаёт гармоничное единство из потенциально враждебных сил...» [Kahn 1979: 196]. Таким образом, общим знаменателем для двух приведённых эстетических доктрин служит *идея пропорции частей целого, которые изначально могут находиться в самых различных отношениях друг к другу (включая несовпадение и враждебность), но с потенциальной возможностью прийти в гармоничное сочетание*

² Наиболее распространены шесть из них — прекрасное, безобразное, возвышенное, трагическое, комическое, интересное и производные от них [Chandler 1921]. Например, гармоничное — это производное от прекрасного, а беспорядок — от уродливого.

внутри целого. Если пропорция правильная, такая вещь считается красивой. Разумеется, мы в рамках данной работы занимаемся не эстетическим анализом непосредственно, но изучаем устойчивые представления о прекрасном и безобразном в области политического, потому занимаем конструктивистскую позицию, отдавая себе отчёт в том, насколько сильно различались воззрения людей относительно правильности пропорций в зависимости от ценностей того или иного общества.

Мы обращаемся именно к пониманию эстетики как пропорциональности по двум группам причин. *Во-первых*, эта традиция является единственной, которая проходит красной нитью в трудах философов и исследователей начиная с античности вплоть до наших дней³. *Во-вторых*, на уровне рецепции эстетических категорий её можно назвать наиболее массовой среди

аудитории. Если задать вопрос людям, не связанным профессионально с изучением эстетических теорий — будь то граждане или даже политики, — что они понимают под прекрасным, безобразным и т.д., было бы наивно ожидать трактовок через идеи И. Канта или Ж. Рансьера. Особенности развития и распространения интеллектуальной мысли об эстетических категориях привели к тому, что лишь пропорциональная традиция получала широкое распространение в массах во всех частях мира, затронутых западным модерном⁴.

Эстетизация политики. Ввиду того что мы обращаемся к области пересечения эстетики и политики, необходимо уделить внимание термину эстетизации политики, который был создан для описания соприкосновения данных сфер жизни человека. Этот термин и противоположная ему категория политизации эстетики были введены

³ Как мы уже упоминали выше, понимание эстетики как пропорциональности сформировалось в Древней Греции. Средневековые часто называют эпохой теологии — и это верно. В то же время эстетические идеи, пожалуй, самого влиятельного мыслителя того времени Фома Аквинского тоже опирались на пропорциональную традицию: «... красота состоит из цельности (*integritas*), пропорции, или созвучия (*consonantia*), и ясности (*claritas*)... помимо 1) цельности, 2) пропорциональности и 3) ясности, или блеска, у него идёт речь также о 4) «частях» предмета, взятых в их 5) единстве... Первым условием красоты Фома считает цельность, которая есть то же самое, что совершенство. Всякая вещь, лишившаяся даже в самой малой мере своей цельности, становится безобразной» [Посев 1998: 148–149]. В эпоху Возрождения изначально пифагорейское представление о «золотом сечении» [Livio 2002], которое можно рассматривать как математическую манифестацию понимания эстетики как пропорциональности, вдохновляло ряд весьма влиятельных художников и мыслителей, например Леонардо да Винчи. Каждое из двух основных культурных движений Нового времени также было связано с этим пониманием. Один из крупнейших эстетических теоретиков барокко, Эмануэле Тезауро, много внимания уделял так называемым «гармоническим фигурам», которые могут «родиться от соблюдения трёх пропорций, услаждающих слух: от приравнивания построения, от противоположения значений и от уподобления звучания» [Тезауро 2002: 101]. Тезауро выделял оппозицию, которая «покоится на гармонии» и «родится при контрасте значений» [Там же]. Радикальная альтернатива этому культурному течению — классицизм — также включала в основу эстетической программы ряд принципов пропорциональности [Буало 1937]. Английский философ второй половины XIX века Джон Рескин, вдохновивший многих будущих представителей эстетизма, например Оскара Уайльда, тоже обращался к этому пониманию красоты: «Все лучшие картины имеют такой характер... В подобных произведениях всегда царит строгий порядок и единство, одна общая идея воплощается во всём, малейшая подробность помогает общему впечатлению и не может быть опущена безнаказанно» [Рескин 2016: 152]. Наконец, итальянский семиотик и писатель Умберто Эко в своей «Истории красоты» ставит пропорциональную интерпретацию на первое место среди влиятельных концепций прекрасного, дошедших до наших дней [Эко 2004: 61–98]. Заметим, что мы в нашем беглом обзоре не упомянули формальную эстетику XIX и XX веков, ставшую авангардом пропорциональной традиции в наше время и представленную Иоганном Ф. Гербартом, Алоисом Риглем, Генрихом Вельфлиным, Клайвом Беллом, Клементом Гринбергом и др.

⁴ Конкуренцию могла бы составить лишь символическая традиция эстетики, но она применима лишь к искусству, которое образует малую часть объектов, получающих от нас ежедневно эстетическую оценку: мы не считаем кружку или кресло красивыми, потому что они символизируют нечто стоящее за формой.

в научный оборот знаменитым представителем Франкфуртской школы неомарксизма Вальтером Беньямином в классическом эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» в 1935 году [Беньямин 2023]. Он использовал их для обозначения ситуации, когда две области пересекаются между собой и одна приобретает первичное значение по отношению ко второй.

Ни у современников Беньямина, ни у последующих мыслителей не возникло больших проблем с интерпретацией первой части уравнения — пониманием феномена политизации эстетики. Диспозиция, при которой политические субъекты используют эстетические средства для достижения политических целей, чрезвычайно распространена и интуитивно понятна. В то же время содержание противоположного феномена эстетизации политики ускользало от понимания и в 1935 году, и позднее. Что это значит практически? Причины путаницы кроются в тексте самого Беньямина и в особенностях его последующей рецепции.

Во-первых, автор увязал политизацию эстетики только с коммунизмом, а обратный феномен лишь с фашизмом. В результате политологи столкнулись со сложной ситуацией после 1991 года: сферы политики и эстетики существуют, равно как и область пересечения между ними; термины для её описания уже введены, но фашистских и коммунистических режимов на политической карте мира почти не наблюдается. Большинство современных режимов — это демократии и автократии, насколько к ним применима логика Беньямина?

Во-вторых, автор не дал прямых определений обоих терминов, раскрывая суть явления на примерах. Это распространённый в политической теории способ написания текстов, который может быть плодотворным, но в данном случае эти примеры были слишком разнообразны и метафоричны. Беньямин определил феномен эстетизации политики почти исключительно через речь лидера движения футуристов Ф.Т. Маринетти. Итальянский поэт, поддер-

живавший позицию Муссолини, заявил, что война прекрасна, потому что: 1) утверждает «господство человека над порабощённой машиной»; 2) «делает более пышной цветущий луг вокруг огненных орхидей митрализёз»; 3) «соединяет в одну симфонию ружейную стрельбу, канонаду, временное затишье, аромат духов и запахи мертвечины»; 4) «создаёт новую архитектуру, такую как архитектура тяжёлых танков, геометрических фигур авиационных эскадрилий, столбов дыма, поднимающихся над горящими деревнями, и многое другое» [Беньямин 2023]. Все эти метафоры дополняются техно-визуальным аргументом Беньямина, что «насилию над массами, которые он в культе фюрера распластывает по земле, соответствует насилие над киноаппаратурой, которую он использует для создания культовых символов» при эстетизации политики; и наконец, «Его самоотчуждение (фашизма) достигло той степени, которая позволяет переживать своё собственное уничтожение как эстетическое наслаждение высшего ранга» [Беньямин 2023].

Проблема с почти всеми вышеперечисленными примерами (кроме последнего аргумента о саморазрушении) состоит в том, что всё это может равным образом трактоваться и как политизация эстетики. Беньямин открыто признаёт, что данная речь Маринетти, созданная для оправдания колониальных войн Италии, — это не что иное, как инструментальное использование эстетики для достижения политических целей. Современный классик Б. Гройс утверждает, что в более поздней рецепции термина смешались два противоположных явления: «Когда говорят об эстетизации политики, например в связи с нацистской Германией, довольно часто имеется в виду дизайн — попытка сделать нацистское движение более привлекательным, более соблазнительным: чёрная униформа, факельные процессии. Важно понимать, что толкование эстетизации как дизайна не имеет ничего общего с определением эстетизации, из которого исходил Беньямин...» [Гройс 2018], — в его терминах оно, напро-

тив, соответствует политизации эстетики.

Положение осложнялось тем, что рассматриваемая концепция развивалась в рамках политической философии, для которой характерна большая метафоричность по сравнению с политической наукой. Неудивительно, что в 1991 г. Мартин Джей написал эссе под названием: «Что значит эстетизировать политику?» [Jay 1992]. Прошло 60 лет, но вопрос оставался таким же актуальным, как и в 1935 году. Наконец, немецкий философ Вольфганг Вельш опубликовал в 1997 г. системообразующую монографию [Welsch 1997], в которой собрал наиболее цитируемые и влиятельные семантические толкования термина «эстетизация». Было бы наивно предполагать, что он сможет найти некий общий знаменатель, но рабочим определением для него стала следующая дефиниция: «Эстетизация означает, что неэстетическое делается или понимается как эстетическое» [Welsch 1997: 7]. То есть эстетизация политики — это когда «политическое делается или понимается как эстетическое». Даже если оставить в стороне споры о содержании политики и эстетики, это определение вызывает больше вопросов, чем предоставляет ответов. Должны ли мы делать упор на понимание или на действие? Что если политический деятель не осознаёт нечто как эстетическое, но оперирует эстетическими категориями? И главное: на практике мы всегда сталкиваемся со случаями, когда используются одновременно и политические, и эстетические категории. Как понять направление перетекания

(от политики к эстетике или наоборот), если эмпирически мы всегда имеем дело со смешанными случаями?

Итак, мы оказываемся в ещё более запутанной ситуации, чем в 1935 году. Мы точно знаем, что сфера пересечения эстетики и политики феноменологически существует; она важна для международных отношений; для её описания есть термин, но операционализировать его для изучения конкретного эмпирического материала затруднительно.

Политико-эстетические гибриды и работа очищения. Ввиду того что предыдущие попытки концептуализации феномена оказались неудачными и расплывчатыми, мы вправе выстроить собственную теоретико-методологическую рамку эстетизации политики. Для начала скажем несколько слов о нашем понимании политического.

В настоящем исследовании мы рассматриваем политическое в постструктуралистском ключе через теорию гегемонии Ш. Муффа и Э. Лаклау⁵. Ещё основатель структурной лингвистики Ф. де Соссюр выделял две части знака — означающее и означаемое как образ и концепт, внешнюю и внутреннюю стороны [Соссюр 1999: 68–70]. Связь между ними устанавливается в силу уникальных исторических обстоятельств, кроме этого, не объясняется ничем другим и, по замечанию Муффа и Лаклау, становится объектом непрекращающейся дискурсивной схватки. Исследователи уравнивают процесс политического и артикуляцию — «любую практику, устанавливающую отношения между элементами таким

⁵ Разумеется, данный подход является далеко не единственной формой определения политического в философии и науке. Одной из доминирующих интерпретаций в современном мире стала трактовка с акцентом на ротации элит и участия народа в политике через выборы [Pettit 2017]. Всё большую популярность в академической среде обретает обновлённая версия античного видения политики как активного вовлечения граждан в жизнь полиса [Arendt 1998]. Невозможно проигнорировать консервативную интерпретацию политического в духе К. Шмитта через противопоставление друга и врага [Sartori 1989]. Фуколдианская теория фокусируется на феномене рассеянной власти, правительственности и биополитике, расширяя понимание политического за узкие пределы сфер электорального процесса и администрирования [Simons 1995]. Мы же в данной работе обращаемся к дискурсивной версии на базе трудов Ш. Муффа и Э. Лаклау, потому что рассматриваем феномен эстетизации политики именно в области речевых актов. Возможно, явление эстетизации политики не ограничивается сферой дискурса; в таких случаях при рассмотрении материальных манифестаций подобного феномена будет целесообразно использовать иные версии политического — с большим фокусом на практике.

образом, что их идентичность видоизменяется... Структурированную совокупность, возникающую в результате артикуляционной практики, мы будем называть дискурсом» [Laclau, Mouffe 2001: 105]. В подобных условиях цель любой политической силы состоит в том, чтобы закрепить свою интерпретацию пустых и плавающих означающих в узловых точках дискурса. Пустые означающие (означающее без означаемого) «возникают только в том случае, если имеется структурная невозможность значения как такового, и только если эта невозможность означает себя как прерывание (размывание, искажение и т. д.) структуры знака» [Laclau 1996: 36–37]. На практике это делается посредством работы эквивалентности и различия между означающими.

Следующим важным элементом выступает то, что можно назвать латурианским ходом. Мы стремимся концептуализировать область между политикой и эстетикой, в то время как знаменитый французский философ Б. Латур столкнулся со схожей проблемой работы на пересечении в труде «Нового времени не было» [Латур 2006], когда он рассматривал связь между обществом и природой. Для того чтобы описать данную проблему, Латур использовал термин «гибриды» как результат взаимодействия общественного и природного. Он упомянул несколько примеров, один из которых — озоновая дыра: ни у кого нет сомнений, что она представляет собой природный феномен, но она становится в равной мере и публичным объектом, потому что люди обсуждают озоновые дыры, издают законы и вводят налоги в связи с ними [Латур 2006: 59]. Гидриды возникают как результат так называемого перевода (*франц.: traduction*), когда природное смешивается с общественным. В свою очередь, обратную операцию Латур называет работой очищения, когда создаются «две совершенно различные онтологические зоны, одну из которых составляют люди, а другую — “не-люди”» [Латур 2006: 71].

Теперь мы располагаем всеми необходимыми элементами, чтобы собрать воедино теоретико-методологическую рамку. В фокусе внимания нашего исследования две сферы — политическая и эстетическая. Политика представляет собой область отношений между означающими (пустыми и плавающими). Эстетика же является полем бытования эстетических категорий и производных от них. По сути, такие категории также можно было бы рассматривать как пустые означающие, но здесь есть существенные различия. Политическая функция эстетических категорий состоит в том, что они способны наделять понятия эстетической легитимностью, которая куда меньше зависит от контекста, нежели политические означающие. Например, означающее «США» наполняется конкретным политическим контентом лишь внутри определённой семантической системы. Внутри американского официального дискурса это будет одно наполнение, а в российском или иранском — совершенно иное. Напротив, категория «красота», разумеется, обладает разными семантическими оттенками в США, России и Иране, но в любом из этих дискурсов она будет выполнять единую функцию наделяния политических означающих эстетической легитимностью в речевых актах вроде «США/Россия/Иран — это прекрасная страна».

Взаимодействие между сферами политики и эстетики осуществляется в два этапа. Первый включает в себя *совмещение* (*superposition*) — работу эквивалентности между политическими означающими и эстетическими категориями, где первые приобретают дополнительную легитимность за счёт вторых, но остаются отдельными друг от друга. Данный этап соответствует феномену политизации эстетики⁶. Примером совмещения может служить высказывание «государство X — великая страна, поскольку оно даёт миру великое искусство». Здесь выделяется политическая логика (государство X — великая страна) и эстетическая логика (великое искусство).

⁶ Хотя не сводится только к нему.

ство имеет эстетическую ценность). Политическая логика обретает легитимность за счёт эстетической: страна в целом характеризуется в качестве великой по эстетическому критерию обладания великим искусством. Вместе с тем политическая и эстетическая логика существуют независимо друг от друга и были связаны только в рамках конкретного речевого акта: великое искусство есть не только у страны X, и это не единственная её характеристика. Посредством совмещения реализуется политизация эстетики.

Второй этап, или *смешение*, является таким типом взаимодействия эстетических категорий и политических означающих, когда первые соединяются со вторыми в рамках политико-эстетических гибридов и могут быть разделены только посредством работы очищения. В то время как совмещение представлено речевыми актами в форме фраз или словосочетаний, результаты смешения содержатся внутри отдельных понятий, которые обладают устойчивой логикой. Этим смешение отличается от совмещения, где логика ситуативна в каждом новом речевом акте. Благодаря устойчивому характеру связи между политическими означающими и эстетическими категориями гибриды преодолевают ситуативный оппортунизм политизации эстетики и соответствуют эстетизации политики. Совмещение способно перейти в смешение и кристаллизоваться в форму гибрида при наличии ряда обстоятельств, если логика, свёрнутая внутри него, станет устойчивой (повторяемой).

Политико-эстетические гибриды – это устойчивые дискурсивные конструкции, в которых эстетические категории взаимодействуют с политическими означающими не посредством работы совмещения, но благодаря работе смешения. Невозможно сказать, что в процессе смешения эстетические категории политически инструментализируются; напротив, эстетика навязывает свою логику, что представляет перспективный эмпирический материал для изучения в рамках эстетического поворота в международных отношениях.

Исследовательский метод настоящей статьи – это операция, противоположная смешению, – работа очищения. Она предполагает изучение того, как происходило смешение политических означающих и эстетических категорий. В практическом плане это означает выявить дискурсивную работу эквивалентности и различия в терминах Лаклау, способствовавшую свёртыванию политико-эстетической логики внутри гибрида. В то время как процесс смешения может продолжаться десятилетиями или даже веками, наша методологическая задача состоит в том, чтобы распутать этот запутанный клубок, показать, как политика и эстетика стали единым целым в данном конкретном случае. В разных версиях современных политических дискурсов мы сталкиваемся с рядом гибридов, наличие эстетической компоненты в которых не кажется очевидным: «мировой порядок», «баланс сил», «асимметричный ответ». В рамках эмпирической части исследования мы сосредоточимся на одном важнейшем политико-эстетическом гибриде в официальном российском дискурсе – концепции многополярного мира.

«Многополярный мир» как политико-эстетический гибрид

Концепция многополярного мира генеалогически наследует классическому для западной мысли о международных отношениях понятию баланса сил. В этом смысле не случайно, что представители неореализма зачастую рассматривали два термина в связке. Например, основатель этого направления К. Уолтц писал: «Многополярность становится реальностью на наших глазах. Более того, она возникает в соответствии с императивом балансирования» [Waltz 2000: 37]. Дж. Миршаймер пошёл ещё дальше и объединил концепции, вводя своего рода классификацию: «Несбалансированные многополярные системы включают в себя три или более великих держав... Несбалансированная многополярность, безусловно, является наиболее склонным к войне и смертоносным распределением мощи... Сбалансированные многополярные

системы не имеют ревизионистского гегемона...» [Mearsheimer, Alterman 2001: 270].

Что ещё более важно для настоящего исследования, в российском семантическом контексте второе понятие также наследует первому. Концепция многополярности обрела свой привилегированный статус в российском официальном дискурсе во многом благодаря усилиям Е.М. Примакова — министра иностранных дел (1996–1998) и премьер-министра страны (1998–1999). Примаков по своему мировоззрению был реалистом, оценивал позицию России в мире преимущественно через призму баланса сил [Иноземцев 2012], поэтому обращение к термину «многополярный мир» и его популяризация этого термина оказались столь органичными, особенно на фоне активного распространения цивилизационных теорий в научных и околонучных кругах в 1990-х годах.

Мы указываем на взаимосвязь концепций многополярности и баланса сил по следующей причине. Есть основания полагать, что в плане генеалогии последнее не только опирается на теологическую или механистическую традицию восприятия мира (указание на эти направления уже стало общим местом [Little 2007; Sheehan 1996]), но и включает в себя эстетические элементы. В частности, заметный представитель неоклассического реализма Р. Швеллер замечал: «Везде, где бы она ни применялась, метафора “баланса” воспринималась как закон природы, лежащий в основе большинства вещей, которые мы находим привлекательными, будь то порядок, мир, справедливость, честность, умеренность, *симметрия, гармония или красота*» [Schweller 2016].

Ему вторил отечественный философ международных отношений Э. Баталов, когда прямо предлагал рассматривать концепты баланса сил и мирового порядка как эстетические [Баталов 2005: 103]. Подобная тема незаслуженно обойдена внимани-

ем исследователей и требует отдельного исследования, но примечательно следующее обстоятельство. Если понятие баланса было в историческом отношении интеллектуально связано с эстетической традицией (и, возможно, её интерпретацией через пропорциональность), не является ли это указанием на наличие эстетической компоненты и в концепции многополярного мира как наследника изначального термина?

Ниже мы покажем, что данная гипотеза не лишена основания. Любой политико-эстетический гибрид содержит внутри себя свёрнутую логику. В данном случае она звучит так: «*Многополярность как пропорция связана с гармоничным порядком*». Эта формула распадается на четыре инварианта в зависимости от уровня и модальности. Рассмотрим последовательно каждый из них.

Первый инвариант — это позитивная макрологика: «*Многополярность как пропорциональность в международных отношениях связана с гармоничным международным порядком*». Позитивность здесь отражает эстетическую легитимацию, в то время как макро- указывает на масштаб или уровень. Например, выступая на ежегодном Валдайском форуме в 2019 году, президент России В.В. Путин сопоставил «концерт великих держав» середины XIX века с «глобальным “концертом” моделей развития интересов, культур и традиций, где звучание каждого инструмента важно, незаменимо и ценно»⁷. В.В. Путин добавил: «И чтобы “музыка” исполнялась без фальши, без какофонии, а, наоборот, звучала гармонично, важно учитывать мнение и интересы всех участников международной жизни... Россия искренне привержена таким подходам»⁸. В данном случае в рамках работы эквивалентности ставятся в один ряд понятия «развитие», «интересы», «международная жизнь» и, наконец, «Россия» с эстетически легитимирующей категорией «гармоничная музыка».

⁷ Заседание дискуссионного клуба «Валдай». Владимир Путин выступил на итоговой пленарной сессии XVI заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». Президент России [Электронный ресурс]. 2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61719> (дата обращения: 19.04.2023).

⁸ Там же.

Эта линия рассуждений была продолжена министром иностранных дел страны С.В. Лавровым в его статье «Мир на перепутье и система международных отношений будущего». Он выстраивал цепочку эквивалентности между означающими «формирование многополярного мира», «сотрудничество», «гармонизация интересов», соединяя их с российской внешней политикой: «Что касается России, то мы продолжим продвигать положительную, объединительную повестку дня, ориентированную на стирание старых и недопущение появления новых разделительных линий...»⁹.

Подобные заявления политиков и чиновников имеют очевидные параллели с программными документами Российской Федерации. Например, с Концепцией внешней политики 2016 года, где означающее «Россия» и производные от него сопрягаются с категориями, легитимизирующими политическое через эстетику. Здесь Российская Федерация в духе пропорциональной традиции играет роль «уравновешивающего фактора в международных делах и развитии мировой цивилизации», вносит вклад в «формирование партнёрства между культурами, религиями и цивилизациями, призванного обеспечить гармоничное развитие человечества»¹⁰. Механистическая и одновременно эстетическая категория «уравновешивания» вкупе с «гармонией» оказывается неразрывно связана с «развитием» и «цивилизацией» в российском внешнеполитическом курсе. Таким образом, позитивная макрологика соединяет многополярный мир и Россию как его ключевого сторонника в международных отношениях с не только этическим нача-

лом, но и эстетически обоснованным «гармоничным порядком».

Обратный инвариант негативной макрологии предполагает, что *однополярность как диспропорция в международных отношениях связана с дисгармоничным международным порядком*. Демонстративная оценка западной однополярности была высказана В.В. Путиным во время встречи с главами государств и правительств стран БРИКС в 2020 году: «Вы сказали, что в индийской культуре весь мир является одной семьёй. Это фундаментальная, базовая вещь, на которую мы все должны равняться... В этой связи не могу не вспомнить русскую поговорку: “В семье не без урода”. К сожалению, есть люди, которые вырываются из общего контекста и пытаются навязать свою собственную повестку дня»¹¹. Категория «уродства», которая внутри данного речевого акта является характеристикой западного одностороннего подхода к ведению международных дел, отсылает нас к эстетической дихотомии «прекрасное—безобразное». Таким образом, эстетическое сплетается с политическим в речах российского президента.

Аналогичным образом С.В. Лавров в открытой лекции в 2014 г. утверждал: «У американцев обычно бывает так: они сами придумывают концепцию решения проблемы (в Ираке, Афганистане, Йемене, где-то ещё) и говорят всем: “Решение в Вашингтоне принято, давайте обеспечим международное сотрудничество на этой основе...” хотя теория проверяется практикой, а практика показывает, что куда бы американцы ни вмешивались, там наступает хаос и разруха»¹². В этом пассаже «Запад» сводится к означающему «Соединённые Штаты», которое отождествляется с деле-

⁹ Лавров С.В. «Мир на перепутье и система международных отношений будущего». Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском Союзе [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://russiaeu.ru/ru/news/statya-ministra-inostrannykh-del-rossii-svlavrova-mir-na-perepute-i-sistema-mezhdunarodnykh> (дата обращения: 19.04.2023).

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». Президент России [Электронный ресурс]. 2016. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612010045.pdf> (дата обращения: 19.04.2023).

¹¹ Путин: весь мир является одной семьёй, но «в семье не без урода». ТАСС [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://tass.ru/politika/10023945> (дата обращения: 19.04.2023).

гитимирующими эстетическими категориями «хаоса и разрухи» — подобное состояние наблюдается тогда, когда отсутствует порядок и гармония, когда вещи находятся не на своих местах в неправильных пропорциях, говоря в терминах древнегреческой телеологии. С.В. Лавров ясно формулировал своё видение проблемы в процитированной выше статье 2019 года: «Продвигаемый Западом “порядок” не отвечает потребностям гармоничного развития человечества»¹³.

Не случайно слово «порядок» заключено автором в кавычки в изначальном тексте — по мнению министра, западный порядок приводит к прямо обратному упорядоченности результату. И все бесполезные усилия США направлены лишь на то, чтобы «искусственно затормозить» процесс «формирования полицентричной архитектуры мироустройства», который всё равно «необратим»¹⁴. Подобная точка зрения была отражена и в программных документах, таких как Концепция внешней политики 2016 года: «...попытки навязывания другим государствам собственной шкалы ценностей... в конечном итоге могут привести к хаосу и неуправляемости в международ-

ных отношениях»¹⁵. И вновь политические означающие, связанные с НАТО и США, стоят в едином ряду не только с категориями этики и рациональности, но и с делегитимирующими эстетическими деривативами. Это является общим принципом работы негативной макрологики.

Далее политико-эстетическая логика дополняется более конкретным низовым уровнем. Позитивная микрологика выглядит следующим образом: *многополярность как пропорция в международных отношениях связана с гармоничным порядком внутри стран и регионов*. Подобная логика ярко проявилась в высказывании В. Путина на Валдае в 2020 году: «...не имеет значения, как называется политический строй. В каждой стране своя политическая культура, традиции, свой взгляд на их развитие. Пытаться кого-то слепо копировать — абсолютно бессмысленно и вредно»¹⁶.

Такая позитивная микрологика получает свою проекцию применительно к конкретным примерам в международных отношениях. Российское участие в вооружённом конфликте на Кавказе в 2008 г. между Грузией, Абхазией и Южной Осетией рассматривалось¹⁷ Кремлём как хронологиче-

¹² Выступление С.В. Лаврова на открытой лекции по актуальным вопросам внешней политики России. Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском Союзе [Электронный ресурс]. 2014. URL: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/716270 (дата обращения: 19.04.2023).

¹³ Лавров С.В. «Мир на перепутье и система международных отношений будущего». Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском Союзе [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://russiaeu.ru/ru/news/statya-ministra-inostrannykh-del-rossii-svlavrova-mir-na-perepute-i-sistema-mezhdunarodnykh> (дата обращения: 19.04.2023).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». Президент России [Электронный ресурс]. 2016. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612010045.pdf> (дата обращения: 19.04.2023).

¹⁶ Заседание дискуссионного клуба «Валдай». Президент России [Электронный ресурс]. 2020. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64261> (дата обращения: 19.04.2023).

¹⁷ «Было вроде бы желание встречаться, на последней встрече мне было сказано, что грузинский “вождь” хотел бы приехать в Сочи, поговорить. Договаривались даже о том, какие документы можно было бы подписать, но потом, я уже об этом говорил, ещё раз скажу, к сожалению, получилось так, что в результате деятельности внерегиональной державы (Соединённых Штатов Америки) ситуация изменилась. Приехала в Тбилиси государственный секретарь, что-то там пропела, и этот гражданин настроился на войну, перестал общаться с нашим МИДом, письма перестал писать, больше не возбуждал вопрос о встрече», — говорит Д.А. Медведев, президент страны в 2008 г. Стенографический отчёт о встрече с представителями общественных организаций. Президент России [Электронный ресурс]. 2008. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1467> (дата обращения: 19.04.2023).

ски первое воплощение принципов Мюнхенской речи 2007 г. по восстановлению многополярности. В поздравительном послании президентам Абхазии и Южной Осетии по случаю пятой годовщины их признания Россией В. Путин подчеркнул: «...принятые в августе 2008 г. Российской Федерацией непростые, но единственно верные решения по признанию независимости Абхазии и Южной Осетии явились судьбоносными для этих молодых государств, дали возможность самостоятельно выбирать своё будущее... Президент России высоко оценил достигнутые за прошедшие годы Абхазией и Южной Осетией успехи в государственном строительстве и укреплении демократических институтов, восстановлении социально-экономической инфраструктуры, а также отметил создающиеся предпосылки для долгосрочного развития стран»¹⁸.

В данном речевом акте работа эквивалентности каузально соединяет политические означающие, связанные с Россией и её внешней политикой по выстраиванию многополярности в регионе, с описанием порядка и процветания на территории «молодых» государств. Другим показательным примером такой логики можно считать российское участие в гражданской войне в Сирии, которое мыслилось внутри официального дискурса не просто как противодействие растущему влиянию ИГИЛ¹⁹ в регионе, но также как сопротивление американскому однополярному подходу к безопасности на Ближнем Востоке. Так, глава МИД С.В. Лавров заявил, что «американцы крайне обеспокоены, что помощь, которую Россия оказывает Б. Асаду в борь-

бе с «Исламским государством», может означать усиление режима»²⁰.

В интервью РТ в 2015 г. Лавров добавил: «альтернатива Сирии — это “ИГ” и халифат. Нам придётся забыть о Сирии, какой мы её знаем сейчас... о Сирии, которая всегда была полиэтнической, многоконфессиональной страной, колыбелью диалога и сосуществования цивилизаций... первостепенная задача на данном этапе — не позволить террористам разрушить Ближний Восток, ставший колыбелью трёх мировых религий»²¹. Цель дискурсивного субъекта в данном случае состояла в семантическом сопряжении российской внешней политики не только с означающими этического плана, но и с эстетическими категориями вроде «колыбели» или «сосуществования» (гармоничное соединение разных начал). На обратной стороне бинарной оппозиции — «разрушение». Двумя годами позже В. Путин фиксировал успех российской операции во время вручения наград военным тоже с активным привлечением эстетических отсылок: «Россия... внесла главный, решающий вклад в разгром преступной силы, бросившей вызов всей цивилизации, в уничтожение террористической армии, варварской диктатуры, которая сеяла смерть и разрушения, стирала с лица земли больницы, школы, мечети, церкви, памятники истории и культуры...»²².

Сугубо рациональное или даже этическое описание ситуации едва ли выглядело бы столь эффектно, как нарисованная картинка тотального беспорядка. Вот почему эстетические производные, а именно разрушенные «больницы, школы, мечети,

¹⁸ Поздравления главам Южной Осетии и Абхазии с пятой годовщиной признания Россией суверенитета этих республик. Президент России [Электронный ресурс]. 2013. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19078> (дата обращения: 19.04.2023).

¹⁹ Запрещена в России.

²⁰ Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова телеканалу "Russia Today", Нью-Йорк, 29 сентября 2015 года. Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://archive.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/1804112 (дата обращения: 19.04.2023).

²¹ Там же.

²² Путин В. Встреча с военнослужащими—участниками антитеррористической операции в Сирии. Президент России [Электронный ресурс]. 2017. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56516> (дата обращения: 19.04.2023).

церкви, памятники истории и культуры» дискурсивно увязываются с противником, в то время как «Россия» — с сохранением или восстановлением порядка. Официальный представитель МИД М.В. Захарова продолжила эту линию рассуждений в 2020 году: «...благодаря решающей роли России... Предотвращён распад Сирии... Это, в свою очередь, позволило спасти Ближний Восток и Средиземноморье от расползания террористической угрозы и нестабильности... Активно помогаем сирийцам решать стоящие перед ними актуальные задачи... восстановление национального единства, преодоление послевоенной разрухи и, наконец, важнейшая проблема миллионов беженцев и внутренне перемещённых лиц»²³.

Настойчивое обращение к означающему «разруха/разрушение», используемому Путиным, Лавровым и Захаровой по отношению к последствиям американской политики демократизации в Ливии, Ираке, Сирии и др., глубоко не случайно. Оно отсылает к тотальному уродливому беспорядку и вкладу России в преодоление этого состояния вещей, а также наделяет субъекта такого «упорядочивания» политической легитимностью по эстетической линии. Итак, позитивная микрологика увязывает «Россию», «российскую внешнюю политику», основанную на многополярности, с восстановлением гармоничного внутреннего порядка стран на контрасте с разрушениями, ассоциированными с западным односторонним подходом к международным отношениям.

Выше мы уже частично затронули обратную негативную половину микрологики: *однополярность как диспропорция в международных отношениях связана с дисгармо-*

ничным порядком внутри стран и регионов. По сути, это означает, что дискурсивные игроки здесь пытаются каузально увязать западный однополярный подход со случаями беспорядка/вышеупомянутой разрухи. Первый из них представлен примером Ливии. Говоря о военной операции западных стран против режима М. Каддафи, В. Путин заметил: «До сих пор там хаос, неразбериха, хлынул поток мигрантов через Ливию, о чём Каддафи всегда предупреждал... А самое главное, что это дестабилизирует весь Ближний Восток»²⁴. В данном пассаже однополярность соединяется через работу эквивалентности с делегитимирующими эстетическими деривативами («хаос, неразбериха, поток мигрантов»). Согласно подобному взгляду, западный подход ведёт к беспорядку, причём не только в стране, но и во всём регионе.

Украинский конфликт также не мог остаться без внимания внутри российского официального дискурса, где мы встречаемся примерно с теми же негативными эстетическими категориями: «Но разве можно было доводить до анархии, до антиконституционного переворота и захвата власти вооружённым путём, чтобы свергнуть страну потом в такой хаос, в котором она сейчас находится?... Я говорю: “У вас наступит анархия, хаос наступит в столице. Пожалейте людей”»²⁵, — заявил В. Путин вскоре после событий 2014 г. в Киеве.

Похожая линия рассуждений присутствовала в совместной статье С.В. Лаврова с его сербским коллегой И. Дачичем в связи с кейсом Косово. Российский министр иностранных дел отождествлял внутреннюю ситуацию в стране со следующими делегитимирующими эстетическими производными: «В Косово царит внутрители-

²³ МИД РФ: Москва готова к диалогу по Сирии со всеми, в том числе с США. Российская газета [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://rg.ru/2020/12/18/mid-rf-moskva-gotova-k-dialogu-po-sirii-so-vsemi-v-tom-chisle-s-ssha.html> (дата обращения: 19.04.2023).

²⁴ Путин В. Интервью телеканалам Al Arabiya, Sky News Arabia и RT Arabic. Президент России [Электронный ресурс]. 2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61792> (дата обращения: 19.04.2023).

²⁵ Владимир Путин ответил на вопросы журналистов о ситуации на Украине. Президент России [Электронный ресурс]. 2014. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20366> (дата обращения: 19.04.2023).

тический хаос: местные партии погрязли в нечистоплотной борьбе за власть, интригах, взаимных обвинениях и клановых расприх на фоне экономического упадка и разгула преступности... свидетельствует о превращении края с богатым историко-культурным наследием в логово уголовников и бандитов всех мастей»²⁶. Логика остаётся всё той же: западное вмешательство превращает любую точку земного шара в место, где жить невозможно по причине тотального беспорядка как закономерного результата нарушения многополярности.

Позже официальный представитель МИД Мария Захарова описала западный односторонний подход к международным отношениям ещё более ёмкой формулой: «Про успехи НАТО в военной истории говорить даже неловко. Югославия, Афганистан, Ливия — операции альянса принесли хаос и разруху, сопровождалась жертвами среди гражданского населения»²⁷. Означающее «разруха» в качестве производного от категории безобразного используется Захаровой, чтобы вновь соотнести Запад с негативным эстетическим наполнением в коннотативном и денотативном отношении. Работа эквивалентности между «НАТО», «Западом», «американской внешней политикой» и «однополярностью» с делегитимирующими эстетическими деривативами — это общий принцип действия негативной микрологики.

Почему же гибрид, его наполнение в виде политико-эстетической логики и её четырёх инвариантов рассмотрены нами как примеры эстетизации политики, а не наоборот? На первый взгляд дискурсивные субъекты используют эстетическое для продвижения своей политической повестки. Это так, но сразу оговоримся, что политизация эстетики и эстетизация политики — двусторонние неразрывные процессы или (внутри рамок настоящего исследова-

ния) две стадии одного процесса. Проанализированные выше случаи включают в себя феномен эстетизации политики, потому что связь между политическими означающими и эстетическими категориями демонстрирует высокую степень устойчивости и повторяемости. Субъекты могут инструментализировать логику внутри гибрида в своём речевом акте, но она существовала до и после данного акта. Они её лишь воспроизводят. На это указывают три обстоятельства. *Во-первых*, даже в рассмотренной нами ограниченной выборке логика встречается в текстах более чем за 10 лет, причём у разных субъектов артикуляции. *Во-вторых*, мы встречаем логику даже вне российского официального дискурса. Вот что говорил лидер Болгарии Р. Радев на Петербургском международном экономическом форуме в 2019 году: «Во время его последнего концерта в Софии оркестр Мариинского театра перешёл в своём исполнении в пианиссимо. Всё тише и тише — до тех пор, пока звуки в переполненном зале полностью не стихли... После концерта я спросил маэстро: “Как это возможно? Как это возможно, чтобы мы услышали и поняли тихую часть исполнения лучше, чем громкую?” Он мне ответил: “Сила, конечно же, важна, но мелодия и гармония намного важнее”. Может быть, пора и нам, политикам, поубавить количество децибел, потому что мы всё ещё далеки от той гармонии, которую граждане мира ожидают от нас, но это хорошее начало для того, чтобы мы начали слышать друг друга. Думаю, что количество желающих занять место дирижёра в мировом оркестре постоянно растёт, но каждый из них приходит с собственной партитурой, часто даже не поздоровавшись с оркестрантами. Если мы хотим прийти к устойчивому развитию человечества, нам следует уже написать и установить чёткие правила насчёт

²⁶ «РГ» публикует совместную статью министров иностранных дел РФ и Сербии. Российская газета [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://rg.ru/2020/06/18/rg-publikuet-sovmestnuiu-statiiu-ministrov-inostrannyh-del-rf-i-serbii.html> (дата обращения: 19.04.2023).

²⁷ МИД пожелал НАТО в 70-й юбилей альянса поменьше нервничать. РИА Новости [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://ria.ru/20190404/1552393873.html> (дата обращения: 19.04.2023).

пяти нотных линий и самих нот, писать вместе музыку, учитывать специфику каждого отдельного инструмента в оркестре. Думаю, что площадка для подобной деятельности — это Организация Объединённых Наций»²⁸.

Здесь мы фиксируем хорошо знакомую нам логику: многополярность как политический принцип ведёт к гармонии в международных отношениях и внутри отдельных стран, в то время как однополярность — к обратному результату. Заметим, что данную логику артикулировал не В.В. Путин или представитель российского МИД. Всё это указывает на следующую, третью причину. Подобный сюжет требует отдельного исследования, но, по всей видимости, мы наблюдаем перенос некоего каркаса политико-эстетической логики от гибрида-предшественника, а именно — от понятия «баланса сил». Будь то логика возрастом несколько веков или лет, мы наблюдаем функционирование устойчивой дискурсивной (и даже лучше сказать культурной) конструкции, которая воспроизводится раз за разом, эффективно связывает политическое и эстетическое, преодолевая ситуативность и модус инструментализации, характерный для политизации эстетики.

* * *

Объявленный Р. Блейкером в 2001 г. эстетический поворот в науке о МО предполагал повышенное внимание исследователей к области пересечения эстетики и политики. Вместе с тем работы представителей этого поворота были сосредоточены почти исключительно на кейсах политизации эстетики — инструментального использования политическими субъектами эстетики в своих целях — оставляя второй полюс данной бинарной оппозиции слепым пятном для теории международных отношений. Во многом это объяснялось особенностями оригинального текста В. Беньямина и последующей рецепцией понятия, когда ни

одна его операционализация и даже концептуализация не увенчалась успехом, который был бы признан большей частью академического сообщества. В настоящей статье мы предложили собственную теоретико-методологическую рамку для изучения феномена эстетизации политики. Она включает в себя опору на изучение политико-эстетических гибридов, свёрнутой в них логики, процессов совмещения и смешения, а также работу очищения как метода ретроспективного отделения эстетического от политического.

Мы показали, что концепция многополярного мира в российском официальном дискурсе — своего рода гибрид, содержащий внутри себя следующую логику: «Многополярность как пропорция в МО связана с гармоничным порядком». Эта формула разделяется на четыре конкретных инварианта в зависимости от модальности гармонии или дисгармонии (позитивная, негативная) и глобального или национально-регионального уровня (макро-, микро-). Наше исследование указывает на возможности более широкого применения использованного в статье теоретико-методологического инструментария для изучения других практических кейсов. С одной стороны, открывается широкая перспектива исследования того, как политическая риторика зачастую оказывается инициирована и направлена эстетическими ценностями и категориями. С другой — работа предоставляет новые ресурсы для идентификации идеологических механизмов, используемых в политической языковой игре, ведь обращение субъектов к эстетическим категориям часто обеспечивает необходимый им дискурсивный эффект.

Думается, что в рамках дальнейших исследований следует продолжить изучение других гибридов, таких как «баланс сил», «мировой порядок», «симметричный ответ», чтобы лучше понять их роль в функционировании идеологических структур между-

²⁸ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. Президент России [Электронный ресурс]. 2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60707> (дата обращения: 19.04.2023).

народных отношений и практик мировой политики. Плодотворной видится перспектива сравнительного анализа нескольких гибридов, а также разных версий одного гибрида (многополярность – многополярный мир – полицентричный мир). Возможны и альтернативные взгляды на то, что такое эстетизация политики в принципе; вероятнее всего, гибриды являются далеко не единственной её формой. Главное, чтобы

подобные концептуализации были последовательными и потенциально операционализируемыми. Так или иначе, за два десятилетия эстетический поворот стал уже почти мейнстримной частью исследовательской повестки дня в теории международных отношений, плодотворным образом расширяя наш взгляд на объект академических изысканий учёных-международников.

Список литературы

- Баталов Э.Я. О философии международных отношений. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. 132 с.
- Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Кафедра истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. 2023. URL: <https://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/benjamin1-ru> (дата обращения: 19.04.2023).
- Буало Н. Поэтическое искусство. М.: Художественная литература, 1937. 101 с.
- Гройс Б.Е. «Вера в природную одарённость и креативность есть худшая форма социал-дарвинизма». Отрывок из книги «В потоке» философа Бориса Гройса. Инде [Электронный ресурс]. 2018. URL: <https://inde.io/article/11495-vera-v-prirodnuyu-odarennost-i-kreativnost-est-hudshaya-forma-sotsial-darvinizma-otryvok-iz-knigi-v-potoke-filosofa-borisa-groya> (дата обращения: 19.04.2023).
- Иноземцев В.Л. Апостол реализма // Россия в глобальной политике. 2012. Т.10. № 1. С. 212–219.
- Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. 240 с.
- Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения. М.: Мысль, 1998. 750 с.
- Пустовит А.И. Этика и эстетика: Наследие Запада. История красоты и добра: Учеб. пособие. Киев: МАУП, 2006. 680 с.
- Рансьер Ж. Разделяя чувственное. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. 263 с.
- Рескин Д. Теория красоты. М.: РИПОЛ классик, 2016. 288 с.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. 432 с.
- Тезауро Э. Подзорная труба Аристотеля. СПб.: Алетейя, 2002. 384 с.
- Adler E., Pouliot V. International Practices // International Theory. 2011. Vol. 3. No. 1. P. 1–36.
- Arendt H. The Human Condition. Chicago: University of Chicago Press, 1998. 370 p.
- Bleiker R. Aesthetic Turn in International Relations // Oxford Bibliographies. 2018. URL: <http://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199743292/obo-9780199743292-0236.xml> (accessed 19.04.2023).
- Bleiker R. The Aesthetic Turn in International Political Theory // Millennium. 2001. Vol. 30. No. 3. P. 509–533.
- Campbell D. Geopolitics and Visuality: Sighting the Darfur Conflict // Political Geography. 2007. Vol. 26. No. 4. P. 357–382.
- Chandler A.R. The Aesthetic Categories // The Monist. 1921. Vol. 31. No. 3. P. 409–419.
- Crawford N.C. The Passion of World Politics: Propositions on Emotion and Emotional Relationships // International Security. 2000. Vol. 24. No. 4. P. 116–156.
- Danchev A. On Art and War and Terror. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011. 256 p.
- Eco U. On Beauty: A History of a Western Idea. L.: Secker & Warburg, 2004. 438 p.
- Funnell L., Dodds K. Geographies, Genders and Geopolitics of James Bond. London: Palgrave Macmillan, 2017. 253 p.
- Jay M. «The Aesthetic Ideology» as Ideology; or, What Does It Mean to Aestheticize Politics? // Cultural Critique. 1992. No. 21. P. 41–61.
- Kahn C.H. The art and Thought of Heraclitus. An Edition of the Fragments with Translation and Commentary. L.: Cambridge University Press, 1979. 354 p.
- Laclau E. Emancipation(s). L.: Verso, 1996. 124 p.

- Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. L.: Verso, 2001. 198 p.
- Little R.* The Balance of Power in International Relations: Metaphors, Myths, and Models. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 328 p.
- Livio M.* The Golden Ratio and Aesthetics // *Plus Magazine*. 2002. URL: <https://plus.maths.org/content/golden-ratio-and-aesthetics> (accessed: 19.04.2023).
- Maguire J.P.* The Differentiation of Art in Plato's Aesthetics // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1964. Vol. 68. P. 389–410.
- Mearsheimer J.J., Altermann G.* The Tragedy of Great Power Politics. New York: WW Norton & Company, 2001. 561 p.
- Milliken J.* The Study of Discourse in International Relations: A Critique of Research and Methods // *European Journal of International Relations*. 1999. Vol. 5. No. 2. P. 225–254.
- Pettit P.* Democracy before, in, and after Schumpeter // *Critical Review*. 2017. Vol. 29. No. 4. P. 492–504.
- Poulakos J.* From the Depths of Rhetoric: The Emergence of Aesthetics as a Discipline // *Philosophy & Rhetoric*. 2007. Vol. 40. No. 4. P. 335–352.
- Sartori G.* The Essence of the Political in Carl Schmitt // *Journal of Theoretical Politics*. 1989. Vol. 1. No. 1. P. 63–75.
- Schweller R.L.* The Balance of Power in World Politics // *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. 2016. URL: <https://oxfordre.com/politics/display/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-119> (accessed: 19.04.2023).
- Shapiro M.J.* Cinematic Political Thought: Narrating Race, Nation and Gender. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. 176 p.
- Shapiro M.J.* The Politics of Representation: Writing Practices in Biography, Photography, and Policy Analysis. Madison: University of Wisconsin Press, 1988. 256 p.
- Sheehan M.* The Balance of Power: History and Theory. London: Routledge, 1996. 229 p.
- Simons J.* Foucault and the Political. London: Routledge, 1995. 160 p.
- Waltz K.N.* Structural Realism after the Cold War // *International Security*. 2000. Vol. 25. No. 1. P. 5–41.
- Welsch W.* Undoing Aesthetics. L.: Sage Publications Ltd., 1997. 209 p.

THE CONCEPT OF A MULTIPOLAR WORLD AS THE AESTHETICIZATION OF POLITICS

GLEB KOTSUR

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, 191060, Russia;

National Research University Higher School of Economics in Saint Petersburg, Saint Petersburg, 190068

Abstract

In 2001 R. Bleiker announced aesthetic turn in IR theory, which presupposed the focus on the intersection between two areas – politics and aesthetics. The vast majority of the works had the emphasis on the politicization of aesthetics in terms of Walter Benjamin, namely, on a process of instrumentalization of aesthetics for political purposes, while the opposite notion of the aestheticization of politics has remained vague. This article aims to compensate such a gap in epistemology and to show the importance of the aestheticization of politics for IR. The author proposes a theoretical and methodological framework that includes the concepts of political-aesthetic hybrids, political-aesthetic logic, superposition, blending and the work of purification as the retrospective separation of the aesthetic from the political. The article provides a ground to consider the concept of the multipolar world in the official discourse of Russia as

political-aesthetic hybrid. It contains a sustainable logic linking the multipolar principle in international relations with a harmonious order at the level of the international system and within specific countries/regions. Future research can focus on some other political-aesthetic hybrids such as "balance of power", "world order", "symmetrical response" to advance our understanding of the field of intersection between international relations and aesthetics. In addition, alternative views on the phenomenon of the aestheticization of politics may be fruitful, but only in the case of consistent conceptualization and, most importantly, operationalization of these models, since many previous theoretical constructions suffered from excessive metaphorical nature and vagueness.

Keywords:

aesthetic turn; aestheticization of politics; politicization of aesthetics; multipolar world; discourse; hybrids.

References

- Adler E., Pouliot V. (2011). International Practices. *International Theory*. Vol. 3. No. 1. P. 1–36.
- Arendt H. (1998). *The Human Condition*. Chicago: University of Chicago Press. 370 p.
- Batalov J.J. (2005). *O filosofii mezhdunarodnyh otnoshenij* [On the philosophy of international relations]. Moscow: Nauchno-obrazovatel'nyj forum po mezhdunarodnym otnoshenijam. 132 p.
- Benjamin W. (2023). *Proizvedenie iskusstva v jepohu ego tehničeskoj vosproizvodimosti* [The work of art in the age of mechanical reproduction]. Kafedra istorii zarubeznoj literatury filologičeskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova. URL: <https://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/benjamin1-ru> (accessed: 19.04.2023).
- Bleiker R. (2001). The Aesthetic Turn in International Political Theory. *Millennium*. Vol. 30. No. 3. P. 509–533.
- Bleiker R. (2018). Aesthetic Turn in International Relations. *Oxford Bibliographies*. URL: <http://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199743292/obo-9780199743292-0236.xml> (accessed 19.04.2023).
- Boileau-Despréaux N. (1937). *Pojeticheskoe iskusstvo* [Poetic art]. Moscow: Hudozhestvennaja literatura. 101 p.
- Campbell D. (2007). Geopolitics and Visuality: Sighting the Darfur Conflict. *Political Geography*. Vol. 26. No. 4. P. 357–382.
- Chandler A.R. (1921). The Aesthetic Categories. *The Monist*. Vol. 31. No. 3. P. 409–419.
- Crawford N.C. (2000). The Passion of World Politics: Propositions on Emotion and Emotional Relationships. *International Security*. Vol. 24. No. 4. P. 116–156.
- Danchev A. (2011). *On Art and War and Terror*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 256 p.
- Eco U. (2004). *On Beauty: A History of a Western Idea*. L.: Secker & Warburg. 438 p.
- Funnell L., Dodds K. (2017). *Geographies, Genders and Geopolitics of James Bond*. London: Palgrave Macmillan. 253 p.
- Groys B.Y. (2018). «Vera v prirodnuju odarennost' i kreativnost' est' hudshaja forma social-darvinizma». *Otryvok iz knigi «V potoke» filosofa Borisa Grojsa* ["Belief in natural giftedness and creativity is the worst form of social Darwinism." An excerpt from the book "In the Stream" by the philosopher Boris Groys]. Inde. URL: <https://inde.io/article/11495-vera-v-prirodnuyu-odarennost-i-kreativnost-est-hudshaya-forma-sotsial-darvinizma-otryvok-iz-knigi-v-potoke-filosofa-borisa-groysa> (accessed: 19.04.2023).
- Inozemtsev V.L. (2012). Apostol realizma [Apostle of realism]. *Rossija v global'noj politike*. No. 1 (10). P. 212–219.
- Jay M. (1992). «The Aesthetic Ideology» as Ideology; or, What Does It Mean to Aestheticize Politics? *Cultural Critique*. No. 21. P. 41–61.
- Kahn C.H. (1979). *The Art and Thought of Heraclitus. An Edition of the Fragments with Translation and Commentary*. L.: Cambridge University Press. 354 p.
- Laclau E. (1996). *Emancipation(s)*. L.: Verso. 124 p.
- Laclau E., Mouffe C. (2001). *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. L.: Verso. 198 p.
- Latour B. (2006). *Novogo Vremeni ne bylo. Jesse po simmetrichnoj antropologii* [We have never been modern]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 240 p.
- Little R. (2007). *The Balance of Power in International Relations: Metaphors, Myths, and Models*. Cambridge: Cambridge University Press. 328 p.
- Livio M. (2002). The Golden Ratio and Aesthetics. *Plus Magazine*. URL: <https://plus.maths.org/content/golden-ratio-and-aesthetics> (accessed: 19.04.2023).

- Losev A.F. (1998). *Jestetika Vozrozhdenija. Istoricheskij smysl jestetiki Vozrozhdenija* [Aesthetics of the Renaissance. The historical meaning of the aesthetics of the Renaissance]. Moscow: Mysl'. 750 p.
- Maguire J.P. (1964). The Differentiation of Art in Plato's Aesthetics. *Harvard Studies in Classical Philology*. Vol. 68. P. 389–410.
- Mearsheimer J.J., Alterman G. (2001). *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: WW Norton & Company. 561 p.
- Milliken J. (1999). The Study of Discourse in International Relations: A Critique of Research and Methods. *European Journal of International Relations*. Vol. 5. No. 2. P. 225–254.
- Pettit P. (2017). Democracy before, in, and after Schumpeter. *Critical Review*. Vol. 29. No. 4. P. 492–504.
- Poulakos J. (2007). From the Depths of Rhetoric: The Emergence of Aesthetics as a Discipline. *Philosophy & Rhetoric*. Vol. 40. No. 4. P. 335–352.
- Pustovit A.I. (2006). *Jetika i jestetika: Nasledie Zapada. Istorija krasoty i dobra: Uchebnoe posobie* [Ethics and Aesthetics: Heritage of the West. A History of Beauty and Good: Study Guide]. Kyiv: MAUP. 680 p.
- Rancière J. (2007). *Razdeljaja chuvstvennoe* [The Distribution of the Sensible: Politics and Aesthetics]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 263 p.
- Ruskin J. (2016). *Teorija krasoty* [The theory of beauty]. Moscow: RIPOL klassik. 288 p.
- Sartori G. (1989). The Essence of the Political in Carl Schmitt. *Journal of Theoretical Politics*. Vol. 1. No. 1. P. 63–75.
- Saussure F. de. (1999). Kurs obshhej lingvistiki [Course in general linguistics]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 432 p.
- Schweller R. L. (2016). The Balance of Power in World Politics. *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. URL: <https://oxfordre.com/politics/display/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-119> (accessed: 19.04.2023).
- Shapiro M.J. (1988). *The Politics of Representation: Writing Practices in Biography, Photography, and Policy Analysis*. Madison: University of Wisconsin Press. 256 p.
- Shapiro M.J. (1999). *Cinematic Political Thought: Narrating Race, Nation and Gender*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 176 p.
- Sheehan M. (1996). *The Balance of Power: History and Theory*. London: Routledge. 229 p.
- Simons J. (1995). *Foucault and the Political*. London: Routledge. 160 p.
- Tesauro E. (2002). *Podzornaja truba Aristotelja* [The aristotelian telescope]. Saint Petersburg: Aletejja. 384 p.
- Waltz K. N. (2000). Structural Realism after the Cold War. *International Security*. Vol. 25. No. 1. P. 5–41.
- Welsch W. (1997). *Undoing Aesthetics*. L.: Sage Publications Ltd. 209 p.

EXPLORING REGIONAL INTEGRATION RESILIENCE IN THE CONTEXT OF COVID-19

EKATERINA ARAPOVA

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The COVID-19 crisis has disrupted traditional trade connections, significantly altering the global trade landscape. This served as a crucial stress test for international trade and regional integration blocs, challenging trade regionalization. Given these new challenges, we propose the concept of regional integration resilience, defined as the capacity of an integration bloc to mitigate the adverse impact of the pandemic on intraregional trade and minimize the immediate reduction of trade within that bloc. With the fortification of supply chains and greater economic interconnection within the integrating economies, our hypothesis is that regional economic integration could serve as a buffer against the negative consequences of the COVID-19 pandemic. Specifically, we have utilized fixed-effects instrumental variable regression applied to the augmented gravity model to analyze quarterly observations from January 2018 to December 2020. To gauge the influence of being in a trade bloc during the COVID-19 crisis, we introduced interaction terms (participation in a regional trade agreement and COVID-19 parameters) into the model. The findings suggest that the pandemic markedly and adversely impacted bilateral trade. Interestingly, the weight of the COVID-19 pandemic had a more pronounced effect on trade flows compared to its severity. Despite the anticipated positive effects of regional integration on intraregional trade due to its static and dynamic effects, overall, we did not observe any stabilizing influence of regional economic integration. There was no evidence that regional integration contributed to alleviating the negative effects on trade during a pandemic or fostering higher trade resilience within regional trade agreements. However, the impact of regional trade integration may vary across different integration blocs. Among the six integration blocs analyzed, two demonstrated a significant positive influence on trade during the pandemic – the European Union and the United States–Mexico–Canada Agreement (formerly the North American Free Trade Agreement).

Keywords:

economic integration; regional trade agreements; international trade; COVID-19 pandemic; regional integration resilience.

The COVID-19 pandemic brought about dramatic changes in the global trends, particularly affecting global trade dynamics in 2020. The negative impact of the pandemic on global trade was evident across various quarters of the year. In the first quarter, global trade faced a decline of about 9.6% year-on-year. The subsequent quarter, coinciding with the peak of the first wave of COVID-19, experienced a

sharper decline of approximately 23.2%. The third quarter marked the most significant drop, with global trade contracting by over 24%. In the fourth quarter, there was a relatively lower contraction of around 17% year-on-year.

The onset of the “Great Lockdown” had a profound impact on businesses and global trade, leading to a significant disruption of global value chains. The crisis affected global

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2023

Дата принятия к публикации: 16.10.2023

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: arapova_katrin@mail.ru

trade through both supply and demand channels. Initially, it originated as a supply shock due to severe disruptions in production activities, starting in China and later spreading to Europe, the United States, and other regions. This disruption was largely triggered by the dependence of developed industries on Chinese parts and components, accounting for 15% of global shipments as of 2018¹. The situation worsened with the rapid spread of the virus, subsequent border closures, and labor shortages [Espitia et al 2021; Dingel and Neiman 2020]. Consequently, COVID-19 negatively impacted the growth of sectoral trade, leading to reduced global participation in value chains [Hayakawa and Kohei 2021], and significant decreases in maritime trade shipping [Verschuur et al. 2021].

The contraction in global production resulted in rising unemployment, reduced working hours, job-search discouragement, and diminished global demand for goods and services². Trade in goods experienced a contraction of around 18.5% in the second quarter of 2020 compared to the same period in 2019³. Trade in services also witnessed a significant decline of 21% in the same period⁴, primarily influenced by a substantial drop in travel, transport, and tourism activity⁵.

The crisis triggered by COVID-19 had upended traditional trade connections, significantly reshaping the global trade landscape. With the pandemic forcing global players to diversify supply chains and establish stronger ties with alternative suppliers, a fundamental reevaluation of regional integration blocs

ensued. According to estimates by the WTO⁶, the COVID-19 pandemic led to an 8 percent reduction in goods trade and a substantial 21 percent year-on-year decrease in trade in commercial services. This resulted in a 5.2 percent drop in global exports of produced goods and an overall 7.7 percent reduction in total merchandise exports. Notably, the least developed countries experienced a 12 percent decline in goods exports and a 35 percent reduction in commercial services exports. Among regions, Africa, the Middle East, and the CIS (Commonwealth of Independent States) faced the most significant decline in merchandise trade, whereas Asia recorded the smallest reduction due to rapid implementation of coronavirus restrictions and effective crisis management⁷.

The most severe decline occurred in the second quarter of 2020, where global trade in goods and services plummeted by 23% and 30%, respectively. Many countries responded to the crisis by shutting their borders, presenting a stern examination of international trade and regional integration blocs. The crisis posed challenges for trade regionalization, potentially leading to the natural weakening of the most vulnerable trade links and contacts. The fundamental question pertains to which contacts will bear the brunt of this crisis – inter-regional or extra-regional connections.

Scholars Vidya and Prabheesh [2020] observed a significant reduction in trade interconnectedness, connectivity, and density among countries since the onset of the COVID-19 outbreak, indicating a notable shift in the struc-

¹ ECLAC. The effects of the coronavirus disease (COVID-19) pandemic on international trade and logistics // CEPAL. 2020. 22 p. URL: <https://www.cepal.org/en/publications/45878-effects-coronavirus-disease-covid-19-pandemic-international-trade-and-logistics> (accessed: 13.08.2022).

² UNCTAD. Global trade impact of the Coronavirus (COVID-19) Epidemic // UNCTAD. 2020. 7 p. URL: <https://unctad.org/system/files/official-document/ditcinf2020d1.pdf> (accessed: 13.08.2022).

³ WTO. Trade falls steeply in first half of 2020 // WTO Press Release, No. 858. 2020. URL: https://www.wto.org/english/news_e/pres20_e/pr858_e.htm (accessed: 13.08.2022).

⁴ UNCTAD. Impact of the COVID-19 Pandemic on Trade and Development: Transitioning to a New Normal // UNCTAD. 2020. 113 p. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/osg2020d1_en.pdf (accessed: 11.08.2022).

⁵ UNCTAD. COVID-19 drives large international trade declines in 2020 // UNCTAD. 2020. URL: <https://unctad.org/news/covid-19-drives-large-international-trade-declines-2020> (accessed: 11.08.2022).

⁶ WTO. World Trade Statistical Review 2021 // WTO. 2021. 136 p. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2021_e/wts2021_e.pdf (accessed: 13.08.2022).

⁷ Ibid.

ture of the international trade network. There has been an observable trend toward the localization of supply chains within specific regions, an upsurge in regional processing, and increased market convergence at the regional level, potentially indicating that regional integration blocs display resilience to external shocks.

As posited in the UNCTAD report, the COVID-19 crisis could potentially serve as a catalyst for creating more resilient global and regional production networks, thereby facilitating the development of productive capacities for structural transformation, diversification, and sustainability⁸. Furthermore, regional cooperation may offer prospects for many developing countries that are experiencing significant pressure on their national healthcare systems and face challenges in affording essential healthcare commodities.

The core question is whether regional economic integration enhances the resilience of inter-regional trade flows amid the negative impact of the COVID-19 pandemic. Additionally, it is crucial to explore variations in inter-regional trade resilience within diverse integration blocs in the context of the ongoing global health crisis.

The paper's primary objective is to introduce and empirically assess the concept of regional integration resilience across six distinct regional integration blocs. These blocs represent diverse geographic regions, types, and stages of integration. They include the European Union (EU) in Europe, the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) in Asia, the Eurasian Economic Union (EAEU) and the Commonwealth of Independent States (CIS) in the post-Soviet space, the Southern Common Market (MERCOSUR) in South America, and the United States–Mexico–Canada Agreement (NAFTA/USMCA) in North America.

Drawing upon a vast body of academic literature and ongoing discussions on the economic impacts—both static and dynamic—of regional integration, our hypothesis suggests

that regional integration resilience amid the COVID-19 pandemic is likely higher in integration blocs with greater pre-crisis levels of de facto integration and dynamic effects.

The paper's composition is organized as follows: Section 2 contains a comprehensive review of existing literature on the topic. Section 3 presents the conceptual framework, detailing the resilience of regional integration blocs. Section 4 outlines the methodology employed and offers an overview of the pertinent data. Section 5 delves into the discussion of the findings and results obtained. The final section encapsulates the theoretical and empirical conclusions derived from the study.

Literature Review

The post-crisis trade architecture will be greatly influenced by the current sustainability level of global trade ties and value chains. Regional integration plays a crucial role in cost reduction due to the economies of scale [Corden 1972; Balassa, Stoutjesdijk 1975] and economies of scope [Panusheff 2003]. By eliminating customs duties and gradually reducing non-tariff barriers in harmony, regional integration stimulates inter-regional trade. The gradual integration of transport markets enhances the potential benefits of trade integration.

The combination of static integration effects inherent in the 'old regionalism' concept [Viner 1950; Sheer 1981; Lawrence 1997] and dynamic effects found in the 'new regionalism' tradition contributes to intensified inter-regional trade, heightened regional connectivity at the industrial level, stronger inter-regional value chains, an increased share in inter-regional trade, sectoral interdependence, and complementarity in merchandise trade.

Integration magnifies the market size and aids in cost reduction through economies of scale and space. The liberalization of inter-regional trade fosters trade creation and diversion effects due to lower transaction costs and increased price competitiveness of partner countries' imports. These short-term static

⁸ UNCTAD. Impact of the COVID-19 Pandemic on Trade and Development: Transitioning to a New Normal // UNCTAD. 2020. P. 9. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/osg2020d1_en.pdf (accessed: 11.08. 2022).

effects prompt an initial shift in economic actors' behavior [Panusheff 2003]. Trade diversion allows consumers to purchase imported goods at reduced prices due to tariff removal, thus enhancing savings [Marinov 2014]. The trade effects of integration are contingent on the intensity of tariff and non-tariff liberalization, as well as the degree of mutual complementarity in trade flows, economic interdependence, the initial intensity of production networks⁹, and the inward or outward orientation of member states. The higher the initial tariffs between countries entering into an integration agreement, the greater the anticipated benefits of integration among them.

However, in the long run, regional economic integration induces dynamic restructuring effects, transforming the regional business environment and impacting companies' efficiency. It introduces economies of scale and technological changes, influencing market structure, competition, productivity growth, risk and uncertainty, and investment activity [Corden 1972; Hosny 2013]. Market expansion and increasing returns to scale in research and development contribute to improved productivity in technology sectors.

Consequently, heightened inter-regional connectivity, deeper market integration, and the long-term dynamic effects of regional integration influence trade during periods of economic growth, particularly in times of crisis. A high level of market connectivity before a crisis renders inter-regional trade flows more stable and resilient during crises. Therefore, within highly integrated markets, a network of inter-regional partnerships and trade chains might be more stable during crises compared to trade with third countries.

Thus, our research aims to accomplish two objectives. First, we propose and develop the concept of regional integration resilience. Second, we empirically test the resilience of six integration blocs in the context of the COVID-19 pandemic.

Conceptual Framework

The proposed concept is situated at the intersection of two theoretical realms – the theory of regional integration and the study of regional economic resilience.

Resilience as a concept has gained salience over the last decade. The first comprehensive handbook addressing resilience as a new conceptual framework to comprehend global challenges was edited by David Chandler and Jon Coaffee [2017]. This volume delves into the contested paradigms of resilience, key challenges, policies, practices, and systems of indicators developed by various academic schools and leading international institutions for measuring resilience. However, while there exists a substantial body of literature exploring the resilience of different economic systems under diverse conditions, discussions on endogenous crises are notably absent from the resilience literature. As the concept of 'economic resilience' takes shape, experts have gradually transitioned toward the theory of 'regional economic resilience'. This theory enables local economies to recognize their capacities to confront economic shocks and influence their developmental trajectory [Sensier et al. 2016]. Primarily, regional economic resilience revolves around a region's preparedness to handle unexpected shocks or disruptions.

Martin [2012] identified four dimensions of regional economic resilience to recessionary shocks: (1) Resistance (degree of sensitivity), (2) Recovery (speed of rebound from a recessionary shock), (3) Reorientation (adaptability in response to a recessionary shock), and (4) Renewal. Davies [2011] defined regional resilience as: (1) the ability to withstand external pressures, (2) the capacity to positively respond to external changes, (3) adaptability or learning capabilities over the long term, and (4) the ability of government bodies to engage in appropriate planning, actions, and social learning.

⁹ *Hamanaka S.* The Selection of Trade Integration Indicators: Inter-regional Share, Intensity, Homogeneous Intensity, and Introversion Index // ADB Economics Working Paper Series, Asian Development Bank, Mandaluyong. 2015. No. 455. 24 p. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/174919/ewp-455.pdf> (accessed: 05.11.2022).

The concept of regional economic resilience views a region as a unified entity, bound by the collective adaptive ability and resilience of its components to external shocks, alongside a shared commitment to developing collective mechanisms to enhance resilience to such shocks.

The development of the regional economic resilience concept progresses academic discourse. However, it has two critical limitations. First, empirical outcomes hinge on the method employed to define the boundaries of regional systems. Second, the concept fails to distinguish between regional cooperation and highly institutionalized formal economic integration. The idea of 'regional integration resilience' remains considerably unexplored.

The pandemic has expedited the evolution of trade resilience and supply chain resilience concepts. The IEG¹⁰ examines trade resilience through trade financing, while the IDB¹¹ seeks to compare intra- and extra-regional trade flows in the pandemic's context. Nevertheless, the conceptualization of trade resilience is relatively poor, although it may have important implications for regional integration theories.

The proposed concept of regional integration resilience is tethered to the concept of "regional economic resilience" while also drawing from economic integration theories. It defines regional integration resilience as the ability of formally institutionalized integration blocs to withstand the negative impacts of exogenous shocks, such as the COVID-19 pan-

dem. In our conceptualization, the resilience of regional integration blocs concerning trade flows in the face of exogenous shocks represents their capacity to mitigate the adverse effects of the pandemic on inter-regional trade and curtail the immediate reduction in trade within the integration bloc. Robust and steady trade flows within integration blocs during times of crisis exemplify the success of regional integration and its ability to achieve the initial integration objectives.

Utilizing OECD terminology¹², the COVID-19 pandemic can be categorized as a "covariate shock," comprising "demand-driven" and "commodity price" shocks leading to a "financial shock," accompanied by "policy-induced and regulatory shock," and inducing a "technological shock" in the medium and long term.

In theory, regional economic integration is linked to fortifying supply chains, involving information acquisition, training, financial services, network establishment that fosters specialization and innovation, potentially acting as a driver of integration¹³. Regional economic integration fosters greater economic connectivity among integrating countries through value chains and enhanced merchandise trade complementarity. The dynamic effects lead to improved resource allocation, production consolidation, increased production specialization, rationalization of territorial resource distribution, and the emergence of economies of scope¹⁴. It also prompts investment creation and diversion¹⁵. Furthermore,

¹⁰ IEG. Crisis Response and Resilience to Systemic Shocks: Lessons from IEG Evaluations // IEG. 12.04.2017. 40 p. URL: <https://ieg.worldbankgroup.org/sites/default/files/Data/reports/building-resilience.pdf> (accessed: 02.11.2022). DOI: 10.1596/IEG114208

¹¹ P. Giordano (ed.). The COVID-19 Shock: Building Trade Resilience for After the Pandemic // IDB. 2020. 75 p. URL: <http://dx.doi.org/10.18235/0002844> (accessed: 02.11.2022).

¹² OECD. Guidelines for resilience systems analysis: How to analyse risk and build a roadmap to resilience // OECD Publishing. 2014. 47 p. URL: <https://www.oecd.org/dac/conflict-fragility-resilience/Resilience%20Systems%20Analysis%20FINAL.pdf> (accessed: 02.11.2022).

¹³ UN-ECLAC. El Regionalismo Abierto en América Latina y el Caribe: La Integración Económica al Servicio de la Transformación Productiva con Equidad // CEPAL. 1994. P. 10. URL: <https://www.cepal.org/es/publicaciones/2140-regionalismo-abierto-america-latina-caribe-la-integracion-economica-al-servicio> (accessed: 02.11.2022).

¹⁴ UN-ECLAC. El Regionalismo Abierto en América Latina y el Caribe: La Integración Económica al Servicio de la Transformación Productiva con Equidad // CEPAL. 1994. 109 p. URL: <https://www.cepal.org/es/publicaciones/2140-regionalismo-abierto-america-latina-caribe-la-integracion-economica-al-servicio> (accessed: 03.11.2022).

¹⁵ Baldwin R., Forslid R., Haaland J. Investment creation and investment diversion: Simulation analysis of the single market programme // NBER Working Paper. 1995. P. 53–64.

deeper regional economic integration can support advancements in labor, environmental, transparency standards, and other non-economic policy goals¹⁶. This collaboration perpetuates long-term dynamic effects and can be more pivotal in boosting trade within the integration bloc compared to just customs preferences. Additionally, deeper integration contributes to greater technological convergence, enhancing resilience during pandemics. Consequently, the trade distortion effect might have been more pronounced during the “Great Lockdown,” meaning that trade connections with partners outside the region would experience an immediate reduction, while inter-regional value chains and trade within integration blocs may demonstrate more resilience.

This brings us to our initial hypothesis: regional economic integration might serve as a mitigator of the adverse consequences of the COVID-19 pandemic. The alternate hypothesis suggests that regional integration lacks a “stabilization power” (a sort of power to mitigate volatility affecting certain markets).

Building upon regional integration theories and empirical trade effect studies, we anticipate varying degrees of regional integration resilience to exogenous shocks among different integration blocs. The stability of inter-regional trade flows within these blocs could hinge on the degree of actual market integration, shaping their economic impacts. Integration through the market or *de facto* agreements (alongside business-friendly policies by individual nations) typically leads to more profound integration than *de jure* agreements [Aminian et al. 2008]. Higher trade intensity usually aligns with more symmetric business cycles [Frankel, Rose 1998]. *De jure* integration, suggesting institutionalized agreements, may achieve restricted results and may not always foster actual integration in terms of trade, investment flows, or value chain development [Aminian et al. 2008; Nicolas 2010].

Moreover, the degree of *de facto* integration (and the resilience of integration blocs) may hinge on membership within these blocs, regardless of whether countries are developed or developing. On average, low-income countries tend to gain fewer benefits from regional economic integration [Feenstra 1996]. Agreements between North and South (involving at least one developed partner) are more likely to offer substantial dynamic effects and gains to developing nations compared to South-South agreements [Puga, Venables 1998]¹⁷. According to Marinov [1999], “positive effects of small countries’ participation in economic integration are achieved in the medium and long term[...] they regard the positive dynamic effects as much more significant, justifying short-term static losses”.

In essence, we hypothesize that regional economic resilience during crises like the COVID-19 pandemic is shaped by the interplay of static and dynamic effects. Due to their deeper impact, dynamic effects have a more substantial influence on economic processes and regional trade compared to static effects [Marinov 2014]. Where long-term dynamic effects surpass static effects, regional value chains strengthen, leading to increased resilience, particularly during crises. Hence, we anticipate relatively higher resilience within regional trade blocs displaying more profound trade liberalization, an advanced integration stage, and a higher level of *de facto* integration. Based on current literature on western and non-western regionalism, we anticipate relatively higher resilience within North-South or North-North integration blocs compared to South-South ones.

At the second stage of our research, our objective is to test regional trade resilience across six distinct integration blocs. The selection of regional trade agreements (RTAs) is based on our theoretical concept and initial hypothesis, as well as data availability limita-

¹⁶ DiCaprio A., Santos-Paulino A.U., Sokolova M. Regional trade agreements, integration and development // UNCTAD Research Paper. 2017. No. 1. P. 24. URL: <https://unctad.org/publication/regional-trade-agreements-integration-and-development-unctad-research-paper-no-1> (accessed: 03.11.2022).

¹⁷ See also: Venables A. Regional Integration Agreements: a Force for Convergence or Divergence? // World Bank. 1999. World Bank Working Paper 2260. URL: <https://elibrary.worldbank.org/doi/abs/10.1596/1813-9450-2260>

tions. We opted for RTAs that represented various geographic regions in different stages of integration (including FTAs, customs unions, common markets, and political integrations) and diverse types (North-North, North-South, and South-South). The choice of regional blocs was also influenced by data availability, as certain regions such as Africa, along with certain Latin American and South Asian countries, had limited statistical data.

Previous studies investigating the impact of COVID-19 on intraregional trade have presented conflicting evidence, often contingent on subregional levels and commodity groups. Barbero et al. [2021] concluded that countries involved in regional trade agreements before the pandemic were the most affected by COVID-19 in terms of bilateral trade. Kejžar et al. [2020] demonstrated the stimulating role of chain forward linkages in transmitting COVID-19 demand shocks within the EU. Meanwhile, Ugurlu and Jindřichovská [2022] identified robust trade relationships with major European economies, and Georgopoulos [2020] noted the continued effectiveness of the European single market in agri-food trade among member states. Uttama [2021] established positive and substantial trade in COVID-19 related products within ASEAN economies, attributed to their productive and absorptive capacities, as well as their similar size and per capita income. Khorana et al.¹⁸ explored trade effects in the CIS, revealing comparatively stronger trade relations for higher-income countries.

Methodology and Data

In our research, we concentrate on examining the influence of the COVID-19 pandemic on international trade. The augmented gravity equation is the optimal method for assessing the impact of COVID-19. This approach is used to scrutinize the connections between variables and identify any causal relationships between them, distinguishing their concurrent

effects [Sykes 1993]. The augmented gravity model incorporates various trade costs and enables an assessment of the impact of both quantitative and qualitative determinants on foreign trade flows through a system of binary variables.

Initially introduced by Tinbergen [1962], the augmented gravity equation was later refined by several economists who proposed new variables [Soloaga, Winters 1999; Feenstra 1996; Kimura, Lee 2006]¹⁹. Researchers included a set of dummy variables reflecting diverse qualitative institutional characteristics that could influence trade volumes. Fratianni [2007] expanded the model by integrating dummy variables such as common land border, common colonizer, and colonial relationship, among others. Cheng and Wall [2005] introduced two dummy variables into the gravity model: common language and time. Moreover, numerous studies incorporate integration dummies for various regional trade agreements.

For our study, we assembled an extensive dataset and estimated the determinants of bilateral trade flows involving a group of 99 countries (refer to the list in Annex 1). The observed period encompasses quarterly data from January 2018 to December 2021, comprising 16 periods. Therefore, our dataset encapsulates over 118,000 country-quarter observations. In order to address the issue of zero values while preventing biased empirical outcomes due to disregarding zero trade flows, we replaced them with minor constants, following the practices of Wang and Winters [1991] and Raballand [2003].

The initial phase of our analysis involves examining whether regional economic integration functions as a buffer, lessening the adverse effects of the pandemic. In order to assess our predictions, we model a linear relationship between the pandemic and participation in Regional Trade Agreements (RTAs) on one

¹⁸ Khorana S., Martinez-Zarzoso I., Ali S. The Impact of COVID-19 on the Global and Intra-Commonwealth Trade in Goods // International Trade Working Paper 2021/08. 2021. London: Commonwealth Secretariat. P. 2–28. <https://doi.org/10.14217/ComSec.333>

¹⁹ See also: Wang Q. Import-Reducing Effect of Trade Barriers: a Cross-Country Investigation // IMF Working Paper, 1216. 2001. 54 p. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2001/wp01216.pdf> (accessed: 20.01.2022).

hand and subsequent trade performance on the other.

Total trade between trading partners (T_{ijt}) is a dependent variable. This paper tests the following specification of the regression model (in log-linear form):

$$\begin{aligned} \ln T_{ijt} = & \beta_0 + \beta_1 \ln Y_{it} + \beta_2 \ln Y_{jt} + \beta_3 \ln \text{Dist}_{ij} + \\ & + \beta_4 \text{WTO}_{ijt} + \beta_5 \text{Border}_{ij} + \beta_6 \text{ComLang}_{ij} + \\ & + \beta_7 \text{Colony}_{ij} + \beta_8 \text{RTA}_{ijt} + \beta_9 \text{NC}_{ijt} + \beta_{10} \text{ND}_{ijt} + \\ & + \beta_{11} \text{RTA}_{ijt} * \text{NC}_{ijt} + \beta_{12} \text{RTA}_{ijt} * \text{ND}_{ijt} + u_{it} \quad (1) \end{aligned}$$

In our research, we follow a long tradition of modelling trade as dependent on natural borders, trade costs, and cultural barriers. A shared border has a positive effect on trade, contributing to reduced border costs. The

absence of cultural or historical links diminishes trade [Fratianni 2007], while a common language and colonial history reflect cultural familiarity, enhance integrity within industrial systems and value chains, and stimulate bilateral trade. WTO membership fosters trade due to the non-discriminatory nature of the General Agreement on Tariffs and Trade (GATT) and WTO commitments, along with reduced trade costs resulting from the gradual elimination and harmonization of both tariff and non-tariff restrictions, although trade growth is influenced by differences in commitments and levels of liberalization among WTO members²⁰. The exchange of preferential access to domestic markets within regional trade

Table 1
Table of Variables

	Indicator	Source	Expected Sign
T_{ijt}	Quarterly data on total trade between importer and exporter, current prices	ITC Trade Map Statistics Database	
Y_{it}	Quarterly data on importer GDP, current prices	CEIC dataset	Positive
Y_{jt}	Quarterly data on exporter GDP, current prices	CEIC dataset	Positive
Dist_{ij}	The geographical distance between the partners' capitals	GeoDist database	Negative
Border_{ij}	Dummy variable that equals one when the two trading partners have a common border (and zero otherwise)	GeoDist database	Positive
ComLang_{ij}	Dummy variable that equals one when the two trading partners have a common official language (and zero otherwise)	GeoDist database	Positive
Colony_{ij}	Dummy variable that shows whether the two countries have a common colonial (historical) past	GeoDist database	Positive
WTO_{ijt}	Dummy variable that covers trade between World Trade Organization (WTO) members in period t (takes into account the year that countries became WTO members)	WTO database	Positive
RTA_{ijt}	Dummy variable that equals one if both trading partners participate in one integration bloc in period t (takes into account the year that countries acceded to the RTA)	WTO Regional Trade Agreements Database	Positive
NC_{ijt}	The number of new COVID cases in the importing and exporting countries per million people	Coronavirus Source Data provided by Our World in Data COVID-19 dataset.	Negative
ND_{ijt}	The number of new COVID deaths in the importing and exporting countries per million people	Coronavirus Source Data provided by Our World in Data COVID-19 dataset.	Negative

Source: compiled by the author.

²⁰ Larch M., Monteiro J.-A., Piermartini R., Yotov Y. On the Effects of GATT/WTO Membership on Trade: They are Positive and Large After All // WHO. 2019. WTO Staff Working Paper ERSD-2019-09. 30 p. URL: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd201909_e.htm (accessed: 21.01.2022).

agreements has a similar effect on bilateral trade. Regional integration generally reduces trade costs and boosts intra-regional trade through trade creation and diversion effects.

As previously discussed, the COVID-19 pandemic significantly affected global trade due to fatalities and lockdown policies, resulting in adverse demand and supply effects [Espitia et al 2021; Dingel, Neiman 2020; Hayakawa, Kohei 2021; Verschuur et al. 2021]. However, the severity of the pandemic (measured as new COVID-19 cases) and the burden it has placed on countries (measured as COVID-19-related deaths) have impacted societies differently. The former depends on the proximity of countries to COVID-19 hotspots and individual lockdown policies, while the latter reflects the efficiency of a given health system²¹. Therefore, both types of indicators must be included in the model. As the number of cases and deaths depends on a country's size and population, both indicators were considered relative to the population (as the number of cases or deaths per one million people).

The core element of the model involves the use of interaction terms to measure the impact of being in a trade bloc during the COVID-19 crisis. The coefficients of the interaction terms (β_{11} and β_{12}) inform us about the stabilizing power of regional integration during the COVID-19 pandemic. Significant positive coefficients indicate that regional integration reduces the negative impact of the pandemic on bilateral trade. Conversely, insignificant coefficients reflect the absence of stabilizing power.

The second step of our analysis involves testing differences in the impact of regional integration at the level of six integration blocs using the following formula:

$$\begin{aligned} \text{LnT}_{ijt} = & \beta_0 + \beta_1 \text{LnY}_{it} + \beta_2 \text{LnY}_{jt} + \beta_3 \text{LnDist}_{ijt} + \\ & + \beta_4 \text{WTO}_{ijt} + \beta_5 \text{Border}_{ijt} + \beta_6 \text{ComLang}_{ijt} + \\ & + \beta_7 \text{Colony}_{ijt} + \beta_8 \text{RTA}_{ijt} + \beta_9 \text{NC}_{ijt} + \beta_{10} \text{ND}_{ijt} + \\ & \sum_{(k=1)}^7 \gamma_k \text{RTA}_{ijk} * \text{NC}_{ijt} + \sum_{(k=1)}^7 \delta_k \text{RTA}_{ijk} * \text{ND}_{ijt} + u_{it}, \quad (2) \end{aligned}$$

where k is an order of integration bloc from 1 to 7; RTA_{ijk} means seven dummy variables which comprise inter-regional trade within the six regional trade agreements – the European Union (EU_{ijt}), the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN_{ijt}), the Eurasian Economic Union (EAEU_{ijt}), the Commonwealth of Independent States (CIS_{ijt}), the Southern Common Market (MERCOSUR_{ijt}), and United States–Mexico–Canada Agreement/NAFTA (USMCA_{ijt}), and one dummy for the remaining integration blocs (RRTA_{ijt}).

Similar to model (1), the coefficients of these interaction terms (γ_k and δ_k) provide insight into the impact of each regional integration bloc on bilateral trade during the COVID-19 pandemic, as well as their regional integration resilience. Significant positive coefficients substantiate the regional integration resilience of the given bloc, while insignificant positive coefficients do not confirm integration resilience within the group of integrating countries.

So as to assess the robustness of the model and the accuracy of its results, we conducted a correlation analysis of control variables to examine the presence of autocorrelation in the regressors. Subsequently, we subjected the panel dataset to testing using three methods: simple ordinary least squares (OLS), a fixed effects model, and a random effects model. The Wald test revealed that the OLS results were biased, necessitating the selection of a model that incorporates individual effects. To choose between the fixed and random effects models, we employed the Hausman specification test and the Breusch-Pagan Lagrange multiplier test for random effects. The results of these tests indicated that the fixed effects model was the most suitable choice. The country effects approach yields an unbiased estimate of the coefficients of the gravity model and helps mitigate part of the endogeneity problem²². Considering the panel

²¹ Brodzicki T. Empirical analysis into the impact of COVID-19 on global trade relations // IHS Markit. 2020. URL: <https://ihsmarkit.com/research-analysis/empirical-analysis-into-the-impact-of-covid19-on-global-trade.html> (accessed: 20.01.2022).

²² WTO. A Practical Guide to Trade Policy Analysis // WHO. 2012. 236 p. URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/wto_unctad12_e.pdf (accessed: 20.01.2022).

data's nature, we included time fixed effects to address sample selection effects and control for omitted time-invariant characteristics. The introduction of time fixed effects enabled us to account for a common business cycle [Silva, Tenreyro 2011]. In addition, for the purposes of our research, we employed both a linear fixed effects model and a multilevel model, which can be especially valuable for capturing two types of asymmetric shocks, including at the level of regional integration blocs.

To address the endogeneity problem that arises when estimating the impact of trade policies (regional trade agreements) and COVID-19 severity, we adopted the instrumental variables (IV) approach. We employed two instrumental variables from the Worldwide Governance Indicators dataset that reflect the institutional quality difference between countries in terms of regulatory quality and government effectiveness. Regulatory quality instills political trust in and legitimacy to government actions and correlates positively with individual compliance [Marien, Hooghe 2011]. It also plays a role in determining the effectiveness of lockdown policies during the pandemic [Alfano, Ercolano 2021; Groshev, Shabeka 2021]. The Government Effectiveness Index spans from approximately -2.5 (weak governance performance) to 2.5 (strong governance performance) and reflects perceptions of the quality of public services and the civil service, as well as the degree of their independence from politics. Similarly, the Regulatory Quality Index ranges from about -2.5 (weak governance performance) to 2.5 (strong governance performance) and reflects perceptions of the government's ability to formulate and implement sound policies and regulations that permit and promote private sector development.

The descriptive statistics of the dataset used in the research is provided in Table 2. The panel-data line plots on basic gravity equation indicators find in Annex 2.

Table 2 Descriptive Statistics

Variable	Obs	Std. Dev.	Min	Max
LnT_{ijt}	118,833	3.175581	0.693147	19.17866
LnY_{it}	147,411	1.782743	6.275165	15.62171
LnY_{jt}	147,110	1.782743	6.275165	15.62171
LnDist_{ij}	148,896	1.005139	0.631608	9.901043
RTA_{ijt}	148,896	0.473287	0	1
WTO_{ijt}	148,896	0.346448	0	1
Border_{ij}	148,896	0.171715	0	1
ComLang_{ij}	148,896	0.254346	0	1
Colony_{ij}	148,896	0.223988	0	1
NC_{ijt}	148,896	291.2999	0	2604.518
ND_{ijt}	148,896	4.807517	0	52.69471
RegQual_{it}	148,896	0.841583	-1.48	2.29
GovEf_{it}	148,896	0.824612	-1.09	2.37
RegQual_{jt}	148,896	0.859815	-1.48	2.29
GovEf_{jt}	148,896	0.819813	-1.09	2.37

Source: author's calculation.

Results and Discussion

The direct impact of COVID-19 is related to supply disruptions hindering production²³, increased transport costs due to the implementation of stricter rules, and the supply-chain contagion effect [Baldwin, Tomiura 2020].

The scale of the effect on trade, as well as the speed with which these effects spread, significantly depends on geographic location and the regions' connections with China, the epicenter of the crisis. Regions highly reliant on trade with China may face negative trade effects before official border closures. According to UNCTAD estimates, the economies of the European Union (machinery, automotive industry, and chemicals), the United States (machinery, the automotive industry, and precision instruments), Japan (machinery and the automotive industry), South Korea (machinery and communication

²³ Brodzicki T. Empirical analysis into the impact of COVID-19 on global trade relations // IHS Markit. 2020. URL: <https://ihsmarkit.com/research-analysis/empirical-analysis-into-the-impact-of-covid19-on-global-trade.html> (accessed: 20.01.2022).

Table 3
Decline in Inter-regional Trade within Six Integration Blocs in 2020–2021

	2020				2021			
	Q1	Q2	Q3	Q4	Q1	Q2	Q3	Q4
EU	–5.46	–23.86	1.12	8.27	16.32	53.25	17.75	15.39
ASEAN	1.88	–25.24	–11.65	–7.77	9.88	46.81	17.29	30.38
MERCOSUR	–2.67	–14.68	–23.76	–16.86	10.21	31.95	43.85	11.18
NAFTA/USMCA	–1.83	–38.15	–9.34	–3.62	4.89	68.03	19.58	22.92
CIS	–2.39	–17.00	–6.75	–1.07	10.93	42.38	34.42	38.94
EAEU	–9.45	–22.38	–12.32	–3.02	19.60	56.61	36.15	28.78

Source: Author's calculations based on the ITS Trade Map Statistics Database

equipment), Taiwan (communication equipment and office machinery), and Vietnam (communication equipment) are among the most impacted²⁴.

The reaction of different regions and regional integration blocs to the global crisis has been far from homogeneous and symmetrical (See Table 3). In the initial stage of the crisis (in 2020), most regions faced substantial contractions in regional trade due to intensive lockdowns and contagion effects as well. The most significant contraction in most of the integration blocs occurred in the second quarter. MERCOSUR was the only exception, as the postponed contagion effect shrunk trade flows in the third and fourth quarters.

The disruption in supplies from Asia, primarily China, had significant spill-over effects, resulting in a notable reduction of trade beyond the region, impacting inter-regional trade. However, in annual terms, after reaching a peak crisis point (in the second quarter), there was subsequent positive growth until the end of the year (on a year-on-year basis).

The decline in inter-regional trade within ASEAN commenced immediately after the global nature of the crisis became apparent, with the downward trend starting in Q1 2020. Initially, the pandemic affected regional and global trade through the supply channel. As infections spread and borders closed worldwide, a massive drop in demand ensued, lead-

ing to a significant reduction in global trade. ASEAN experienced its most substantial decline in the second quarter, with the negative effects becoming increasingly evident in the following months. By the year's end, ASEAN had shown the most significant contraction of trade within the bloc, a direct result of its outward orientation.

During the first wave of the crisis in Q2 2020, NAFTA/USMCA experienced the most severe drop in regional trade. The decline in inter-regional trade in CIS and EAEU was moderate and delayed (with positive growth in the first quarter). The reduction was mainly linked to a decline in exports, primarily from Russia, as the region heavily relies on commodity price dynamics and global demand for energy resources.

MERCOSUR faced the second wave of the global crisis in July–September 2020, followed by a rapid recovery in the fourth quarter.

In the second stage (2021), despite the ongoing crisis, anti-crisis policies were accompanied by a gradual lifting of lockdown restrictions. This facilitated both global and regional trade, which reached maximum growth in the second quarter. Distinguishing between the downturn and stabilization periods is crucial in analyzing regional integration resilience during the COVID-19 pandemic. Therefore, the models were tested for two different periods: 2018–2020 and 2018–2021.

²⁴ UNCTAD. Global trade impact of the Coronavirus (COVID-19) Epidemic // UNCTAD. 2020. 7 p. URL: <https://unctad.org/system/files/official-document/ditcinf2020d1.pdf> (accessed: 20.01.2022).

The estimation results from the first stage of the regression procedure are presented in Table 4.

The obtained results validate the effectiveness and significance of the gravity approach in elucidating the determinants of mutual trade flows. Consistency with economic theory and alignment with prior studies using

augmented gravity models is observed in these results. The fundamental variables of the gravity equation display the expected behaviours and assert significance across all specifications. Specifically, GDP variables for both exporting and importing countries demonstrate positive and noteworthy significance at the 1-, 5-, and 10-per cent levels across all

Table 4
Determinants of Bilateral Trade Flows

	2018–2020			2018–2021		
	Linear FE	Multilevel	FE IV-regression	Linear FE	Multilevel	FE IV-regression
LnYimp	1.111655*** (0.0027788)	1.113401*** (0.0027663)	1.107475*** (0.0043028)	1.102406*** (0.002395)	1.103398*** (0.0023804)	1.102406*** (0.0160184)
LnYexp	0.0464664** (0.0214034)	0.140933*** (0.0200097)	0.0714241* (0.0417643)	0.059966** (0.024167)	0.1789615*** (0.0221203)	0.0599657* (0.01941)
LnDist	-1.077618*** (0.0071682)	-1.105504*** (0.007988)	-0.9380562*** (0.0255839)	-1.04189*** (0.006245)	-1.048498*** (0.0070165)	-1.041885*** (0.0463762)
WTO	0.5416993*** (0.0217182)	0.5680235*** (0.0218936)	0.3262435*** (0.0304805)	0.64292*** (0.018784)	0.6794062*** (0.0187865)	0.6429199*** (0.0782182)
Border	0.649395*** (0.0295643)	0.6076193*** (0.0302428)	0.7027448*** (0.0327042)	0.711841*** (0.025825)	0.605482*** (0.0266461)	0.7118409*** (0.0972571)
ComLang	0.5619354*** (0.0199454)	0.5795223*** (0.0199879)	0.4990559*** (0.0265427)	0.586128*** (0.01739)	0.5811269*** (0.017868)	0.5861283*** (0.0725842)
Colony	0.9845221*** (0.0249907)	0.7931756*** (0.0259493)	1.011753*** (0.0300616)	1.069586*** (0.022392)	0.909143*** (0.0232705)	1.069586*** (0.149688)
RTA	0.5698305*** (0.0131777)	0.5276257*** (0.014362)	0.9230334*** (0.07704)	0.590223*** (0.012068)	1.22432*** (0.0433716)	0.5902227*** (0.0515229)
NC	-0.0000455* (0.0000358)	-0.0000435* (0.0000347)	-0.0018503** (0.0011242)	0.0000536 (0.0000361)	-0.00000659 (0.0000357)	0.0000536 (0.000061)
ND	-0.0039023 (0.0038679)	-0.0049056 (0.0038073)	-0.2418228* (0.15539)	-0.00229 (0.002185)	0.0005268 (0.0021681)	-0.002286 (0.0042674)
RTA*NC	-0.0000773 (0.0000911)	-0.0001183 (0.0000899)	-0.0017888 (0.0023451)	-0.0003468 (0.000493)	-0.0002449 (0.000496)	-0.0003468 (0.000975)
RTA*ND	0.0043101 (0.0053169)	0.0084972 (0.0052491)	0.2255057 (0.1850831)	0.01953*** (0.003001)	0.0152921*** (0.003026)	0.0195298*** (0.0067541)
_cons	-1.846639*** (0.3852243)	-3.309982*** (0.3781554)	-3.204611*** (0.8163046)	5.704428*** (0.26618)	4.142017*** (0.2716577)	5.704428*** (0.7268612)
Test Statistics	F(18,83703) = = 11471.28 Prob> F = = 0.0000	Wald chi2(13) = = 176420.87 Prob> chi2 = = 0.0000	Wald chi2(12) = = 8.51e+07 Prob> chi2 = = 0.0000	F(12,1153) = = 23771.05 Prob> F = = 0.0000	Wald chi2(12) = = 248571.44 Prob> chi2 = = 0.0000	Wald chi2(12) = = 2.48e+07 Prob> chi2 = = 0.0000
Number of obs.	88,215	88,215	87,223	116,437	116,437	116,437

*, ** and *** statistically significant at the 10-, 5-, and 1-per cent significance level, respectively.

Source: Author's calculations.

estimated augmented specifications. As an indicator of transportation costs, the distance presents a negative sign and significant relevance at the 1 percent level.

As anticipated, the effect of a common border shows notable and positive impact, along with the factor of sharing an official language. Similarly, the status of former colony (the common history factor) exhibits significance in all regression model specifications. Simultaneously, the WTO dummy also shows significance and positivity across both regression model specifications.

The results indicate that during the initial phase of the crisis, the influence of the COVID-19 pandemic burden on trade flows is more potent compared to its severity: the coefficients for data on COVID-19-related deaths were considerably higher than those for data on new COVID-19 cases. However, the former only proved significant in the fixed-effects instrumental variable regression. Meanwhile, for the subsequent period, both COVID-19 indicators proved to be insignificant. This suggests that the intensity of trade is not reliant on the number of new COVID-19 cases or deaths but instead on the severity of the imposed restrictions.

Consistent with economic theory, the integration factor exercised a notably positive impact on international trade. However, in the first augmented gravity model, there is no compelling evidence that integrated regions underwent a lesser downturn during the initial phase of the COVID-19 pandemic. Both coefficients with the two intercept terms were statistically insignificant in both the linear fixed effects model and the multilevel model. However, the scenario differs for the second model encompassing both 2020 and 2021. During the recovery phases, the regional resilience factor becomes more prominent. Integrated regions demonstrated higher trade growth rates, which even compensated for the insignificant influence of integration in the initial phase. The easing of lockdown measures, despite the ongoing rise in the number of cases and deaths, has emerged as a stimulant for international trade in general, particularly intra-regional trade. The coefficients with the

number of deaths and the RTA intercept term were positive and significant.

However, the impact of integration within the RTAs is diverse and highly dependent on the period of crisis. The modelling results can be found in Table 5.

By the end of 2020, only two integration blocs demonstrated a significant positive impact on trade – the European Union and USMCA (formerly NAFTA). The intercept terms of all other RTAs were statistically insignificant. These two blocs evidently display a certain inward bias, especially during periods of pandemics.

Previous studies have affirmed that inter-regional trade within three key regional groupings—the European Union, Asia-Pacific, and North America—tends to exhibit disproportionately high levels [Ekanayake et al. 2010]. Our research findings corroborate these conclusions, as both the EU and USMCA/NAFTA intercepts demonstrated a significant positive influence on foreign trade flows during the COVID-19 pandemic.

Regarding inter-regional trade and production networks, the European Union exhibited resilience by acting as a substitute for trade with other countries, having a relatively higher trade stability with integration partners to mitigate the negative consequences of the crisis. This observation aligns with the findings of other studies [Ugurlu, Jindřichovská 2022; Georgopoulos 2020]. The socioeconomic convergence among neighbouring countries within the EU, along with robust institutionalization and political consolidation, led to increasingly stable inter-regional trade relations in response to the external crisis's negative influence.

One plausible explanation for this resilience is the geographical proximity and higher level of infrastructure development within the EU, which resulted in relatively lower transport and transaction costs during COVID-19. A similar scenario is observed in the North–South NAFTA/USMCA Free Trade Agreement, which also demonstrated significance. These examples indirectly support the results highlighted by Puga and Venables [1998], Venables [1999], and Marinov [1999], showing greater dynamic effects within North–North and

Table 5
Determinants of Bilateral Trade Flows (with RTA Intercept Terms)

Variable	FE IV-regression (2018–2020)	FE IV-regression (2018–2021)
LnYimp	1.106522*** (0.004306)	1.102787*** (0.0159755)
LnYexp	0.079108* (0.04157)	0.0576366* (0.0277595)
LnDist	−0.92813*** (0.025296)	−1.042615*** (0.0476564)
RTA	0.94532*** (0.075476)	0.5887921*** (0.0503944)
NC	0.001405 (0.002347)	0.0000723 (0.0000607)
ND	−0.22449*** (0.083506)	−0.0020788 (0.0042141)
WTO	0.317985*** (0.030591)	0.6452299*** (0.0769723)
Border	0.71353*** (0.032954)	0.7092068*** (0.0983886)
Lang	0.49919*** (0.026205)	0.5904814*** (0.072195)
Hist	1.005501*** (0.030556)	1.035893*** (0.1453411)
EU*NC	−0.00123 (0.002327)	−0.0002783 (0.0001941)
EU*ND	0.210623** (0.083722)	0.0164002** (0.0064315)
EAEU*NC	0.000919 (0.004382)	0.0030589* (0.0016677)
EAEU*ND	−0.01937 (0.259737)	−0.1036529 (0.0807714)
ASEAN*NC	0.004943 (0.004675)	0.0037666** (0.0018425)
ASEAN*ND	0.478127 (0.368156)	−0.1238762 (0.1041215)
MERCOSUR*NC	−0.00038 (0.004767)	−0.0036268 (0.0027095)
MERCOSUR*ND	0.076463 (0.1957)	0.1214302 (0.079514)
CIS*NC	0.002556 (0.00432)	0.0001108 (0.0012929)
CIS*ND	0.037227 (0.232277)	0.1213405* (0.0706635)
USMCA*NC	−0.00296 (0.002784)	−0.0048695 (0.005994)
USMCA*ND	0.182825* (0.11277)	0.1297825*** (0.0479809)
RestFTA*NC	−0.00146 (0.002308)	−0.0004677 (0.0003168)
RestFTA*ND	0.207707 (0.184224)	0.0208524** (0.0081541)
_cons	−3.40332*** (0.809624)	5.729912*** (0.7336346)
Test Statistics	Wald chi2(24) = 1.59e+08 Prob > chi2 = 0.0000	Wald chi2(24) = 2.73e+07 Prob > chi2 = 0.0000
Number of obs.	87,223	116,437

*, ** and *** statistically significant at the 10-, 5-, and 1-per cent significance level, respectively.

Source: Author's calculations.

South–North integration blocs in comparison to South–South ones.

Conversely, the other intercept terms representing South–South integration blocs were deemed insignificant. Despite the relatively deeper stage of integration within the EAEU and MERCOSUR (customs unions with some

elements of common markets), their role in mitigating the negative effects of the COVID-19 pandemic is not statistically significant. The ASEAN intercept also showed insignificance in the model. This can be partially explained by the increasing intra-Asian trade and closer ties within the ASEAN+1 FTAs, especially the

ASEAN–China FTA. Furthermore, the gradual restructuring of regional value chains and shifts in regional trade patterns due to the US–China trade war and changes in China’s economic growth model might have contributed to these outcomes.

However, for both crisis periods (2020 and 2021), the significant stabilizing power of regional integration was confirmed for most of the RTAs, although the additional growth of regional trade varied. USMCA and CIS exhibited the highest integration resilience during both crisis periods (in the second model for 2020 and 2021), while EAEU and ASEAN experienced the lowest additional trade growth driven by regional integration. MERCOSUR was the only RTA where faster trade recovery was not confirmed. Both coefficients with the two intercepts were insignificant.

* * *

The study contributes to the academic discourse regarding the role of regional trade agreements in responding to exogenous shocks. We propose and test the concept of regional integration resilience at the level of integration blocs during exogenous crises, particularly in the context of the COVID-19 pandemic. Considering the pandemic’s nature and the distinctive features of anti-crisis measures, the effects were differentiated between the initial phase of extensive lockdowns and the entire crisis period, encompassing the recovery stage.

Despite the expected positive effects of regional integration on inter-regional trade due to both its static and dynamic influences, we did not observe an overall stabilizing effect of regional economic integration during the most severe phase of the crisis. We found no evidence that regional integration contributes significantly to alleviating the adverse impact on trade during a pandemic, but it does appear to hasten recovery during the second stage in 2021.

However, the findings vary among different integration blocs. Two integration blocs—the European Union and USMCA/NAFTA—

exhibited the stabilizing influence of integration on inter-regional trade during both periods of the COVID-19 pandemic. The results obtained in this study suggest a preliminary conclusion that the inter-regional adaptation of integration blocs and the resilience of regional trade flows to external shocks are contingent on the type of regionalism and the level of de facto integration. The two significant integration blocs represent a full-fledged economic union of the North–North type (the EU) or a North–South FTA with substantial markets (USMCA/NAFTA). For most of the remaining integration blocs representing the South–South type of regionalism (ASEAN, CIS, EAEU, and the group of other RTAs), the stabilizing effect of regional economic integration during the initial phase of the pandemic was insignificant, but it demonstrated stabilizing power in 2021.

However, these are preliminary considerations for factors influencing the resilience of integration blocs during the pandemic. Our conclusions need further testing with other integration blocs and the inclusion of other indicators describing the socioeconomic similarity of countries and the specific features of integration blocs.

In this context, we propose three potential dimensions for further research. First, we intend to introduce more variables that reflect differences between integration blocs (such as the “age” of the integration bloc, its effects on global value chains, and its stage of integration). Second, we plan to quantify policy responses to COVID-19 and include qualitative aspects in our model. Third, we aim to assess how effectively the pandemic is managed at the level of regional integration blocs, considering the type of national political regime, institutional capacities, and the relationship between national and supranational (integration) institutions. Moreover, tracking the long-term regional integration resilience and adaptive capacity of the integration blocs is crucial once these results become available.

Annex**List of Countries**

1	Albania	34	Hong Kong	67	Palestine
2	Algeria	35	Hungary	68	Panama
3	Argentina	36	Iceland	69	Paraguay
4	Armenia	37	India	70	Peru
5	Australia	38	Indonesia	71	Philippines
6	Austria	39	Iran	72	Poland
7	Azerbaijan	40	Ireland	73	Portugal
8	Bahrain	41	Israel	74	Qatar
9	Belarus	42	Italy	75	Romania
10	Belgium	43	Japan	76	Russian Federation
11	Bolivia	44	Jordan	77	Saudi Arabia
12	Bosnia and Herzegovina	45	Kazakhstan	78	Serbia
14	Brazil	46	Kenya	79	Singapore
15	Brunei Darussalam	47	Kuwait	80	Slovakia
16	Bulgaria	49	Latvia	81	Slovenia
17	Canada	50	Lithuania	82	South Africa
18	Chile	51	Luxembourg	83	South Korea
19	China	52	Macao	84	Spain
20	Colombia	53	Malaysia	85	Sri Lanka
21	Croatia	54	Malta	86	Sweden
22	Cyprus	55	Mauritius	87	Switzerland
23	Czech Republic	56	Mexico	88	Taiwan
24	Denmark	57	Moldova, Rep. of	90	Thailand
25	Ecuador	58	Mongolia	91	Tunisia
26	Egypt	59	Montenegro	92	Turkey
27	Estonia	60	Morocco	93	Ukraine
28	Finland	61	Netherlands	94	United Arab Emirates
29	France	62	New Zealand	95	United Kingdom
30	Georgia	63	Nigeria	96	United States of America
31	Germany	64	North Macedonia (the former Yugoslav Rep. of)	97	Uruguay
32	Ghana	65	Norway	98	Uzbekistan
33	Greece	66	Oman	99	Vietnam

References

- Alfano V., Ercolano S. (2021). Social Capital, Quality of Institutions and Lockdown. Evidence from Italian Provinces. *Structural Change and Economic Dynamics*. Vol. 59. P. 31–41. <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2021.08.001>
- Aminian N., Fung K. C., Francis Ng. (2008). Integration of Markets vs. Integration by Agreements. *The World Bank Policy Research Working Paper*. International Seminar on The New Agenda for International Trade Relations as the Doha Round Draws to an End, January 29–30, Barcelona, Spain.
- Balassa B., Toutjesdijk A. (1975). Economic Integration Among Developing Countries. *Journal of Common Market Studies*. Vol. 14. No. 1. P. 37–55.
- Baldwin R., Tomiura E. (2020). Thinking ahead about the trade impact of COVID-19. In R. Baldwin, B. Weder di Mauro (eds). *Economics in the Time of COVID-19*. London: CEPR Press. P. 59–71.
- Barbero J., de Lucio J. J., Rodríguez-Crespo E. (2021). Effects of COVID-19 on Trade Flows: Measuring Their Impact through Government Policy Responses. *PLoS ONE*. Vol. 16. No. 10. P. 1–20. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0258356>
- Chandler D., Coaffee J. (eds). (2020). *The Routledge Handbook of International Resilience*. London: Routledge. 420 p. <https://doi.org/10.4324/9781315765006>
- Cheng I. H., Wall H. J. (2005). "Controlling for Heterogeneity in Gravity Models of Trade". *Federal Reserve Bank of St. Louis Review*. Vol. 87. No. 1. P. 49–63.
- Corden W. M. (1972). Economies of scale and customs union theory. *Journal of Political Economy*. Vol. 80. No. 3. P. 465–475.
- Davies S. (2011). Regional resilience in the 2008–2010 downturn: comparative evidence from European countries. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. Vol. 4. No. 3. P. 369–382. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsr019>
- Dingel J. I., Neiman B. (2020). How Many Jobs Can Be Done at Home? *Journal of Public Economics*. Vol. 189(104235). P. 1–14. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2020.104235>
- Ekanayake E. M., Mukherjee A., Veeramacheneni B. (2010). Trade Blocs and the Gravity Model: A Study of Economic Integration among Asian Developing Countries. *Journal of Economic Integration*. Vol. 25. No. 4. P. 627–643.
- Espitia A., Mattoo A., Rocha N., Ruta M., Winkler D. (2021). Pandemic Trade: Covid-19, Remote Work and Global Value Chains. *The World Economy*. Vol. 45. No. 3. P. 561–589. <https://doi.org/10.1111/twec.13117>
- Feenstra R. (1996). Trade and uneven growth. *Journal of Development Economics*. Vol. 49. No. 1. P. 229–256.
- Frankel J. A., Rose A. K. (1998). The Endogeneity of the Optimum Currency Area Criteria. *The Economic Journal*. Vol. 108. No. 449. P. 1009–1025.
- Fratianni M. (2009). The Gravity Equation in International Trade. In A. M. Rugman, T. L. Brewer (eds). *Handbook of International Business*, 2nd ed. Oxford: Oxford University Press. P. 72–89. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199234257.003.0003
- Georgopoulos I. (2020). Intra-EU Trade and COVID-19: Challenges and Initiatives. In *Practical Responses to Pandemics: Evidence and recommendations from case studies of agri-food trade in the EU, Asia-Pacific and American regions during COVID-19*. UNESCAP. Hinrich Global Leaders Team. P. 6–18. URL: <https://www.unescap.org/sites/default/files/108%20Final-Team%20Steven%20Clarke-Hinrich%20Global%20Trade%20Leaders.pdf> (accessed: 15.08.2022).
- Groshev V. A., Shabeka D. K. (2021). Quality of Institutional Systems and the COVID-19 Pandemic: Empirical Analysis. *Economy and Banks*. No. 1. P. 31–43.
- Hayakawa K., Kohei I. (2021). Who Sends Me Face Masks? Evidence for the Impacts of COVID-19 on International Trade in Medical Goods. *The World Economy*. Vol. 45. No. 2. P. 365–385. <https://doi.org/10.1111/twec.13179>
- Hosny A. S. (2013). Theories of Economic Integration: A Survey of the Economic and Political Literature. *International Journal of Economy, Management and Social Sciences*. Vol. 2. No. 5. P. 133–155.
- Kejžar K. Z., Velić A., Damijan J. P. (2022). Covid-19, Trade Collapse and GVC Linkages: European Experience. *The World Economy*. Vol. 45. No. 11. P. 3475–3506. <https://doi.org/10.1111/twec.13314>
- Kimura F., Lee H.-H. (2006). The Gravity Equation in International Trade in Services. *Review of World Economics (Weltwirtschaftliches Archiv)*. Vol. 142. No. 1. P. 92–121.
- Lawrence R. Z. (1997). Preferential trading arrangements: The traditional and the new. In A. Galal, B. Hoekman (eds). *Regional Partners in Global Markets: Limits and Possibilities of the Euro-Med Agreements*. Cairo: Center for Economic Policy Research and the Egyptian Center for Economic Studies. P. 13–34.

- Marien S., Hooghe M. (2011). Does Political Trust Matter? An empirical Investigation into the Relation between Political Trust and Support for Law Compliance. *European Journal of Political Research*. Vol. 50. No. 2. P. 267–291.
- Marinov E. (2014). Economic Integration Theories and the Developing Countries. MPRA. In R. Dautov, P. Gkasis, A. Karamanos, T. Lagkas, A. Prodromidou, A. Ypsilanti (eds). *Proceedings of the 9th Annual South-East European Doctoral Student Conference*. Thessaloniki: SEERC. P. 164–177.
- Marinov V. (1999). Regional Economic Integration. Sofia: PH Stopanstvo. 178 p.
- Martin R. (2012). Regional economic resilience, hysteresis and recessionary shocks. *Journal of Economic Geography*. Vol. 12. No. 1. P. 1–32.
- McMahon D. E., Peters G. A., Ivers L. C., Freeman E. E. (2020). Global Resource Shortages during COVID-19: Bad News for Low-Income Countries. *PLoS Neglected Tropical Diseases*. Vol. 14. No. 7. P. 1–3. <https://doi.org/10.1371/journal.pntd.0008412>
- Nicolas F. (2010). De facto and de jure regional economic integration in East Asia: How do they interact. *The Singapore Economic Review*. Vol. 55. No. 1. P. 7–25. <https://doi.org/10.1142/S0217590810003584>
- Panusheff E. (2003). Economic integration in the European Union. Sofia: PH Nekst. 203 p.
- Puga D., Venables A. (1998). Trading Arrangements and Industrial Development. *The World Bank Economic Review*. Vol. 12. No. 2. P. 251–270.
- Raballand G. (2003). Determinants of the Negative Impact of Being Landlocked on Trade: An Empirical Investigation through the Central Asian Case. *Comparative Economic Studies*. Vol. 45. No. 4. P. 520–536.
- Sensier M., Bristow G., Healy A. (2016). Measuring Regional Economic Resilience across Europe: Operationalizing a complex concept. *Spatial Economic Analysis*. Vol. 11. No. 2. P. 128–151. <https://doi.org/10.1080/17421772.2016.1129435>
- Sheer A. (1981). A Survey of the Political Economy of Customs Unions. *Law and Contemporary Problems*. Vol. 44. No. 3. P. 33–53.
- Silva J. S., Tenreiro S. (2011). Further Simulation Evidence on the Performance of the Poisson Pseudo-Maximum Likelihood Estimator. *Economics Letters*. Vol. 112. No. 2. P. 220–222.
- Soloaga I., Winters L. A. (2001). How has Regionalism in the Nineties Affected Trade? *North American Journal of Economics and Finance*. Vol. 12. No. 1. P. 1–29.
- Sykes A. O. (1993). An Introduction to Regression Analysis. *Coase-Sandor Institute for Law and Economics Working Paper*. No. 20. P. 1–33.
- Tinbergen J. (1962). *Shaping the World Economy: Suggestions for an International Economic Policy*. New York: Twentieth Century Fund. 330 p.
- Ugurlu E., Jindřichovská I. (2022). Effect of COVID-19 on International Trade among the Visegrad Countries. *Journal of Risk and Financial Management*. Vol. 15. No. 2. P. 1–20. <https://doi.org/10.3390/jrfm15020041>
- Uttama N. P. (2021). Is Trade in COVID-19 Products in ASEAN Economies a Building or Stumbling Block? *Journal of Economic Integration*. Vol. 36. No. 1. P. 46–64. <https://doi.org/10.11130/jei.2021.36.1.46>
- Verschuur J., Koks E. E., Hall J. W. (2021). Observed Impacts of the COVID-19 Pandemic on Global Trade. *Nature Human Behaviour*. Vol. 5. No. 2. P. 305–307. <https://doi.org/10.1038/s41562-021-01060-5>
- Vidya C. T., Prabheesh K. P. (2020). Implications of COVID-19 Pandemic on the Global Trade Networks. *Emerging Markets Finance and Trade*. Vol. 56. No. 10. P. 2408–2421. DOI: 10.1080/1540496X.2020.1785426
- Viner J. (1950). *The Customs Union Issue*. New York: Carnegie Endowment for International Peace. 221 p.
- Wang Z. K., Winters L. A. (1991). The Trading Potential of Eastern Europe. *Journal of Economic Integration*. Vol. 7. No. 2. P. 113–136.

ОЦЕНКА УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

ЕКАТЕРИНА АРАПОВА

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Пандемия COVID-19 привела к нарушению традиционных торговых связей, кардинально изменив глобальную торговую среду. В условиях новых вызовов автор статьи предлагает концепцию устойчивости региональной интеграции, определяемую как способность интеграционного объединения сгладить негативное воздействие пандемии на внутрирегиональную торговлю и ограничить масштабы её краткосрочного сокращения. Учитывая укрепление цепочек поставок и более высокую экономическую взаимосвязь между интегрирующимися экономиками, автор исходит из того, что региональная экономическая интеграция может способствовать смягчению негативных последствий пандемии COVID-19. Для проверки выдвинутой гипотезы была использована расширенная гравитационная модель внешней торговли, применённая к анализу квартальных данных двусторонней торговли с января 2018 г. по декабрь 2021 г. Результаты расчётов свидетельствуют о том, что пандемия оказала значимое негативное влияние на двустороннюю торговлю. В то же время, несмотря на ожидаемое положительное влияние региональной интеграции на внутрирегиональную торговлю, данная гипотеза не подтвердилась. Расчёты показали, что региональная интеграция в целом не способствует смягчению негативных последствий пандемии и повышению устойчивости торговли в рамках региональных торговых объединений. Тем не менее влияние региональной торговой интеграции может различаться в зависимости от интеграционных блоков. Два из шести интеграционных блоков оказали существенное положительное влияние на торговлю во время пандемии — Европейский Союз и Соглашение США—Мексика—Канада (бывшая Североамериканская зона свободной торговли).

Ключевые слова:

региональная экономическая интеграция; внешняя торговля; интеграционная устойчивость; COVID-19; Европейский Союз; АСЕАН; МЕРКОСУР; Евразийский экономический союз; Содружество Независимых Государств.

КОНЦЕПЦИЯ КИБЕРДЕЛИКТА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

МАКСИМ ИНОЗЕМЦЕВ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

СЕМЁН СТЕПАНОВ

НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Резюме

Цифровизация общественных отношений не только упрощает жизнь, но и создаёт благодатную почву для увеличения количества правонарушений в киберпространстве, в том числе с участием субъектов международного права. Потерпевшие страны зачастую прибегают к применению несо-размерных мер против государств-нарушителей, используя традиционный международно-правовой инструментарий. Кроме того, малоэффективным является отсутствие оптимальных средств реагирования на кибервмешательства малой интенсивности. Рассмотрев основные механизмы и сложности, с которыми сталкивается современное международное право при причинении вреда государствами с помощью цифровых технологий, авторы предлагают частноправовую концепцию киберделикта, использование которой, с одной стороны, позволяет устранить последствия нарушений ex post, а с другой – не приводит к эскалации существующего конфликта. При описании проблем межгосударственного взаимодействия подчёркивается вспомогательный характер использования частноправового инструментария. Задействовав как системный, так и компаративистский методы исследования, авторы раскрывают сущность и правовые последствия вариативной квалификации деяния как правонарушения (state responsibility) или действия, не запрещённого международным правом (state liability), а также обосновывают необходимость применения гибкой системы правового регулирования к праву причинения вреда в сети Интернет. При помощи критического метода выявляются недостатки современной доктрины международного права в рассматриваемом контексте. Посредством дедуктивного метода с опорой на отечественные и зарубежные доктринальные источники, нормативные акты, а также материалы судебной практики предлагается оптимальный режим ответственности за правонарушение в цифровой среде, который позволит создать надлежащие стимулы для совершенствования способов проведения кибервмешательств.

Ключевые слова:

киберделикт; кибервмешательство; кибератака; международное право; правонарушение; ответственность; цифровое право.

Первая четверть XXI века отмечена не только структурными изменениями общественных отношений, но и фундаментальными вызовами традиционным правовым конструкциям. В частности, их по-

рождает специфика современной цифровой сферы, которая зачастую не позволяет автоматически применять существующие нормы и институты права [Иноземцев 2021]. Возникают новые способы заключе-

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.12.2022

Дата принятия к публикации: 16.10.2023

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: inozemtsev@inno.mgimo.ru

ния и исполнения договоров (смарт-контракты¹); в отдельных законодательных актах появляются объекты гражданских прав (цифровые права), вызывающие оживлённые дискуссии в академической и экспертной среде [Суханов 2021]; активно обсуждается возможность признания за искусственным интеллектом правосубъектности [Степанов 2021].

Зачастую внедрение цифровых технологий в государственный сектор и бизнес-процессы осуществляется с целью упростить социальное взаимодействие и свести к минимуму потенциальные риски, к примеру при помощи технологии распределённого реестра. Тем не менее у цифровизации существует и обратная сторона: в лентах новостей содержится огромное количество информации о DDoS-атаках, утечках персональных данных и правонарушениях в сети Интернет. Ежедневно в мире происходит около 35 тыс. происшествий с проникновением в компьютерную систему безопасности². Только за первый квартал 2022 г. количество кибератак на российские компании возросло с нескольких десятков в месяц до сотен тысяч в неделю³.

Государства и крупные корпорации сталкиваются с беспрецедентными цифровыми атаками на важные объекты инфраструктуры, при этом противоправные действия хорошо организованы и имеют конкретную цель. Например, в 2014 г. на серверы американской кинокомпании *Sony Pictures Entertainment* была совершена

масштабная хакерская атака, ответственность за которую взяла на себя северокорейская хакерская группировка «Хранители мира» (“Guardians of Peace”). Причиной атаки послужила готовящаяся премьера фильма «Интервью», в котором показана попытка покушения на лидера КНДР Ким Чен Ына. Результатом противоправного акта стала публикация конфиденциальной информации, персональных данных сотрудников и актёров. По оценкам экспертов, убытки компании составили около 200 млн долларов США⁴. В ответ Вашингтон пошёл на чрезвычайные меры: открыто объявил, что за действиями хакеров стоит Пхеньян, и ввёл против страны новые экономические санкции [Crooft 2018: 567].

Насколько принятие подобных мер соответствовало требованию пропорциональности ответа на атаку? Или же они, наоборот, вели к эскалации конфликта? Можно ли полагать, что противоправные действия осуществлялись под контролем или руководством северокорейского правительства? Если это так, то как надлежит квалифицировать деяние, послужившее причиной столь серьёзного вреда⁵ — в качестве правонарушения (responsibility) или действия, не запрещённого международным правом (liability)? В зависимости от квалификации будут различаться правовые последствия. В международном праве утверждается обычная норма, согласно которой за вред, наступивший в результате действий, не запрещённых междуна-

¹ Смарт-контракт означает оформление договора в форме программного кода в блокчейне для обеспечения последующего автоматического и автономного самоисполнения заложенных в программу условий [Синицын, Дьяконова, Чурсина 2021: 43].

² *Donlan R.* Hacked! The Cost of a Cyber Breach, in 5 Different Industries // Property Casualty 360. 16.10.2015. URL: <https://www.propertycasualty360.com/2015/10/16/hacked-the-cost-of-a-cyber-breach-in-5-different-industries/?slreturn=20220604043203> (accessed: 21.11.2022).

³ *Новиков А.* Атака одной кнопкой: кто взламывает сайты российских компаний // Forbes. 31.03.2022. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/460847-ataka-odnoj-knopkoy-kto-vzlamyvaet-sajty-rossijskih-kompanij> (дата: 21.11.2022).

⁴ *Sony Pictures to Lose \$200 Million Following Cyber Attack* // Business Today. 23.12.2014. URL: <https://www.businesstoday.in/latest/corporate/story/sony-pictures-cyber-attack-the-interview-release-cancelled-138613-2014-12-23> (accessed: 21.11.2022).

⁵ В настоящей статье термины «ущерб», «вред», «убытки» понимаются как синонимы и означают такой материальный урон имуществу или другим интересам государства или его граждан, который можно определить в денежном исчислении.

родным правом, государство несёт материальную ответственность [Лукашук 2005: 413]. Подчёркивается, что она наступает не в связи с поведением, поскольку оно правомерно, а именно за причинённый вред (ответственность без вины), тогда как правовые последствия правонарушений государств, как правило, более существенные (реституция, компенсация и сатисфакция)⁶.

Международное право постепенно вырабатывает понятия, с помощью которых описываются разнообразные правонарушения в сети Интернет: хактивизм, кибершпионаж, кибертерроризм, кибервойна и другие. Значимый вклад в развитие международного права применительно к сфере информационно-коммуникационных технологий внесла Группа правительственных экспертов по поощрению ответственного поведения государств в киберпространстве в контексте международной безопасности. В том числе удалось выработать перечень добровольных норм ответственного поведения государств в киберсфере, одобренный резолюцией ГА ООН 73/27 от 5 декабря 2018 года. В контексте международного уголовного права разрабатываются отдельные составы, посвящённые киберпреступлениям⁷.

Между тем нередко государства не стремятся именовать то или иное посягательство кибератакой и говорить о кибервойне. В доктрине также отмечается недостаточная эффективность уголовно-правовых методов борьбы с киберпреступлениями, если только лица, обвиняемые в совершении преступления, физически не находят-

ся в государстве, понёсшем ущерб [Maras 2016]. Все эти обстоятельства обуславливают необходимость поиска дополнительного инструментария для удовлетворения сторон конфликта. Подобной цели может послужить появившаяся в частном праве концепция киберделикта. Стоит оговориться, что мы не стремимся экстраполировать понятия из сферы гражданского права на международно-правовое поле, от чего предостерегал российский классик в этой области Ф. Ф. Мартенс. Последний подвергал критике подход своего немецкого коллеги А. Гефтера как раз по этой причине [Мартенс 1882: 432]. Обращение к частному праву является лишь вспомогательным, дополнительным средством. Оно может помочь в выявлении правовой природы, а также в определении принципов оптимального режима ответственности⁸.

Предлагается рассмотреть основные проблемы, с которыми сталкивается международное право при причинении вреда государствами с помощью цифровых технологий, затем проанализировать концепцию киберделикта и дедуцировать оптимальный режим ответственности.

Вызовы международному праву в цифровой среде

В ситуациях, когда нарушение в цифровой среде⁹ сопряжено с ответственностью за международно-правовое деяние, потерпевшему государству надлежит доказать факт неисполнения обязательства по международному праву, а также квалифицировать поведение государства-делинквен-

⁶ Более подробно о различиях ответственности за действия, не запрещённые международным правом, и ответственности за международное правонарушение см.: [Савельева 1996: 12–65].

⁷ См., к примеру, Конвенцию о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185. Будапешт. 23.11.2001.

⁸ Как справедливо отмечала Л.В. Савельева, «международное право в силу своей природы не может содержать института внедоговорной или деликтной ответственности. Все институты международного права, в том числе и институт ответственности государств, основаны на соглашении соответствующих субъектов. Поэтому формы закрепления прав и обязанностей субъектов во внутригосударственном и международном праве совершенно различны, ввиду чего механическое перенесение цивилистических конструкций в области международного права едва ли может принести положительные результаты» [Савельева 1996: 7–8].

⁹ В настоящей работе термины «цифровая среда», «цифровое пространство», «сеть Интернет», «киберпространство» понимаются как синонимы.

та как противоправное [Shaw 2021: 677]. Эти же условия содержатся в ст. 2 Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, принятых в 2001 г. (далее — «Статьи»)¹⁰.

Одной из основных функций международно-правовой ответственности является сдерживание потенциального правонарушителя (превентивная функция) [Вылегжанин 2021: 14]. Она реализуется посредством выполнения ряда условий: (1) неотвратимость ответственности за причинение вреда и (2) вероятная тяжесть невыгодных для делинквента последствий.

Выполнить первое условие в теории международного права предлагается посредством вменения противоправного действия государству-нарушителю. В этом случае сразу же возникают трудности. *Во-первых*, кибероперации проводятся хакерскими группировками, поэтому доказать причастность конкретной страны непросто. *Во-вторых*, использование киберпрокси¹¹ делает этот процесс практически невозможным.

Остановимся на этой проблеме более подробно. В соответствии со ст. 8 Статей поведение хакерской группы может рассматриваться как деяние государства, если она действовала по его указаниям, под руководством или контролем¹². Пока никакой специфики нет. В то же время проблема усугубляется, как только мы вводим категорию «киберпрокси». В литературе отмечается, что они выступают «посредни-

ками, проводящими или непосредственно способствующими осуществлению наступательных киберопераций благодаря осознанной поддержке (активной или пассивной) со стороны государства-бенефициара» [Maurer 2018: 11].

Выделяют по меньшей мере три типа взаимодействий между киберпрокси и государствами: *санкционирование* (осуществление пассивной государственной поддержки); *оркестровка* (киберпрокси действует в соответствии с указаниями государства, но не находится под его контролем); *делегирование* (прямой контроль со стороны государства) [Maurer 2018: 12]. Использование киберпрокси необходимо главным образом, чтобы усложнить процесс вменения противоправного действия государству-нарушителю и привлечения его к ответственности.

Приведём следующий пример: в 2015 г. хакеры вмешались в работу французского канала *TV5Monde*, в результате чего оборудование было выведено из строя, а убытки составили около 5 млн евро¹³. Изначально существовали все основания говорить о связи хакерской группировки с Исламским государством¹⁴ как ввиду её наименования «Кибер Халифат», так и некоторых данных интернет-архитектуры. Тем не менее позднее выяснилось, что правонарушение совершили хакеры APT28, известные как «*Fancy Bear*» [Crotoft 2018: 582].

С трудностями, характерными для идентификации государства-нарушителя, связано выявление мотивов кибервмешатель-

¹⁰ Доклад Комиссии международного права. 53-я сессия (23 апреля — 1 июня и 2 июля — 10 августа 2001 г.) // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/responsibility.pdf (дата обращения: 22.11.2022). Отметим, что Статьи об ответственности в большей мере представляют собой кодификацию применимых обычных международно-правовых норм, с учётом содержания и со значительными элементами прогрессивного развития.

¹¹ Несмотря на схожесть с привычной отечественному читателю категорией «прокси-сервер», их не следует отождествлять, поскольку последние представляют собой промежуточные серверы, которые используются на законных основаниях, тогда как цель киберпрокси исчерпывается наступательными кибердействиями.

¹² При этом аналогичные разъяснения содержатся и в правилах 15–17 Таллинского руководства 2.0 от 2017 года.

¹³ Corera G. How France's TV5 Was almost Destroyed by 'Russian Hackers' // BBC. 10.10.2016. URL: <https://www.bbc.com/news/technology-37590375> (accessed: 21.11.2022).

¹⁴ Террористическая организация решением Верховного суда Российской Федерации от 29.12.2014 запрещена на территории Российской Федерации.

ства¹⁵, хотя последние не являются элементом международно-противоправного деяния. Между тем следует признать, что тяжело устанавливаемый смысл этого явления предопределяет невозможность адекватного реагирования на него. Предположим, что какое-либо вредоносное действие в цифровой сфере приводит к уничтожению критического объекта инфраструктуры потерпевшей страны по не зависящим от воли государства-нарушителя обстоятельствам. Усложняет анализ и тот факт, что некоторые виды кибервмешательств в доктрине рассматриваются не только в качестве неизбежных в международном взаимодействии, но и как часть общепризнанных прав и обязательств государств [Lubin 2018: 203]¹⁶. В реальном мире потерпевшее государство реагировало бы иначе на случай или непреодолимую силу, чем на преднамеренное деяние. Тем не менее в цифровой среде провести такое различие затруднительно.

Кроме того, можно поставить вопрос несколько иначе: целесообразно ли квалифицировать кибервмешательства вне рамок вооружённого конфликта в качестве «применения силы» или «вооружённого нападения» в соответствии с Уставом ООН? От этого зависит потенциал неотъемлемого права потерпевшего государства на самооборону. Как справедливо отмечает В.Н. Русинова, «с одной стороны, было бы неверным отрицать, что некоторые типы вредоносного использования компьютерных программ могут принимать военную форму и будет корректным давать им правовую оценку с позиции *jus ad bellum*. С другой же — [...] легко пересечь ту грань, когда результаты [...] будут прямо противоречить консенсусу государств о толковании объёма понятия «применение силы» как не охватывающего невоенные формы воздействия...» [Русинова 2022: 45]. При этом следует учитывать позицию Российской Федерации, согласно которой поня-

тия «вооружённое нападение» и «применение силы» могут использоваться лишь в обстоятельствах вооружённого конфликта, а кибернападение вне этого контекста под них не подпадает [Русинова 2022: 46].

В связи с этим рассмотрим один из самых дискуссионных примеров квалификации кибервмешательства с точки зрения *jus ad bellum*. В 2010 г. США посредством использования программы *Stuxnet*, которая поражает ЭВМ под управлением операционной системы *Windows*, повредили около тысячи иранских центрифуг для обогащения урана¹⁷. Столь масштабные катастрофические последствия породили большое количество споров в доктрине по поводу возможности рассмотрения такой кибероперации в качестве вооружённого нападения [Hathaway et al. 2012: 836–837].

Равным образом существуют проблемы, связанные с применением контрмер. Например, ч. 1 ст. 52 Статей устанавливает, что до их принятия потерпевшая страна должна, *во-первых*, уведомить ответственное государство о решении принять контрмеры, *во-вторых*, указать поведение, которому ответственное государство должно следовать с тем, чтобы прекратить противоправное деяние, если оно продолжится. К тому же потерпевшее государство не может прибегнуть к контрмерам после прекращения противоправного поведения (ч. 3 ст. 52 Статей). Более того, принимая их, государство действует на свой страх и риск, поскольку без достаточного обоснования оно само становится ответственным за новое деяние [Лукашук 2005: 403]. Подобные требования выступают серьёзным препятствием к применению контрмер в ответ на кибервмешательства.

Сложность идентификации ответственного государства, а также стремительная скорость совершения этих нарушений приводят к тому, что противоправное деяние будет прекращено ещё до того, как оно обна-

¹⁵ Кибервмешательство представляет собой собирательное понятие и используется для того, чтобы охватить действия государств разной интенсивности в цифровой среде.

¹⁶ Типичным примером является кибершпионаж [Гаркуша-Божко 2021].

¹⁷ *Fildes J.* Stuxnet Worm 'Targeted High-Value Iranian Assets' // BBC. 23.09.2010. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/technology-11388018> (accessed: 21.11.2022).

ружено. Это обстоятельство ставит довольно любопытный теоретический вопрос. Дело в том, что традиционно контрмеры отличаются от ответственности тем, что первые представляют собой право потерпевшего, тогда как последняя — обязанность нарушителя [Вылегжанин 2021: 24]. При этом, как мы отмечали, контрмеры главным образом необходимы для понуждения государства-делинквента к выполнению международно-правовых обязательств. В реальном мире, где многие противоправные деяния обладают публичным характером, легкораспознаваемы, а также происходят в течение определённого времени, контрмеры отчасти также выполняют специфичную для ответственности превентивную функцию [Crootoof 2018: 587]. Тем не менее в цифровой среде границы обеих сфер более чёткие, что приводит к противоправности и неэффективности использования контрмер. В доктрине прямо отмечается, что они должны применяться не для предупреждения будущих кибервмешательств, а лишь в ответ на фактические нарушения в цифровой среде [Gill 2013: 231; Pirker 2013: 213].

При отсутствии чётких правил разграничения правомерного и противоправного поведения государств в киберпространстве удовлетворить условие, которое относится к вероятной тяжести неблагоприятных для делинквента последствий, представляется трудновыполнимой задачей. Репрезентативным является следующий пример. В июле 2015 г. две хакерские группировки “*Cozy Bear*” и “*Fancy Bear*” взломали сеть Национального комитета Демократической партии США. Хакеры получили доступ ко всей переписке по электронной почте и мессен-

джером, которыми пользовались сотрудники комитета¹⁸. Год спустя администрация президента Б. Обамы публично вменила эти противоправные действия Российской Федерации¹⁹. По прошествии нескольких месяцев США ввели санкции против нескольких физических лиц и организаций, что стало несоразмерной реакцией на предполагаемое нарушение²⁰. В американской доктрине, напротив, подобная реакция признаётся недостаточной и, следовательно, по мнению исследователей, способствует росту правонарушений в цифровой среде, не обеспечивая надлежащей превенции [Crootoof 2018: 587].

Все вышеобозначенные причины определяют потребность разработать и предложить механизм, который, с одной стороны, выполнял бы функцию сдерживания, а с другой — удовлетворял бы стороны международного спора.

Эволюция концепции киберделикта в частном праве

В доктрине деликтного права существует несколько систем организации норм о причинении вреда: (1) монистическая, в основе которой лежит известный принцип генерального деликта²¹ (Франция, Италия, Испания); (2) сингулярная, исходящая из существования отдельных случаев причинения вреда, не связанных общим признаком (Великобритания, США); (3) смешанная, в которой наряду с общими положениями наличествуют специальные деликтные составы (Германия, Швейцария) [van Dam 2013]. Впрочем, подобная классификация обладает рядом существенных недостатков. К примеру, как в Соединённом

¹⁸ Кузнецов А. Российских хакеров обвинили во взломе сетей штаба Демократической партии [Электронный ресурс] // РБК. 14.06.2016. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/06/2016/576031e59a79471dc26160b8> (дата обращения: 22.11.2022).

¹⁹ Sanger D.E., Savage Ch. U.S. Says Russia Directed Hacks to Influence Elections // New York Times. 07.10.2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/10/08/us/politics/us-formally-accuses-russia-of-stealing-dnc-emails.html> (accessed: 21.11.2022).

²⁰ Office of the Press Secretary, White House. For Immediate Release. Statement by the President on Actions in Response to Russian Malicious Cyber Activity and Harassment // Obama White House. 29.12.2016. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/12/29/statement-president-actions-response-russian-malicious-cyber-activity> (accessed: 21.11.2022).

²¹ Основопологающая идея этого положения в том, чтобы свести все многообразие случаев причинения вреда к единому началу (принципу).

Королевстве, так и в Соединённых Штатах учёные предпринимают весьма любопытные попытки дедуцировать фундаментальный принцип для всех деликтных моделей поведения [Murphy 2019].

Именно в рамках сингулярной системы и появился киберделикт (*Cybertort*), значительно отличающийся от классического варианта. Строго говоря, по причине отсутствия общего принципа возмещения вреда в обеих странах возникла необходимость в описании правонарушений, совершаемых в виртуальном пространстве.

В английской и американской литературе существует несколько точек зрения относительно содержания понятия «киберделикт». Один подход предлагает считать таковыми всякие правонарушения, которые происходят в информационно-технологическом пространстве [Rustad 2009: 395]. Неудовлетворительность подобного понимания проистекает из его безграничности. Получается, что киберделиктом могут признаваться, например, и распространение ложных сведений в Интернете, и кража виртуального имущества в компьютерной игре.

Столь широкому подходу противостоит позиция, согласно которой основной характеристикой киберделикта, помимо его совершения в цифровой среде, надлежит считать наличие вредоносных последствий в реальном мире [Duranske 2008: 75]. Как следствие, в доктрине появился так называемый тест магического круга (*Magic Circle Test*), в соответствии с которым «деятельность, имеющая место в виртуальном мире, подчиняется праву реального мира в том случае, если пользователь [...] разумно осознаёт или должен разумно осознавать, что она влечёт последствия для реального мира» [Белых, Пучков 2020]. Ещё одним важным условием наступления ответственности за киберделикт является нарушение

абсолютного права потерпевшего²² [Finnis 2016: 195]. Несмотря на то что деление прав на абсолютные и относительные, бесспорно, встречается в англо-американской доктрине, оно не является первостепенным.

Анализируя вышеуказанные признаки, В.С. Белых и В.О. Пучков приходят к выводу, что под «киберделиктом в англо-американском праве предлагается понимать противоправное нарушение абсолютного гражданского права, совершённое в информационно-технологическом (виртуальном) пространстве и влекущее за собой причинение потерпевшему такого вреда, который отражается в реальном мире, в том числе в реальной экономике и бизнесе» [Белых, Пучков 2020].

Эти три критерия (совершение деяния в виртуальной среде, наличие последствий в реальном мире и нарушение абсолютного права) задают тональность всех дальнейших рассуждений. В то же время остаётся актуальным вопрос относительно противоправности поведения делинквента. В англо-американском деликтном праве аналогом противоправности в деликтах, связанных с небрежностью (*negligence*), с известной долей условности можно считать нарушение должной осмотрительности (*duty of care*)²³. В этом случае возникает наиболее важная проблема: могут ли государство, суды или транснациональные корпорации устанавливать взаимные обязанности субъектов виртуального взаимодействия, нарушение которых приводит к ответственности за киберделикт?

В американской теории права высказывается довольно влиятельная точка зрения о неэффективности установления запретов в сети Интернет [Познер 2020: 104]. Тем не менее отсутствие правового воздействия побуждает к противоправному поведению. В связи с этим надлежит выявить оптимальную модель правового регулирования

²² Под абсолютным правом необходимо понимать такое субъективное право, которому противостоит неопределённый круг обязанных субъектов.

²³ Общего учения об условиях деликтной ответственности в англо-американском праве не было выработано. Зачастую разные элементы деликта *negligence* используются как для определения вины (*X (Minors) v. Bedfordshire County Council*. 1995. 2 AC 633), так и для установления противоправности (*Smith v. Littlewoods Organisation Ltd*. 1987. UKHL 18).

в случае причинения вреда в виртуальном пространстве.

Деликтное право, как известно, представляет собой лучший пример гибкой системы правового регулирования [Koziol 2017]. Её автор В. Вильбург полагал, что в частном праве существует множество оценок и целей, то есть целый спектр нормативных решений [Гаджиев 2018: 135]. По сути, имеется в виду гармоничное сосуществование таких принципов, как правовая определённость и гибкое регулирование. Получается, что, с точки зрения сторонников гибких систем, деликтное право представляет собой, с одной стороны, набор императивных (строгих) правил, с другой — набор общих (абстрактных) положений. Посредством закрепления небольшого набора императивных норм, а также ключевых для принятия решений факторов, которые обязан учесть судья при разрешении конкретного спора, законодатель может достичь более высокого уровня конкретизации и ограничить дискрецию суда [Гаджиев 2018: 136]. Судебное решение становится предсказуемым, удовлетворяя требование правовой определённости, что является несомненным достоинством подобного подхода. Вместе с тем суд способен учесть максимальное количество факторов для достижения справедливости в конкретном случае.

Говоря о поведении делинквента, обратим особое внимание на такое условие деликтной ответственности, как противоправность. Под ней следует понимать не просто нарушение нормы права или умаление субъективного права потерпевшего, а результат сопоставления разнообразных интересов: потерпевшего к обеспечению собственной безопасности, при-

чинителя вреда к свободе действия, а также общественных интересов [Cartier 2007: 131]. Такое понимание, *во-первых*, иллюстрирует противоречие между свободой и безопасностью, *во-вторых*, подразумевает градацию благ, хотя на первый взгляд этот вывод не совсем очевиден. В случае определённых коллизий необходимо найти компромисс посредством расставления приоритетов [Коциоль 2016: 252]. К примеру, защита чести, достоинства и деловой репутации существует в конфликте с правом на свободное выражение мнения или правом на свободу средств массовой информации. Следовательно, проведение чёткой границы потребует всестороннего взвешивания всех коррелирующих интересов.

При таком фокусе рассмотрения проблемы получается, что от законодателя требуется, *во-первых*, установить случаи, когда поведение делинквента будет вовсе лишено противоправности (допустим, причинение вреда в состоянии необходимой обороны или с согласия потерпевшего). *Во-вторых*, необходимо определить абстрактные критерии, которые призваны помочь при обнаружении противоправности. При подобном подходе нагрузка на суды существенно возрастает, но это позволяет, как уже было отмечено, достичь справедливого решения в каждом конкретном случае.

Регулирование права причинения вреда в сети Интернет аналогичным образом должно следовать по пути максимальной гибкости. Это обстоятельство обусловлено несколькими важными политико-правовыми соображениями: 1) излишнее воздействие государства (речь об институциональном и систематическом принуждении)²⁴ сопряжено с высокими издержками²⁵;

²⁴ Мы исходим из гипотезы, согласно которой большинство правил поведения в Интернете формируются в большей степени стихийно и, в большинстве случаев, на основе добровольной координации субъектов. Об институциональном принуждении см.: [де Сото Хесус 2008: 104].

²⁵ Сухаревская А. ВКС: Роскомнадзор может потратить на новую систему блокировок до 20 млрд рублей // Ведомости. 18.12.2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2018/12/18/789620-roskomnadzor-blokirovok> (дата обращения: 22.11.2022); Роскомнадзор выделил 57,7 млн рублей на разработку системы поиска запрещённого контента // Ведомости. 17.08.2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2022/08/17/936342-roskomnadzor-videlil-577-mln-rublei-na-razrabotku-sistemi-poiska-zapreshennogo-kontenta> (дата обращения: 22.11.2022).

2) императивное регулирование приводит к потере социально значимой и ценной информации, которая может помочь государству держать потенциальные угрозы под контролем [Познер 2020: 104]; 3) чрезмерная реакция государства на возможные нарушения в Интернете может негативно отразиться на высокоинновационном характере деятельности некоторых субъектов Сети [де Сото Хесус 2008: 70–86].

Проанализировав общие положения деликтного права, связанные с причинением вреда в виртуальном пространстве, попробуем описать с учётом вышеизложенного оптимальную модель ответственности за киберделикт в международном праве.

Ответственность за киберделикт в международном праве

Важно отметить, что преимущество концепции киберделикта заключается в следующем. В отличие от иных категорий, разработанных для квалификации различных действий государств в виртуальном пространстве (кибероперация, кибервойна), она позволяет рассмотреть спектр моделей вредоносного поведения, следствием которых не всегда является причинение физического ущерба²⁶ (например, уничтожение информации о медицинских и фармацевтических исследованиях²⁷; неправомерный доступ к спискам избирателей; вмешательство в работу фондового рынка).

Краеугольный камень доктрины деликтного права, как мы отмечали в предыдущем

разделе, заключается в установлении стандартов, нарушение которых означает, что поведение нарушителя противоправно. Тем не менее при обсуждении ответственности государств (*state liability*) первостепенное значение приобретают именно вредоносные последствия, а не характеристика самого поведения. Строго говоря, первоначальное поведение необязательно должно быть противоправным, акцент смещается именно на результат (вред)²⁸. Допустим, правовую квалификацию получает «серая зона» между кибервойной и правомерным поведением государства.

Обратим внимание на отдельные преимущества использования концепции киберделикта:

1) подобная квалификация позволяет потерпевшему государству требовать возмещение вреда, создавая тем самым новый вариант реагирования, который сводит к минимуму принятие несоразмерных поведению делинквента мер. С одной стороны, вероятность эскалации конфликта снижается, с другой — появляется сдерживающий нарушителя фактор *ex ante*, призванный сократить количество случаев причинения вреда;

2) во главу угла ставится компенсационная функция ответственности за киберделикт;

3) у государств появляется возможность манёвра в виртуальном пространстве, поскольку речь не идёт о *state responsibility*. Государство может правомерно действовать в «серой зоне», но будет обязано возместить вред в случае его причинения;

²⁶ В доктрине зачастую говорится о так называемых кибероперациях малой интенсивности, которые находятся вне поля зрения международного права. См.: [Walton 2017]. Думается, что такое наименование крайне неудачно и может ввести читателя в заблуждение. Как определять интенсивность, какие критерии для этого необходимы? На эти и многие другие вопросы не так просто получить однозначный ответ. По этой причине термин «киберделикт» представляется нам более подходящим.

²⁷ Бацазова Ф., Веденеева Н. Хакерские атаки сработали лишь с одним видом вакцин от COVID-19 // МК. 10.12.2020. URL: <https://www.mk.ru/science/2020/12/10/khakerskie-ataki-srabotali-lish-s-odnim-vidom-vaksin-ot-sovid19.html> (дата обращения: 22.11.2022).

²⁸ В национальном деликтном праве отдельных государств в равной степени наличествует подход к определению упречности поведения делинквента в зависимости от вредоносных результатов. К примеру, вождение автомобиля традиционно рассматривается в качестве правомерного поведения, однако причинённый при эксплуатации транспортного средства вред считается противоправным. Критику в адрес такого воззрения см.: [Jansen 2002].

4) этот режим ответственности создаёт надлежащие стимулы для совершенствования способов проведения кибервмешательств [Crootof 2018: 604–606].

Практическое применение такого подхода ставит ряд вопросов. *Во-первых*, каким должен быть характер вреда, чтобы государство-нарушитель было обязано его возместить? *Во-вторых*, существуют ли взаимные обязанности субъектов виртуального взаимодействия? *В-третьих*, как определить причинно-следственную связь между поведением и вредом? *В-четвёртых*, какой режим ответственности представляется оптимальным?

1. Национальное деликтное право разных государств направлено на защиту широкого спектра благ: личности, имущества, деловой репутации, экономических интересов. На международной арене аналогичным образом можно выявить палитру нуждающихся в охране интересов. К примеру, в соответствии с Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» таковыми можно признать объекты критической инфраструктуры (п. 51); историческую память (п. 53); жизнь и здоровье граждан, причём в качестве наиболее уязвимой социальной группы в Указе поименована молодежь (п. 52); конституционные права и свободы человека и гражданина при обработке персональных данных, в том числе с использованием информационных технологий (подп. 8 п. 57), и так далее²⁹. Для сравнения: в Стратегии по кибербезопасности Министерства обороны США³⁰ отмечается, что на Министерство обороны возлагается обязанность по защите интересов Соединённых Штатов от кибератак (независимо от квалификации) со значительными последствиями, включая гибель людей, катастрофический

материальный ущерб, неблагоприятные последствия для внешней политики и экономики страны.

Установить закрытый перечень (*numerus clausus*) благ, подлежащих охране, означает обречь правовое регулирование на неудачу, поскольку скорость развития технологий обуславливает как появление новых вариаций вредоносного поведения, так и расширение перечня объектов, которым потенциально может быть причинён ущерб.

2. Можно предположить, что существуют три взаимные обязанности, которые несут государства: не причинять вред в виртуальном пространстве; проявлять должную осмотрительность; возместить вред, нанесённый в результате неосмотрительного поведения [Crootof 2018: 609].

Выделение подобных пунктов созвучно складывающимся в сфере ответственности за действия, не запрещённые международным правом, тенденциям. В 2006 г. Комиссией международного права (КМП) ООН были подготовлены «Проекты принципов, касающихся распределения убытков в случае трансграничного вреда, причинённого в результате опасных видов деятельности»³¹. Анализ этих документов позволяет сделать вывод, что указанную ответственность составляют первичные обязательства государств: 1) по предотвращению наступления вредоносных последствий (*duty to due diligence*, информирование, консультирование и прочее), по принятию надлежащих мер реагирования для уменьшения ущерба; 2) по обеспечению оперативной и адекватной компенсации в случае причинения вреда.

Обязанность проявлять должную осмотрительность относится к поведению, но не к результату. В этой связи, если ущерб наступил в случае не проявляния государств

²⁹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

³⁰ The Department of Defense Cyber Strategy. April 2015. URL: <https://www.hsdl.org/?view&did=764848> (accessed: 21.11.2022).

³¹ Официальные отчёты Генеральной Ассамблеи. 61-я сессия (A/61/10). Дополнение № 10. Принципы содержатся в приложении к резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/61/36 от 4 декабря 2006 года.

вом должной осмотрительности, это обстоятельство будет свидетельствовать о нарушении им своих обязательств. Данный факт приведёт к наступлению соответствующих последствий, предусмотренных общим международным правом (*state responsibility*). Речь идёт о прекращении деяния, если оно продолжается, предоставлении надлежащих заверений и гарантий неповторения, возможности применения к ответственному государству контрмер и санкций, полном возмещении вреда в виде реституции, компенсации и сатисфакции [Кожеуров 2016: 176].

Напротив, если ущерб наступил, несмотря на соблюдение обязанности по осмотрительности, государство должно предоставить оперативную, адекватную и эффективную компенсацию причинённого материального ущерба. Подобное обязательство относится к результату, а не к поведению. Иными словами, конкретные механизмы, модели, формы и способы такого возмещения определяются на усмотрение государства [Кожеуров 2016: 177]. Оно может принять на себя ответственность без вины (*strict liability*) или абсолютную ответственность, а также комбинировать различные режимы. Невыполнение обязательства по обеспечению компенсации влечёт ответственность государства (*state responsibility*).

Международный Суд ООН во многих случаях обращает внимание на существование у государств обязанности проявлять должную осмотрительность (*duty to due diligence*). Показательно, что в знаменитом решении по делу «Аргентины против Уругвая» (т.н. дело о целлюлозных заводах) отмечено, что обязанность проявлять должную осмотрительность состоит не только в принятии соответствующих правил и мер предосторожности, но и в определённом уровне осмотрительности при

их соблюдении, а также в осуществлении контроля над государственными и частными лицами для защиты прав другой стороны³².

Вместе с тем обязанность проявлять должную осмотрительность является наиболее дискуссионной. М. Шмитт утверждает, что в виртуальном пространстве она присутствует у государств [Schmitt 2015]. Напротив, Л. Чаркоп полагает, что обязанность проявлять должную осмотрительность, как это было установлено Международным Судом ООН в деле *Corfu Channel*, до сих пор находится в зачаточной форме [Chircop 2018: 667–668].

Тем не менее данное явление нашло своё воплощение в п. 6 Таллинского руководства 2.0 о международном праве, применимом к кибероперациям от 2017 года, разработанного по предложению Киберцентра НАТО³³. В соответствии с указанным документом «государство должно руководствоваться принципом должной осмотрительности, не позволяя использовать свою территорию либо территориальную или кибернетическую инфраструктуру, находящуюся под его правительственным контролем, для киберопераций, которые затрагивают права других государств и оказывают на них неблагоприятное воздействие» [Schmitt 2017: 70]. Кроме того, в обязанности по осмотрительности также входят действия стран, направленные на прекращение киберопераций, проводимых с их территории, с использованием разумно доступных средств, когда они получают о них уведомление (п. 7 Таллинского руководства 2.0).

Вместе с тем предлагаемые Таллинскими руководствами подходы не обладают достаточным и универсальным свойством. Кроме того, они не носят обязывающего характера, а отражают предложения ряда исследователей, поддержанные группой

³² *Pulp Mills on the River Uruguay (Arg. v. Uru.)*, Judgment, 2010 I.C.J. Rep. 14 (Apr. 20). P. 69, 197.

³³ Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations. Prepared by the International Groups of Experts at the Invitation of the NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence / Ed. by M. N. Schmitt. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 598 p. <https://doi.org/10.1017/9781316822524>

западных стран. В связи с этим целесообразной видится разработка дополнительных и нормативно применимых критериев для разрешения конфликтов в виртуальной среде. К примеру, при установлении содержания обязанности по должной осмотрительности следует учитывать, что чрезмерное ужесточение этого стандарта, вероятно, приведёт к созданию пагубных стимулов для государств вмешиваться в работу Сети. Иными словами, императивная обязанность предотвращать причинение вреда в виртуальном пространстве повлечёт усиление государством контроля за Интернетом. В то же время установление более мягкого стандарта создаст благоприятные условия как для свободного развития информационных технологий, так и для принятия государствами надлежащих мер предосторожности [Shackelford, Russel, Kuehn 2016].

Наконец, положения об ответственности можно структурировать иным образом: установить презумпцию того, что государства вправе заниматься не запрещённой международным правом деятельностью в виртуальном пространстве, даже если она наносит ущерб, при условии, что он во всяком случае будет компенсирован. Думается, что именно это решение удовлетворяет политико-правовым ожиданиям многих субъектов Сети [Crootof 2018: 612]. Повторно отметим: если для традиционных случаев закрепления объективной ответственности характерно стимулирование государств к созданию более надёжных источников повышенной опасности [Савельева 1996: 18], то в цифровой среде это обстоятельство может привести к повышению уровня государственного контроля над Интернетом с пагубными последствиями³⁴.

3. Следующий важный вопрос заключается в определении причинно-следственной связи. Разумеется, её установление отличается в случаях *state liability* от присвоения противоправного действия госу-

дарству-нарушителю (*state responsibility*). Первое касается пагубных последствий тех действий, которые не запрещены международным правом [Sucharitkul 1996: 834–834]. Стоит отметить, что категория «причинность» может толковаться гораздо шире, чем понятие «присвоение» деятельности лиц или групп лиц, которые фактически действуют под руководством или контролем государства, в особенности если принимать во внимание обязанность по должной осмотрительности.

Р. Крутоф приводит пример, в соответствии с которым стандарт должной осмотрительности также облегчает проблему присвоения при совершении противоправного деяния [Crootof 2018: 613]. Предположим, государство А подвергается массированным кибервмешательствам, которые злонамеренно проводит государство В при использовании киберинфраструктуры государства С. Несмотря на то что А без труда может установить, что кибероперация была совершена С, первоначального нарушителя В обнаружить не так просто. Обязанность по должной осмотрительности позволяет потерпевшему государству информировать страну С об ущербе. Как итог, если последняя не предпримет разумных действий для прекращения кибероперации, она сама совершит противоправное деяние со всеми характерными последствиями.

На первый взгляд кажется, что подобное решение невообразимо расширяет пределы ответственности (*responsibility*) и приводит к эскалации конфликта. Иначе говоря, оно предоставляет возможность большему числу государств присвоить противоправные действия и прибегнуть к контрмерам. Тем не менее это сомнение может быть устранено следующим образом: нарушение осмотрительности должно приводить лишь к возмещению ущерба в контексте *state liability*.

4. При ответе на многие из вопросов, поставленных выше, красной нитью проходит

³⁴ В американской доктрине международного права в подтверждение этого тезиса зачастую приводят примеры из области частного права [Shackelford, Russel, Kuehn 2016].

обязанность должной осмотрительности. Выбор оптимального режима ответственности не станет исключением. Несомненно, государство должно нести ответственность за правомерные действия, связанные с высоким риском значительного ущерба, который может быть как непредвидимым, так и непредотвратимым, даже в случаях, если его поведение было осмотрительным. Речь идёт о так называемой объективной ответственности [Fitzmaurice 2008: 1022], юридическим основанием которой является компенсационная норма³⁵, в рассматриваемом случае — обязанность должной осмотрительности.

Как легко предположить, стандарт объективной ответственности значительно упрощает проблему. Если возможно установить, что в результате действий или бездействия государства был причинён ущерб, оно, бесспорно, обязано его возместить. Между тем предлагается несколько отойти от такого жёсткого подхода, *во-первых*, если поведение было связано с осуществлением общественно полезных задач [Walton 2017: 1497], *во-вторых*, когда потерпевшее государство не принимает никаких мер кибербезопасности [Gross 2015]. В последнем случае необходимо уменьшать объём объективной ответственности государства-нарушителя, поскольку отсутствие минимальных средств по кибербезопасности может рассматриваться как нарушение обязанности должной осмотрительности (своего рода *contributory negligence*).

Таким образом, киберделикт представляет собой наиболее эффективный механизм разрешения конфликтов в виртуальном пространстве, который, с одной стороны, позволяет получить возмещение потерпевшему государству, а с другой — не приводит к эскалации конфликта. При этом в орбиту исследования не входили два важных вопроса: возможность правового творческого трека для киберсреды и созда-

ние независимой международной организации для разрешения соответствующих споров. В отношении первой проблемы можно полностью согласиться с мнением В. Н. Русиновой, которая достаточно убедительно проиллюстрировала тщетность любых попыток государств прийти к консенсусу и, следовательно, маловероятность всеобъемлющих конвенций по вопросам цифровизации [Русинова 2022: 49]. Это же рассуждение обуславливает преждевременность любых решений второй проблемы.

* * *

Архитектура сети Интернет создаёт плодородные основания для всякого рода правонарушений. Как было показано, в международном праве на момент написания статьи отсутствует эффективный механизм урегулирования конфликтов в цифровой среде. Потерпевшие страны зачастую прибегают к несоизмерным мерам против государств-нарушителей, что способствует лишь эскалации конфликта. Усложняет обстоятельство и тот факт, что у государств не имеется никаких средств реагирования на кибероперации малой интенсивности. Решить эти и некоторые другие проблемы позволяет разработанная в частном праве концепция киберделикта. Опираясь на деликтное и международное право, мы пришли к выводу, что, с одной стороны, киберделикт позволяет устранить последствия нарушений *ex post*, а с другой — не приводит к эскалации конфликта. Кроме того, у государств появляется пространство для манёвров в виртуальной среде, поскольку оно может правомерно действовать в «серой зоне», но будет обязано возместить вред в случае его причинения. Думается, что признание режима ответственности за киберделикт позволит создать надлежащие стимулы для совершенствования способов проведения кибервмешательств.

³⁵ Более подробно о компенсационных нормах см.: [Савельева 1996: 31].

Список литературы

- Белых В.С., Пучков В.О. Концепция киберделикта (Cybertort) в англо-американском праве // Юрист. 2020. № 10. С. 2–11.
- Гаджиев Г.А. Принцип равного правонаделения и паритетной (эластичной) правовой защиты // Гражданское право: современные проблемы науки, законодательства, практики: Сб. статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Евгения Алексеевича Суханова. М.: Статут, 2018. С. 132–150.
- Гаркуша-Божко С.Ю. Проблема кибершпионажа в международном гуманитарном праве // Московский журнал международного права. 2021. № 1. С. 70–80. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-70-80>
- Иноземцев М.И. Цифровое право: в поисках определённости // Цифровое право. 2021. Т. 2. № 1. С. 8–28. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-1-8-28>
- Коциоль Х. Гибкая система – золотая середина в законодательстве и доктрине // Вестник гражданского права. 2016. Т. 16. № 6. С. 246–267.
- Кожеуров Я.С. Дифференциация международной ответственности: тенденции и перспективы // Будущее международного права: Сб. статей / Под ред. К. А. Бекашева. М.: Проспект, 2016. С. 166–178.
- Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть: Учебник для студентов юрид. фак. и вузов. М.: Волтерс Клувер, 2005. 517 с.
- Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. СПб.: Министерство Путей Сообщения, 1882. 419 с.
- Международное право: В 2 ч. Ч. 2: Учебник для вузов / Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. М.: Юрайт, 2021. 664 с.
- Познер Р.А. Рубежи теории права / Пер. с англ. И.В. Кушнаревой; под ред. М.И. Одинцовой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 482 с.
- Русинова В.Н. Международно-правовая квалификация вредоносного использования информационно-коммуникационных технологий: в поисках консенсуса // Московский журнал международного права. 2022. № 1. С. 38–51. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-1-38-51>
- Савельева Л.В. Проблема объективной ответственности в международном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГИМО МИД России, 1996. 180 с.
- Синицын С.А., Дьяконова М.О., Чурсина Т.И. Смарт-контракты в цифровой экономике: договорное регулирование и разрешение споров // Цифровое право. 2021. Т. 2. № 4. С. 40–50. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-4-40-50>
- Степанов С.К. Деконструкция правосубъектности или место искусственного интеллекта в праве // Цифровое право. 2021. Т. 2. № 2. С. 14–30. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-2-14-30>
- Суханов Е.А. О гражданско-правовой природе цифрового имущества // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21. № 6. С. 7–29.
- Уэрта де Сото Х. Социализм, экономический расчёт и предпринимательская функция / Пер. с англ. В. Кошкина; под ред. А. Куряева. М.; Челябинск: ИПИСЭН; Социум, 2008. 488 с.
- Cartier M. Begriff der Widerrechtlichkeit nach Art. 41 OR: Dissertation der Universität St. Gallen, Hochschule für Wirtschafts-, Rechts- und Sozialwissenschaften (HSG) zur Erlangung der Würde eines Doktors der Rechtswissenschaft. Nr. 3287. Eschen, 2007. S. 198.
- Chircop L. A Due Diligence Standard of Attribution in Cyberspace // International and Comparative Law Quarterly. 2018. Vol. 67. No. 3. P. 643–668. <https://doi.org/10.1017/S0020589318000015>
- Croft R. International Cybertorts: Expanding State Accountability in Cyberspace // Cornell Law Review. 2018. Vol. 103. No. 3. P. 565–644.
- Dam C. van. European Tort Law. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2013. 656 p.
- Duranske B.T. Virtual Law: Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds. Chicago: ABA Publishing, 2008. 461 p.
- Finnis J. Absolute Rights: Some Problems Illustrated // The American Journal of Jurisprudence. 2016. Vol. 61. No. 2. P. 195–215. <https://doi.org/10.1093/ajj/auw015>
- Gill T.D. Non-Intervention in the Cyber Context // Peacetime Regime for State Activities in Cyberspace International Law, International Relations and Diplomacy / Ed. by K. Ziolkowski. Tallinn: NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence, 2013. P. 217–238.
- Hathaway D. et al. The Law of Cyber-Attack // California Law Review. 2012. Vol. 100. No. 4. P. 817–885.
- Gross O. Cyber Responsibility to Protect: Legal Obligations of States Directly Affected by Cyber-Incidents // Cornell International Law Journal. 2015. Vol. 48. No. 3. P. 481–511.
- Jansen N. Das Problem der Rechtswidrigkeit bei § 823 Abs. 1 BGB // Archiv für die civilistische Praxis. 2002. Bd. 202. S. 517–554.

- Koziol H.* Das bewegliche System – die golden Mitte für Gesetzgebung und Dogmatik // *Austrian Law Journal*. 2017. Bd. 3. S. 160–182.
- Lubin A.* Cyber Law and Espionage Law as Communicating Vessels // *Proceedings of the 10th International Conference on Cyber Conflict, CyCon X: Maximising Effects*. 2018 / Ed. by T. Minárik, R. Jakschis, L. Lindström. Tallinn: NATO CCD COE Publications, 2018. P. 203–226.
- Fitzmaurice M.* International Responsibility and Liability // *Oxford Handbook of International Environmental Law* / ed. by D. Bodansky, J. Brunnee, E. Hey. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 1010–1035. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199552153.013.0044>
- Maras M.-H.* Cybercriminology. Oxford: Oxford University Press, 2016. 448 p.
- Maurer T.* Cyber Mercenaries: The State, Hackers, and Power. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 266 p.
- Murphy J.* Heterogeneity of Tort Law // *Oxford Journal of Legal Studies*. 2019. Vol. 39. No. 3. P. 455–482. <https://doi.org/10.1093/ojls/gqz008>
- Nipperdey H.C.* Rechtswidrigkeit, Sozialadäquanz, Fahrlässigkeit, Schuld im Zivilrecht // *Neue Juristische Wochenschrift*. 1957. Bd. 10. S. 1777–1782.
- Pirker B.* Territorial Sovereignty and Integrity and the Challenges of Cyberspace // *Peacetime Regime for State Activities in Cyberspace International Law, International Relations and Diplomacy* / Ed. by K. Ziolkowski. Tallinn: NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence, 2013. P. 189–289.
- Rustad M.L.* The Role of Cybertorts in Internet Governance // *The Comparative Law Yearbook of International Business*. Vol. 31 / Ed. by D. Campbell. Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2009. P. 391–419.
- Schmitt M.* In Defense of Due Diligence in Cyberspace // *Yale Law Journal Forum*. 2015. No. 68. P. 68–81.
- Shackelford S., Russell S., Kuehn A.* Unpacking the International Law on Cybersecurity Due Diligence: Lessons from the Public and Private Sectors // *Chicago Journal of International Law*. 2016. Vol. 17. No. 1. P. 1–50. URL: <https://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1700&context=cjil>
- Shaw M.* International Law. 9th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 1308 p.
- Sucharitkul S.* State Responsibility and International Liability under International Law // *The Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Review*. 1996. Vol. 18. P. 821–840.
- Walton B.A.* Duties Owed: Low-Intensity Cyber Attacks and Liability for Transboundary Torts in International Law // *Yale Law Journal*. 2017. Vol. 126. No. 5. P. 1460–1519.

THE CONCEPT OF CYBERTORT AND LIABILITY IN INTERNATIONAL LAW

MAXIM INOZEMTSEV

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

SEMEN STEPANOV

HSE University, Moscow, 101000, Russia

Abstract

The digitalization of social relations not only simplifies life, but also creates the ground for an increase in the number of offences in cyberspace, including those involving subjects of international law. Victimized countries often resort to the use of disproportionate measures against offending States using traditional instruments of international law. In addition, the lack of optimal means of responding to low-intensity cyber-interference is ineffective. Having considered the main mechanisms and complexities faced by international law when states inflict harm through digital technologies, the authors propose a private law concept of cybertort, the use of which, on the one hand, makes it possible to eliminate the consequences

of ex post violations and, on the other hand, does not lead to an escalation of the existing conflict. In describing the problems of interstate interaction, the auxiliary nature of the use of private legal tools is emphasized. Using both systemic and comparativist methods of research, the authors reveal the essence and legal consequences of the variable qualification of an act as an offense (state responsibility) or an act not prohibited by international law (state liability), as well as substantiate the need to apply a flexible system of legal regulation to the law of causing harm on the Internet. Using the critical method, the shortcomings of the modern doctrine of international law in the considered context are revealed. Using the deductive method, with reference to Russian and foreign doctrinal sources, legal acts, as well as judicial practice, an optimal regime of liability for an offence in the digital environment is proposed, which creates appropriate incentives to improve the methods of cyber-interference.

Keywords:

cybertort; cyber interference; cyber-attack; international law; tort; liability; digital law.

References

- Belykh V.S., Puchkov V.O. (2020). Kontseptsiya kiberdelikta (Cybertort) v anglo-amerikanskom prave [The Cybertort Concept in the Anglo-American law]. *Yurist*. No. 10. P. 2–11.
- Cartier M. (2007). *Begriff der Widerrechtlichkeit nach Art. 41 OR*. Dissertation der Universität St. Gallen, Hochschule für Wirtschafts-, Rechts- und Sozialwissenschaften (HSG) zur Erlangung der Würde eines Doktors der Rechtswissenschaft. Nr. 3287. Eschen. S. 198.
- Chircop L. (2018). A Due Diligence Standard of Attribution in Cyberspace // *International and Comparative Law Quarterly*. Vol. 67. No. 3. P. 643–668. <https://doi.org/10.1017/S0020589318000015>
- Crootoof R. (2018). International Cybertorts: Expanding State Accountability in Cyberspace. *Cornell Law Review*. Vol. 103. No. 3. P. 565–644.
- Dam C. van (2013). *European Tort Law*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press. 656 p.
- Duranske B.T. (2008). *Virtual Law: Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds*. Chicago: ABA Publishing. 461 p.
- Finnis J. (2016). Absolute Rights: Some Problems Illustrated. *The American Journal of Jurisprudence*. Vol. 61. No. 2. P. 195–215. <https://doi.org/10.1093/ajj/auw015>
- Fitzmaurice M. (2008). International Responsibility and Liability. In D. Bodansky, J. Brunnee, E. Hey. (eds.). *Oxford Handbook of International Environmental Law*. Oxford: Oxford University Press. P. 1010–1035. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199552153.013.0044>
- Gadzhiev G.A. (2018). Printsip ravnogo pravnodeleniya i paritetnoy (elastichnoy) pravovoy zashchity [The Principle of Equal Entitlement and Parity (Elastic) Legal Protection]. *Civil Law: Modern Problems of Science, Legislation, Practice: Collection of Articles for the Anniversary of Doctor of Law, Professor Evgeny Alekseevich Sukhanov*. Moscow: Statut. P. 132–150.
- Garkusha-Bozhko S.Y. (2021). Problema kibershpiionazha v mezhdunarodnom gumanitarnom prave [The Problem of Cyber Espionage in International Humanitarian Law]. *Moscow Journal of International Law*. No. 1. P. 70–80. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-70-80>
- Gill T.D. (2013). Non-Intervention in the Cyber Context. In: K. Ziolkowski. (ed.). *Peacetime Regime for State Activities in Cyberspace International Law, International Relations and Diplomacy*. Tallinn: NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. P. 217–238.
- Gross O. (2015). Cyber Responsibility to Protect: Legal Obligations of States Directly Affected by Cyber-Incidents. *Cornell International Law Journal*. Vol. 48. P. 481–511.
- Hathaway O. et al. (2012). The Law of Cyber-Attack. *California Law Review*. Vol. 100. No. 4. P. 817–885.
- Inozemtsev M.I. (2021). Tsifrovoye pravo: v poiskakh opredelennosti [Digital Law: the pursuit of certainty]. *Digital Law Journal*. Vol. 2. No. 1. P. 8–28. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-1-8-28>
- Jansen N. (2002). Das Problem der Rechtswidrigkeit bei § 823 Abs. 1 BGB. *Archiv für die civilistische Praxis*. Bd. 202. S. 517–554.
- Kozheurov Y.S. (2016). Differentsiatsiya mezhdunarodnoy otvetstvennosti: tendentsii i perspektivy [Differentiation of International responsibility: the trends and prospects]. In: K. A. Bekyasheva. (ed.). *The Future of International Law: Collection of Articles*. Moscow: Prospekt. P. 166–178.
- Kozioł H. (2016). Gibkaya sistema – zolotaya seredina v zakonodatel'stve i doktrine [Flexible System – Golden Mean in Legislation and Doctrine]. *Herald of Civil Law*. No. 6. P. 246–267.
- Kozioł H. (2017). Das bewegliche System – die golden Mitte für Gesetzgebung und Dogmatik. *Austrian Law Journal*. Bd. 3. S. 160–182.

- Lubin A. (2018). Cyber Law and Espionage Law as Communicating Vessels. In: T. Minárik, R. Jakschis, L. Lindström (eds.). *Proceedings of the 10th International Conference on Cyber Conflict, CyCon X: Maximising Effects. 2018*. Tallinn: NATO CCD COE Publications. P. 203–226.
- Lukashuk I.I. (2005). *Mezhdunarodnoe pravo. Osobennaya chast': Uchebnik dlya studentov yurid. fak. i vuzov* [International Law. Special Part: A textbook for law students]. 3rd ed., rev. and exp. Moscow: Walters Kluwer. 517 p.
- Maras M.-H. (2017). *Cybercriminology*. Oxford: Oxford University Press. 448 p.
- Martens F.F. (1882). *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov* [Modern International Law of Civilized Peoples]. Saint Petersburg: Ministerstvo Putey Soobshcheniya. 419 p.
- Maurer T. (2018). *Cyber Mercenaries: The State, Hackers, and Power*. Cambridge: Cambridge University Press. 266 p.
- Murphy J. (2019). Heterogeneity of Tort Law. *Oxford Journal of Legal Studies*. Vol. 39. No. 3. P. 455–482. <https://doi.org/10.1093/ojls/gqz008>
- Nipperdey H.C. (1957). Rechtswidrigkeit, Sozialadäquanz, Fahrlässigkeit, Schuld im Zivilrecht. *Neue Juristische Wochenschrift*. Bd. 10. S. 1777–1782.
- Pirker B. (2013). Territorial Sovereignty and Integrity and the Challenges of Cyberspace. In: K. Ziolkowski. (ed.). *Peacetime Regime for State Activities in Cyberspace International Law, International Relations and Diplomacy*. Tallinn: NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. P. 189–289.
- Pozner R.A. (2020). *Rubezhi teorii prava* [Frontiers of the Theory of Law]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 482 p.
- Rusinova V.N. (2022). Mezhdunarodno-pravovaya kvalifikatsiya vredonosnogo ispol'zovaniya informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy: v poiskakh konsensusa [International Legal Qualification of the Harmful Use of Information and Communication Technologies: in search of consensus]. *Moscow Journal of International Law*. No. 1. P. 38–51. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-1-38-51>
- Rustad M.L. (2009). The Role of Cybertorts in Internet Governance. In: D. Campbell. *The Comparative Law Yearbook of International Business*. Vol. 31. Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International. P. 391–419.
- Savel'eva L.V. (1996). *Problema ob'ektivnoy otvetstvennosti v mezhdunarodnom prave* [The problem of objective liability in international law]. PhD thesis. Moscow. 180 p.
- Shackelford S., Russell S., Kuehn A. (2016). Unpacking the International Law on Cybersecurity Due Diligence: Lessons from the Public and Private Sectors. *Chicago Journal of International Law*. Vol. 17. No. 1. P. 1–50. URL: <https://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1700&context=cjil>
- Shaw M. (2021). *International Law*. 9th ed. Cambridge: Cambridge University Press. 1308 p.
- Schmitt M. (2015). In Defense of Due Diligence in Cyberspace. *Yale Law Journal Forum*. No. 68. P. 68–81.
- Sinitsyn S.A., Diakonova M.O., Chursina T.I. *Smart-kontrakty v cifrovoy ekonomike: dogovornoe regulirovanie i razreshenie sporov* [Smart-Contracts in the digital economy: Contractual regulation and dispute resolution]. *Tsifrovoe pravo*. Vol. 2. No. 4. P. 40–50. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-4-40-50>
- Stepanov S.K. (2021). Dekonstruktsiya pravosub'ektnosti ili mesto iskusstvennogo intellekta v prave [Deconstruction of the Legal Personality of Artificial Intelligence]. *Digital Law Journal*. Vol. 2. No. 2. P. 14–30. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-2-14-30>
- Sucharitkul S. (1996). State Responsibility and International Liability Under International Law. *The Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Review*. Vol. 18. P. 821–840.
- Suhanov E.A. (2021). O grazhdansko-pravovoy prirode tsifrovogo imushchestva [On the Civil Law Nature of Digital Property]. *Herald of Civil Law*. Vol. 21. No. 6. P. 7–29.
- Uerta de Soto H. (2008). *Sotsializm, ekonomicheskii raschet i predprinimatelskaya funktsiya* [Socialism, Economic Calculation, and the Entrepreneurial Function]. Moscow; Chelyabinsk: IRISEN; Socium. 488 p.
- Schmitt M.N. (ed.) (2017). *Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations*. Prepared by the International Groups of Experts at the Invitation of the NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Cambridge: Cambridge University Press. 598 p. <https://doi.org/10.1017/9781316822524>
- Vylegzhanin A.N. (ed.). (2021). *Mezhdunarodnoe pravo. V 2 chastyakh. Ch. 2: Uchebnik dlya vuzov* [International Law. In 2 parts. Part 2: textbook for universities]. 4th ed. Moscow: Yurayt. 664 p.
- Walton B.A. (2017). Duties Owed: Low-Intensity Cyber Attacks and Liability for Transboundary Torts in International Law. *Yale Law Journal*. Vol. 126. No. 5. P. 1460–1519.

ФИКСИРУЕМ ТЕНДЕНЦИЮ

СИМБИОЗ И СОПЕРНИЧЕСТВО ДИНАМИКА РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРСПЕКТИВЕ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СТАТУСА

НИКОЛАЙ СИЛАЕВ
ИВАН САФРАНЧУК
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Как объяснить противоречивость российско-турецких отношений, сочетающих тесное сотрудничество с враждебностью, а постоянство с непредсказуемостью? Существующие объяснения, основанные на материальных факторах экономической выгоды и безопасности, не работают в тех случаях, когда Москва и/или Анкара приносят экономическую составляющую своих отношений в жертву соображениям иного порядка. Эти объяснения также не учитывают социально конструируемую природу безопасности. В исследованиях, основанных на экстраполяции длинных циклов общей истории двух стран, не затрагиваются механизмы, посредством которых эти циклы проявляют себя в постоянно меняющейся мировой политике. В статье предложен анализ российско-турецкой динамики взаимодействия, связанного с теорией международного статуса как набора коллективных представлений о месте государства в ряду других государств. Мы применяем статусный подход к анализу двусторонних отношений, проследив на примерах Сирии и Карабаха, как Москва и Анкара признают и подкрепляют или отвергают и подрывают статусные притязания друг друга. Переменчивый характер российско-турецких отношений определяется двумя обстоятельствами. С одной стороны, Россия и Турция обеспечивают друг другу взаимное статусное признание. В сущности, они представляют друг для друга международный коллектив или референтную группу, в рамках которого удовлетворяются их притязания на высокий международный статус. Именно поэтому Москве и Анкаре необходимо поддерживать хотя бы минимальный уровень сотрудничества: разрыв и конфронтация подорвали бы механизм взаимного статусного признания. С другой стороны, между Россией и Турцией сохраняется статусное неравенство. Россия — ядерная держава и постоянный член Совета Безопасности ООН. Турция — держава средней величины, претендующая на статус великой державы. Это неравенство порождает статусную конкуренцию, подталкивающую Москву и Анкару к внешнеполитическому соперничеству.

Ключевые слова:

Россия; Турция; внешняя политика; международный статус; Карабах.

Статья подготовлена при финансовой поддержке МГИМО МИД России в рамках гранта ИМИ № 2025-04-04.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.07.2023

Дата принятия к публикации: 08.11.2023

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: nikolai.silaev@gmail.com

Я тебя уважаю, ты меня уважаешь,
мы с тобой — уважаемые люди!

Михаил Жванецкий, «Дефицит»

Отношения России и Турции подвержены серьёзным колебаниям. В ноябре 2015 г. турецкий истребитель сбил российский бомбардировщик Су-24 в воздушном пространстве Сирии — Москва и Анкара оказались на грани прямого военного столкновения. Вместе с тем уже в октябре 2016 г. было подписано соглашение о строительстве газопровода «Турецкий поток», который превратил Анкару в транзитёра российского газа на рынок ЕС. В декабре 2016 г. российского посла в Турецкой Республике А. Г. Карлова застрелил террорист, что стало исключительным случаем в истории российской дипломатии. Через несколько недель, в начале 2017 года, Россия, Турция и Иран провели первую встречу Астанинского формата переговоров об урегулировании внутреннего конфликта в Сирии. В сентябре 2017 г. Москва и Анкара подписали соглашение о поставке в Турцию российских систем противовоздушной обороны С-400. Вашингтон расценил эту сделку как подрыв союзнических обязательств государства-члена НАТО перед Альянсом. В апреле 2018 г. российские специалисты начали строить АЭС «Аккую» в Турецкой Республике. Между тем в начале 2020 г. две страны вновь приблизились к конфликту, когда сирийские правительственные силы в провинции Идлиб вступили в боевые действия с протурецкими вооружёнными формированиями. Российский и турецкий лидеры согласовали новое перемирие. Осенью 2020 г. позиции двух стран резко разошлись по вопросу о новой войне в Нагорном Карабахе. Российские официальные лица открыто заявили, что Турция оказывает широкую военную помощь Азербайджану, были нанесены ракетные удары по лагерям подго-

товки протурецких вооружённых группировок на территории Сирии¹. Анкара, в свою очередь, активизировала свою деятельность на украинском направлении, поставив Киеву ударно-разведывательные беспилотники собственного производства и пообещав содействие в строительстве украинского военно-морского флота. После начала Специальной военной операции на Украине Турция продолжила поставлять Киеву оружие. Тем не менее отказ Анкары осудить действия Москвы и присоединиться к антироссийским санкциям Запада сделал её одним из важнейших внешнеполитических и внешнеэкономических партнёров Российской Федерации. В сентябре 2022 г. лидер Турции Реджеп Эрдоган принял участие во встрече на высшем уровне Шанхайской организации сотрудничества в Самарканде, опровергая тем самым западный тезис о международной дипломатической изоляции России.

Подобная резкая смена похолоданий и потеплений двусторонних отношений свойственна турецкой внешней политике и на других направлениях: во взаимодействии Анкары с Берлином [Hintz 2019] или с Вашингтоном [Berlinski 2010]. Вместе с тем, пожалуй, в случае с Россией амплитуда колебаний достигает максимального размаха — от свидетельств высокого взаимного доверия до угрозы военного столкновения. Как объяснить противоречивость российско-турецких отношений, сочетающих теснейшее сотрудничество с враждебностью, а постоянство с непредсказуемостью?

Существующие объяснения либо игнорируют переменчивый характер взаимодействия этих стран, сосредоточиваясь на

¹ О ситуации вокруг Нагорного Карабаха // Служба внешней разведки Российской Федерации. 06.10.2020. URL: <http://svr.gov.ru/smi/2020/10/o-situatsii-vokrug-nagornogo-karabakha.htm> (дата обращения: 12.07.2023).

поиске причин их сближения после окончания «холодной войны» и распада Советского Союза, либо ищут истоки сложившейся ситуации в длительных исторических циклах отношений России и Турции друг с другом и с Западом. Последний подход оправдан для анализа взаимодействия двух держав, выстраивающих самоидентификацию на фундаменте своей долгой имперской истории. Тем не менее он не даёт ответа на вопрос, почему тенденции, проявлявшиеся в прошлом, прослеживаются до сих пор?

В настоящей работе наблюдаемая динамика объясняется с опорой на теорию международного статуса. Разумеется, нельзя исключать мотивы экономической пользы и/или безопасности, которые в равной степени влияют на развитие диалога двух стран. Между тем именно соображения статусного характера придают противоречивость и изменчивость этим отношениям. Стремление максимизировать статусный выигрыш в двусторонних и многосторонних взаимодействиях делает их столь нестабильными и напряжёнными. В контексте статусных притязаний для обеих сторон приобретает актуальный смысл и их память об имперском прошлом.

Далее мы разберём наиболее влиятельные объяснения динамики российско-турецких отношений, критически проанализируем ключевые положения теории международного статуса, а затем проверим эти положения на примере российско-турецких отношений.

Объяснения российско-турецкого парадокса

Причины российско-турецкого сближения после 2000 г. в целом не вызывают споров у исследователей. После окончания «холодной войны», распада Советского Союза и Организации Варшавского договора стратегический контекст, в котором Турция проводила свою внешнюю политику, кардинальным образом изменился. Если до начала 1990-х годов и для Анкары, и для Вашингтона была очевидна необходимость их союза, то после прекращения

существования СССР и социалистического лагеря ситуация перестала быть столь однозначной [Menon, Wimbush 2007; Güvenç, Özel 2012]. Союзники ближневосточной державы уже не испытывали столь сильной потребности в «Южном оплоте НАТО» [Criss, Güner 1999]. Для турецкой стороны, чья внешняя политика на протяжении многих десятилетий оставалась в тени её партнёров по Альянсу, появились возможности проведения широких самостоятельных действий. Тем не менее её активность на постсоветском пространстве поощрялась западными странами, которые, с одной стороны, не успели выработать общий курс в отношении новых независимых государств, ранее входивших в состав Советского Союза, а с другой — опасались их возвращения в той или иной форме под контроль Москвы, а также роста регионального влияния Ирана [Кенгерли 2004: 112].

Короткое потепление в отношениях США и Турции после прихода партии Р. Эрдогана к власти — в 2002 г. он считался образцом лидера-демократа в мусульманской стране — быстро сменилось взаимным разочарованием. Анкара отказалась поддерживать вторжение коалиции во главе с Соединёнными Штатами в Ирак и выразила особую обеспокоенность альянсом американцев с иракскими курдами. По выражению Ф. Хилл и О. Ташпынара, американо-турецкие отношения стали «жертвой иракской войны» [Hill, Taspınar 2006].

В то же время сотрудничество Турецкой Республики с Россией после 2000 г. укреплялось быстрыми темпами. Масштаб опасений Анкары относительно Москвы после распада СССР значительно снизился. Две страны утратили общую границу и больше не представляли непосредственную угрозу друг другу [Aktürk 2006; Aktürk 2014; Шерстюков, Бодиштану 2021]. Обе стороны были недовольны состоянием своих отношений с Вашингтоном и Брюсселем [Joobani, Mousavipour 2015]. Они испытывали беспокойство по поводу усиления присутствия Запада на территориях, непосредственно прилегающих к их границам, а

также по поводу западной политики «продвижения демократии» [Lagabee 2010]. Рост взаимной торговли и инвестиций на фоне экономического подъёма двух стран в 2000-х годах закрепил их политическое сближение, хотя и не был для него решающим фактором [Demiryol 2015]. Помимо разочарования в отношениях с Западом и экономических выгод, исследователи также упоминают схожесть российского и турецкого политических режимов [White, Herzog 2016; Warhola, Mitchell 2006].

Сложнее тем не менее объяснить динамичность российско-турецких отношений, их склонность к резким поворотам. Обращающиеся к теме специалисты нередко оставляют этот вопрос в стороне. Анализ, как правило, завершается на моменте, когда отношения Москвы и Анкары приходят к некоему стабильному, пусть и промежуточному, итогу. В таком случае констатируется, например, что сближение России и Турции имеет пределы, связанные с различными интересами двух держав в черноморском, закавказском, ближневосточном и других регионах мира [Köstem 2020; Аватков, Гудев 2021]. Другое возможное объяснение парадокса заключается в признании чрезвычайно высокой степени взаимозависимости двух стран, которая не позволяет доводить двусторонние отношения до полного разрыва [Aktürk 2019].

Актуализация тех или иных альтернативных интерпретаций соответствует состоянию взаимодействия двух стран в конкретный момент времени. В зависимости от текущих обстоятельств исследователи делают акцент либо на сюжетах, которые их сближают, либо на многочисленных предпосылках к расколу. С долей условности можно говорить о «пессимистах» и «оптимистах». Одни исследователи подчёркивают, что сближение России и Турции не отменяет устойчивых противоречий. Другие настаивают на том, что факторы сближения настолько фундаментальны, что даже многочисленные расхождения не могут ему препятствовать.

Вместе с тем, если бы интересы двух стран не всегда и не во всём совпадали —

иное было бы поистине удивительно для двух крупных влиятельных держав-соседей — резонно было бы ожидать, что с течением времени они установят отношения, которые будут отражать равновесие между согласием и его отсутствием по ряду вопросов. Вероятно, это соотношение не будет окончательным, но может быть стабильным — без резких колебаний от дружбы к вражде. За десятилетия российско-турецкого сближения оно так и не было установлено, что представляет собой загадку отношений двух стран.

Ряд работ фокусируется именно на объяснении противоречивого и динамичного характера российско-турецких отношений. П.В. Шлыков рассматривает внешнюю политику Анкары в рамках теории хеджирования, разработанной для описания и анализа внешнеполитических стратегий, не укладывающихся в классическую реалистскую дихотомию примыкания и балансирования. Согласно подходу отечественного исследователя, Турция по отношению к России (как и к другим великим державам) избегает как открытого антагонизма, так и подчинения [Шлыков 2023].

Виктор Таки обращает внимание на сходство двух стран в вопросе вестернизации: будучи изначально незападными обществами, они прошли её, не утратив при этом политического суверенитета. Как Российская Федерация, так и Турецкая Республика выстраивают свою идентичность за счёт сочетания ориентализма (критики «дикого» Востока) и окцидентализма (критики «цивилизованного» Запада). Приверженность российской и турецкой элит суверенитету делает для них невозможным присоединение к западному сообществу безопасности, но и не позволяет поступиться своими интересами в двусторонних отношениях. Исследователь видит в таких отношениях России и Турции своего рода залог возрождения в глобальном масштабе Вестфальской международной системы как гарантии сохранения политического многообразия мира [Таки 2023]. Любопытно, что аргумент о прообразе полицентричного мира перекликается

с высказанной ранее точкой зрения Зии Ониша и Шухназа Йылмаза. Эти специалисты назвали сочетание тесного экономического партнёрства и геополитического соперничества новой нормой для мира, в котором Запад утрачивает превосходство, а США — гегемонию [Öniş, Yılmaz 2016].

Борис Межуев считает, что обе страны объединяет их нынешняя роль «отвергнутых маргиналов Евро-Атлантики». Это утверждение близко высказывавшемуся ранее другими исследователями доводу, что одной из причин российско-турецкого сближения было их разочарование в отношениях с США и ЕС. Между тем Межуев также объясняет и глубинные причины соперничества между двумя державами, которые на протяжении столетий претендовали на роль восточного балансира европейской международной системы [Межуев 2019]. Этот подход не учитывает сохранение противоречий между Москвой и Анкарой в условиях, когда их соперничество за роль в Европе более неактуально. В этом вопросе исследователь склоняется к группе оптимистов, которые сосредоточиваются на позитивной стороне российско-турецкого парадокса.

Достаточно ли сказать, что Россия и Турция — незападные общества, прошедшие вестернизацию и сохранившие при этом политический суверенитет? В зависимости от того, как оценивать степень вестернизации и масштабы суверенитета, этому же определению могут отвечать и Иран, и Китай, и Япония. Тем не менее их отношения с Россией сильно отличаются от таковых у Турции. Объяснения, опирающиеся на длительные исторические тенденции, эвристичны и убедительны, но в них не всегда прослеживается надёжная связь между — пользуясь выражениями Фернана Броделя — «долгим временем» и «пылью событий».

В «долгом времени» Россия и Турция определяли и до известной степени продолжают определять самих себя и свою внешнюю политику сквозь призму взаимодействия с европейскими странами и в целом с Западом. На уровне «пыли событий» их отношения колеблются между довери-

тельной дружбой и открытой враждой, причём отдельные эпизоды претендуют на зарождение некой новой тенденции «длинного времени», например полицентричного мира или постгегемонистского мирового порядка. В этой связи любое объяснение, которое игнорирует либо противоречивую событийную динамику двустороннего взаимодействия двух стран, либо долгосрочные исторические тенденции, обречено быть неполным. Существует ли теоретическая рамка, которая может объединить и «пыль событий», и «долгое время»?

Россия и Турция в теории статуса

С 2010-х годов понятие «статус» всё чаще применяется в исследованиях по международным отношениям, опубликованных на английском языке. С теоретической точки зрения это понятие преодолевает сравнительно узкие рамки таких объяснений международной динамики, которые сосредоточены на сравнении материальной мощи государств и/или анализе внутривнутриполитических факторов принятия решений [MacDonald, Parent 2021]. С политической точки зрения изучение статусной конкуренции представляет собой реакцию западных международныхников на проблему подъёма Китая как потенциального, а потом и реального соперника США. Примечательно, что оно выдвинулось на первый план после глобального экономического кризиса 2008–2009 годов, когда влияние Пекина возросло. Во внешней политике Соединённых Штатов и их союзников всё более важное место стал занимать вопрос о том, как адаптироваться к возрастающему могуществу КНР и других восходящих держав, не ставя при этом под сомнение американоцентричный мировой порядок. «Статус» казался адекватным ответом: казалось, США получали возможность снизить угрозу со стороны потенциальных соперников, не предоставляя последним материальных уступок, а лишь проявляя к ним чуть больше уважения.

Понятие статуса заимствовано международниками из теории социальной идентичности (Social Identity Theory), разработан-

ной Анри Тэшфелом [Tajfel 1978]. Индивидуальная идентичность частично формируется благодаря членству человека в социальных группах – этнических, профессиональных или иных. По этой причине люди заинтересованы, чтобы их группа в позитивном смысле отличалась от других или превосходила их. Этот психологический механизм и определяет стремление государств к более высокому положению [Larson, Shevchenko 2019]. Они, как и индивиды, нуждаются в уважении со стороны себе подобных [Wolf 2011]. Исследователи определяют статус как коллективные представления о месте данного субъекта в ряду других государств, упорядоченных по значимым характеристикам, таким как благосостояние, силовые возможности, культура, демографический потенциал, дипломатическое влияние [Paul, Larson, Wohlforth 2014: 7]. Набор областей, в которых политики могут бороться за признание за ними высокого статуса, теоретически неограничен. Например, историческая ответственность за преступления нацизма, принятая на себя Германией, стала для неё источником морального авторитета, а значит – и высокого статуса².

Исследователи, занимающиеся данной проблематикой, обращают внимание на её двойственный характер. С одной стороны, статус может определяться категориально, то есть через принадлежность государства к определённой группе или «клубу». Речь идёт, в частности, об Организации Объединённых Наций. Войти в её состав стремятся все непризнанные или частично признанные государства. Постоянное членство в Совете Безопасности ООН, в свою очередь, маркирует великодержавный статус. В качестве престижного «клуба» может выступать и «Большая двадцатка», объединяющая крупнейшие экономики мира, и группа государств, обладающих ядерным оружием, и державы, обладающие космическими технологиями.

С другой стороны, статус имеет реляционный относительный характер и опреде-

ляется через сравнение одного государства с другими, даже если все они входят в один «клуб». Причём имеет значение не только и не столько наличие у субъекта значимых характеристик, по которым он превосходит других игроков, сколько признание этого превосходства со стороны остальных участников международной системы и связанное с признанием добровольное уважение [MacDonald, Parent 2021]. В этом отношении статус субъективен [Paul, Larson, Wohlforth 2014: 8]. Статусное признание одного государства другим может и не состояться, хотя претендент достиг необходимого материального превосходства. Великобритания в конце XIX – начале XX века, несмотря на весьма агрессивное поведение Германии и Соединённых Штатов, признавала лишь за последними статус мировой державы [Murray 2018: 168, 193].

Теория международного статуса пока далека от методологического идеала. В частности, не ясно, как отличать эффекты, которые оказывают на международную политику статусные соображения, от тех, которые оказывает сила или иные факторы, привычные для исследований в области международных отношений. Не всегда очевидно, где проходят границы между статусом, репутацией и престижем. Нет чёткого ответа, как можно его измерить, особенно в реляционном проявлении. Как убедиться, что за государством признаётся определённый статус со стороны других игроков, особенно если речь не идёт о «клубах» с юридически закреплённым членством? Присущая оценкам субъективность открывает широкий простор для интерпретации признания. Например, Ивэр Нойманн полагает, что в XIX веке Российскую империю не признавали великой державой другие европейские государства. Он указывает на абсолютистский политический режим и жалобы современников на российскую непросвещённость [Neumann 2014], хотя с точки зрения дипломатии великодержавный статус России был в ту эпоху неоспорим.

² Krastev I., Bernardo L. The Politics of Atonement // Prospect. 2020. August/September. P. 44–47.

Серьёзную уязвимость для теории в её нынешнем виде представляет допущение, что существующая статусная иерархия государств достаточно стабильна и признаётся большинством членов международной системы. В трудах многих исследователей подразумевается, что именно Запад в лице Соединённых Штатов и их союзников выступает последней инстанцией, принимающей решение о признании того или иного статуса за государством. Это положение оправданно для постбиполярного периода, но оно может не работать в иные исторические эпохи. Например, оно едва ли релевантно для периода блокового противостояния или мировых войн (в последнем случае, возможно, не имеет смысла и сама постановка вопроса о статусе). Если США рассматривают стремление восходящих держав – Китая, Индии или других – повысить свой статус в существующей международной иерархии, сами эти страны могут воспринимать эту проблему иначе. В частности, они могут подвергать сомнению саму иерархию и принципы, на которых она выстроена.

Это неявное допущение породило ещё одну теоретическую лакуну. Если международный статус по своей природе коллективный, то есть предполагает признание статусных притязаний претендента со стороны многих государств, то каковы минимальный размер и качество группы субъектов, требуемой для признания? После начала Специальной военной операции на Украине Запад рассматривает Россию как изгоя и заявляет о её международной изоляции³. Россия же участвует во встрече на высшем уровне Шанхайской организации сотрудничества (сентябрь 2022 года), тем самым её статусные притязания как одного из центров полицентричного мира признаются со стороны мирового большинства – стран, чьё совокупное население составляет более половины всех жите-

лей планеты. В ситуации меняющегося мирового порядка конкуренция иерархий, в рамках которых осуществляются статусные признания, по-видимому, представляет собой норму. Международно-политическая нестабильность порождает и неустойчивость статусных иерархий. В таких условиях государства должны быть особенно чувствительны к вопросам статуса – формируются новые иерархии, и надо занять в них наиболее благоприятное место. Возрастает и ценность статусных признаний со стороны других участников международной системы, даже если их нельзя назвать «коллективными» в значении «охватывающими все или большинство государств мира».

Россия, наряду с Китаем, нередко служит для исследователей примером страны, претендующей на более высокий международный статус [Larson, Shevchenko 2019; Krickovic, Zhang 2020; Nesmashnyi et al. 2022]. Вместе с тем и внешняя политика Турции всё чаще рассматривается в такой же логике [Dal 2019; Larson, Shevchenko 2014]. Мы предлагаем применить статусный подход не к отдельно взятым внешним политикам двух стран, а к процессу взаимодействия между ними. Таким образом, планируется проследить, как Москва и Анкара признают и подкрепляют или отвергают и подрывают статусные притязания друг друга.

От Сирии к Карабаху

С конца 2010 г. турецкое руководство возлагало большие надежды на «арабскую весну». Протесты в странах Ближнего Востока и Северной Африки проходили под исламскими и демократическими лозунгами. Они резонировали с идеологией Партии справедливости и развития Р.Т. Эрдогана, которая пришла к власти в 2002 г. как демократическая и мусульманская политическая сила. Революционные события

³ Statement of President Joe Biden on the UN Vote Suspending Russia from the Human Rights Council. The White House. April 07, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/04/07/statement-of-president-joe-biden-on-the-un-vote-suspending-russia-from-the-human-rights-council/> Date of access: 04.12.2023.

в арабских странах играли на руку Анкаре. Она оказывалась в авангарде политических перемен в регионе, выступая флагом демократических преобразований [Aktürk 2017]. Примечательно, что речь шла не о демократии в общем смысле (здесь ведущую роль неизбежно играл бы Запад), но об её исламской вариации.

Вместе с тем вызывает вопросы тезис, что заявка Турецкой Республики на статус лидера исламского демократического мира была поддержана в странах Ближнего Востока и Северной Африки. В совокупности с турецкой ностальгией по Османской империи она не вызвала большого энтузиазма у арабских соседей Анкары [Надеин-Раевский 2020]. Тем не менее этот внешнеполитический курс, направленный на подкрепление своего влияния, повлёк за собой разрыв отношений со старыми политическими режимами Ближнего Востока, против которых были направлены протесты. Например, Турция оказала поддержку внутривластным противникам Башара Асада, включая наиболее радикальных из них [Сучков, Румачик 2018].

Турецкая статусная заявка имела лишь ограниченный успех. Уже летом 2013 г. был свергнут президент Египта Мухаммед Мурси, идеологически близкий Анкаре. «Арабская весна» обернулась хаосом — протестующие почти нигде не сумели создать относительно устойчивый порядок. По турецким планам лидерства в регионе был нанесён сильный удар [Yorulmazlar, Turhan 2015]. Одновременно Россия, отойдя от своей первоначальной позиции невмешательства (воздержалась при голосовании в Совете Безопасности ООН по проекту резолюции, предполагавшей введение бесполётной зоны над Ливией), стала проводить активную политику в этом регионе. Москва одержала важную дипломатическую победу, добившись соглашения о ликвидации сирийского химического оружия (сен-

тябрь 2013 года) [Чеков 2014]. Была снята угроза американского вторжения в Сирию, сулившего уничтожение российского союзника. Российская Федерация укрепила статус одного из самых влиятельных в мире государств, обладающего значимым голосом в вопросах безопасности, в том числе на Ближнем Востоке. Переговоры о ликвидации химического оружия велись в двустороннем российско-американском формате, что подчёркивало роль России как державы, равной Соединённым Штатам. Российские государственные медиа продвигали тезис, что Москва спасла мир, Вашингтон и лично президента Барака Обаму (2009–2017) от очередной ближневосточной войны⁴.

Возникновение и экспансия ИГИЛ⁵ изменили условия статусного соревнования. США создали антиигиловскую коалицию из 68 государств, демонстрируя статус глобального лидера, ответственного за международную безопасность и противодействие терроризму. Турция оказалась в затруднительном положении, поскольку подъём «Исламского государства» окончательно дискредитировал идеологическое наследие «арабской весны». Призыв к исламской демократии выродился в террор. Западная пресса не преминула вернуть Р.Т. Эрдогану обвинения в предательстве демократических идеалов, брошенные им в адрес Соединённых Штатов и Европейского Союза после свержения М. Мурси, и стала энергично развивать тему о сотрудничестве турецких властей с ИГИЛ [Сучков, Румачик 2018].

Россия, в свою очередь, получила наглядное подтверждение правоты своих доводов о разрушительном характере американских войн в Ираке и Ливии и о дестабилизации Ближнего Востока под видом демократических протестов. Её скепсис по поводу «арабской весны» оправдывал себя, подкрепляя статусные претензии Москвы. В сентябре 2015 г. на заседании Генеральной

⁴ Ветеран ЦРУ: Россия спасла мир от вторжения США в Сирию // RT на русском. 08.02.2016. URL: <https://russian.rt.com/article/147033> (дата обращения: 12.07.2023).

⁵ Террористическая организация, запрещённая в России.

Ассамблеи ООН в честь 70-летия организации президент России В. В. Путин заявил об ответственности Запада за растущий хаос на Ближнем Востоке («Вы хоть понимаете теперь, что вы натворили?») и призвал создать «по-настоящему широкую международную антитеррористическую коалицию»⁶. Из этого следовало, что Россия не считает американскую коалицию против ИГИЛ действительно широкой и видит себя организатором нового объединения. Эта статусная заявка требовала практического подтверждения – через несколько дней после выступления президента Москва объявила о развёртывании группировки войск в Сирии и проведении операции против террористов в этой стране. К слову, статусная логика действий Российской Федерации проявила себя в середине ноября 2015 года, когда президент В.В. Путин публично отдал приказ российским войскам, действующим в Сирии, «относиться как к союзникам» к французской авианосной группе, выдвинувшейся в восточную часть Средиземного моря для ударов по ИГИЛ⁷. В наметившемся ситуативном сотрудничестве с Францией можно было увидеть прообраз той «по-настоящему широкой международной антитеррористической коалиции», о которой российский президент говорил на Генеральной Ассамблее ООН.

Российское военное вмешательство в Сирии стало новым ударом по турецким статусным притязаниям. Оно сделало менее вероятным смену политического режима в САР. Тем самым была окончательно подорвана символическая ставка на исламскую демократию и её распространение в регионе под эгидой Турции путём свержения существующих режимов. По сути, все статусные расчёты Анкары, связанные с «арабской весной», были обнулены.

Кроме того, удары российской авиации на сирийской территории наносились по вооружённым группам, ориентирующимся на турецкую сторону, что было унижением для последней [Erşen 2017].

Статусные притязания двух стран вошли в противоречие, и турецкие власти спровоцировали эскалацию, сбив российский бомбардировщик Су-24 в небе над Сирией. Москва ответила несколькими военными и экономическими мерами, предусмотрев и реакцию на символическом уровне. Министрство обороны России опубликовало информацию об участии Турции и лично президента Р. Т. Эрдогана и его семьи в торговле с ИГИЛ нефтью, добытой на подконтрольных террористической группировке территориях Сирии и Ирака⁸. Подобное обвинение было не просто унижением для турецкого лидера, но также было направлено на подрыв статусных претензий Анкары, поскольку сводило мотивы её сирийской политики к примитивной корысти.

Между тем, подорвав позиции Турецкой Республики, Москва также предложила путь для восстановления её престижа. Учреждение Астанинского формата (Россия, Иран, Турция) урегулирования сирийского конфликта удовлетворяло часть статусных притязаний Анкары. Страна становилась одним из ключевых участников дипломатического процесса, который впервые с начала гражданской войны в Сирии привёл к конкретным результатам «на земле» в виде установления перемирия (пусть и неполного) и затем создания зон деэскалации на сирийской территории. Трёх инициаторам Астанинского формата импонировало, что они сумели добиться ощутимых результатов в урегулировании острого конфликта без западного участия [Erşen 2017].

⁶ Владимир Путин принял участие в пленарном заседании юбилейной, 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке // Президент России. 28.09.2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385> (дата обращения: 12.07.2023).

⁷ Совещание о действиях Вооружённых Сил России в Сирии // Президент России. 17.11.2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50714> (дата обращения: 12.07.2023).

⁸ Минобороны РФ: руководство Турции вовлечено в незаконное получение сирийской нефти от ИГ // ТАСС. 02.12.2015. URL: <https://tass.ru/politika/2491873> (дата обращения: 12.07.2023).

С практической точки зрения сотрудничество с Россией и Ираном по Сирии в трёхстороннем формате отвечало интересам Анкары [Cengiz 2020]. В частности, оно выводило, по крайней мере, часть протурецких вооружённых группировок из-под ударов сирийских властей, российских и иранских вооружённых сил, а также предполагало признание турецких озабоченностей по поводу курдских отрядов. В то же время это обстоятельство доказывает также значимость статусных мотивов в той политике, которой Анкара придерживалась до конца 2015 года. Если по вопросам безопасности можно было договориться с Москвой, зачем потребовалось сбивать российский бомбардировщик, ставя отношения двух стран на грань вооружённого конфликта?

Создание Астанинского формата переговоров положило начало тому, что метафорически можно было бы назвать «статусным симбиозом» России и Турции. Москва за счёт этого партнёрства получала крупное дипломатическое преимущество, ведь фактически Анкара откладывала своё требование о смене руководства Сирии. Статусные притязания России удовлетворялись постольку, поскольку усиливалась её центральная роль в сложной системе дипломатических контактов по поводу сирийского конфликта. М.А. Сучков и М.С. Ходынская-Голенищева [2021] отмечают, что только Российская Федерация участвовала во всех существовавших с момента возникновения конфликта форматах его урегулирования и поддерживала рабочие отношения со всеми без исключения региональными игроками.

В свою очередь, Анкара подтверждала статус одного из крупнейших региональных центров силы, без которого урегулирование невозможно. Статусные притязания обеих стран удовлетворялись фактически за счёт Запада. В русле такого «симбиоза» следовали и дальнейшие шаги. Договорённость о поставке российских зенитно-ракетных комплексов С-400 в Турцию демонстрировало одновременно высокое качество новейших российских вооружений,

которые нашли покупателя в лице государства—члена НАТО, и независимость Турецкой Республики от мнения её западных союзников, которые так и не смогли запретить ей покупать оружие там, где она считает необходимым, а не где того требует блоковая дисциплина. Строительство атомной электростанции «Аккую» было другим примером технологического превосходства, с одной стороны, и стратегической автономии — с другой.

Между тем статусные противоречия сохранялись и препятствовали созданию российско-турецкого альянса. Они проявили себя как в разногласиях по поводу допустимости турецких действий в сирийской провинции Идлиб [Бибилова 2020; Хасан, Сейидли 2021], так и — в большем масштабе — в ходе азербайджано-армянской войны в Нагорном Карабахе осенью 2020 года.

Хотя роль Турции во Второй карабахской войне (сентябрь — ноябрь 2020 года) остаётся предметом спора, ряд исследователей доказывают, что значение страны в исходе конфликта было весьма значительным [Буря на Кавказе 2021: 100–104]. С точки зрения международного статуса Турецкой Республики это вмешательство могло преследовать несколько целей. В частности, оно демонстрировало способность ближневосточной державы оказывать решительное влияние на исход военно-политических кризисов за пределами её границ, что отчасти компенсировало неудачи Анкары в Сирии. Непрямое участие страны в конфликте Азербайджана и Армении также демонстрировало её военную мощь и возможности военной промышленности. Более того, Турция, не сумев добиться исламской демократизации Ближнего Востока, претендовала на роль лидера тюркских государств, среди которых Баку был для неё наиболее близким географически и политически.

Если рассматривать вмешательство Анкары в Нагорном Карабахе в перспективе российско-турецкого «статусного симбиоза», то Турция фактически предлагала Москве установить на Южном Кавказе

отношения, аналогичные тем, которые были у двух стран в Сирии. Подобно тому как в САР эти страны выступали ключевыми державами, определяющими силовой баланс «на земле», на Южном Кавказе они в том же русле должны были выступить в равном статусе ответственных за управление региональным конфликтом.

К началу Второй карабахской войны статусные позиции двух стран в отношении армяно-азербайджанского конфликта были неравными. Россия, наряду с США и Францией, была сопредседателем Минской группы ОБСЕ, в то время как Турция — постоянным членом этой группы наряду с Финляндией, Белоруссией и Швецией. Москва и Анкара были заинтересованы в укреплении своего статуса за счёт Запада, и, продемонстрировав свою эффективность в разрешении карабахского конфликта, они могли бы решить эту задачу. Если бы турецкой стороне удалось навязать России новый порядок на Южном Кавказе, на уровне региона подобный расклад уравнивал её статус с российским — для турецкой стороны этот вариант стал бы крупным выигрышем.

Подобно тому как Москва силовыми средствами обеспечивала в Сирии свои интересы, которые не в полной мере совпадали с турецкими, но которые та была вынуждена учитывать, Анкара применяла силу в Карабахе для установления в регионе благоприятной для себя ситуации, которую вынуждена была бы принять, в свою очередь, Россия. В практическом плане региональный порядок, который стремилась установить Турецкая Республика,

должна была олицетворять совместная российско-турецкая миротворческая миссия. После достижения соглашения о прекращении огня в Карабахе Турция⁹ и Азербайджан¹⁰ заявили, что в регионе наравне с российскими будут присутствовать турецкие миротворцы.

Для Москвы предлагаемый Анкарой порядок повлёк бы статусный ущерб. Российская сторона пользовалась положением доминирующей в военно-политическом отношении державы на Южном Кавказе. За несколько лет до Второй карабахской войны, в апреле 2016 года, она за несколько дней добилась прекращения боевых действий между воюющими сторонами. Признавая Турецкую Республику в качестве равного партнёра по разрешению карабахского конфликта, Российская Федерация утратила бы этот статус, разделив региональное военно-политическое доминирование с первой. С этими опасениями и была связана резкая реакция на турецкое вмешательство в конфликт вплоть до публичных заявлений представителей российского руководства о переброске боевиков террористических организаций из Сирии на Южный Кавказ¹¹, ракетных ударов по протурецким вооружённым группировкам в Сирии¹², военных учений на Каспии¹³.

По итогам Второй карабахской войны военно-политическое доминирование России в регионе пошатнулось. Как сформулировал пессимистично настроенный наблюдатель: «влияние Москвы в Закавказье резко снизилось, а престиж удачливой и задиристой Турции, напротив, неимоверно

⁸ Эрдоган сообщил о скором прибытии делегации РФ по Карабаху // Anadolu. 11.11.2020. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/azerbaydjan-bor'ba-za-celostnost'j/erdogan-soobshchil-o-skorem-pribytii-delegacii-rf-po-karabaxu/2040303> (дата обращения: 12.07.2023).

⁹ Турецкие миротворцы будут работать в Карабахе вместе с российскими // Интерфакс. 10.11.2020. URL: <https://www.interfax.ru/world/736345> (дата обращения: 12.07.2023).

¹⁰ О ситуации вокруг Нагорного Карабаха // Служба внешней разведки Российской Федерации. 06.10.2020. URL: <http://svr.gov.ru/smi/2020/10/o-situatsii-vokrug-nagornogo-karabakha.htm> (дата обращения: 12.07.2023).

¹² Куделев В.В. Ситуация в Сирии: октябрь 2020 г. // Институт Ближнего Востока. 05.11.2020. URL: <http://www.iimes.ru/?p=74051> (дата обращения: 12.07.2023).

¹³ Минобороны сообщило о старте учений Каспийской флотилии // Известия. 16.10.2020. URL: <https://iz.ru/1074502/2020-10-16/minoborony-soobshchilo-o-starte-uchenii-kaspiiskoi-flotilii> (дата обращения: 12.07.2023).

возрос»¹⁴. Хотя Российская Федерация расширила своё военное присутствие, а передача Баку ранее занятых армянскими силами районов вокруг Нагорного Карабаха отвечала её подходам к урегулированию конфликта, вооружённый конфликт завершился сокрушительным поражением российского союзника — Армении. В то же время развёртывание российской миротворческой миссии в Карабахе срывало статусные притязания Турции на равную с Россией роль в разрешении конфликта.

Совместный российско-турецкий мониторинговый центр был создан через несколько дней после достижения соглашения о прекращении огня, но он располагался на территории Азербайджана вне зоны конфликта, что символически нивелировало роль Турции в дипломатическом урегулировании конфликта. Практически же переговоры в последующие годы проходили либо в трёхстороннем (Азербайджан, Армения, Россия) формате, либо при посредничестве Европейского Союза, крупнейших государств-членов ЕС или Соединённых Штатов. Региональный формат «3+3» (Россия, Турция, Иран, Азербайджан, Армения, Грузия), созданный по инициативе Анкары, не занимался армяно-азербайджанским урегулированием и не отличался интенсивной работой. Турецкая Республика помогла Азербайджану выиграть Вторую карабахскую войну, но не извлекла из этого устойчивых статусных дивидендов.

Примечателен случай российского вертолёт Ми-24, который сопровождал направлявшуюся в Карабах колонну российских миротворцев и был 9 ноября 2020 г. сбит из переносного зенитно-ракетного комплекса у границы с Азербайджаном (два члена экипажа погибли, третий был

ранен)¹⁵. Можно провести параллель с инцидентом, связанным с бомбардировщиком Су-24 в ноябре 2015 года. Извинения за атаку на вертолёт принёс Азербайджан¹⁶, но, как и в 2015 году, фоном для нападения на российских военных была обида Турции.

* * *

В чём заключается эвристическая ценность аналитической категории международного статуса для анализа динамики российско-турецких отношений в последнее десятилетие? Объяснения, основанные на материальных факторах экономической выгоды и безопасности, не работают в случаях, когда экономическая составляющая приносится в жертву соображениям иного порядка. Они также не учитывают социально конструируемую природу безопасности. В исследованиях, в основе которых лежит экстраполяция длинных исторических циклов, не затрагиваются механизмы, посредством которых эти тенденции проявляют себя в постоянно меняющейся мировой политике. Категория статуса позволяет заполнить эти пробелы.

Представляется убедительным довод Виктора Таки [2023], что и Россия, и Турция определяют себя через исторический опыт взаимодействия с Западом, строительства своих империй и управления ими. В результате обе державы испытывают необходимость всегда сопоставлять себя со своими великими предками и стараться, по крайней мере, не уронить свой международный престиж. Отсюда их острая чувствительность к соображениям статуса и стремление утвердить его даже в тех случаях, когда приходится жертвовать экономическими интересами или балансировать на грани войны с могущественным соседом.

¹⁴ *Макиенко К.В.* Как Россия проиграла во второй карабахской войне // Ведомости. 10.11.2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/11/10/846462-rossiya-proigrala> (дата обращения: 12.07.2023).

¹⁵ Российский Ми-24 сбили в Армении у границы с Азербайджаном // ТАСС. 09.11.2020. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/9953671> (дата обращения: 12.07.2023).

¹⁶ Захарова: Глава МИД Азербайджана вновь принёс извинения за сбитый вертолёт // Российская газета. 10.11.2020. URL: <https://rg.ru/2020/11/10/zaharova-glava-mid-azerbajdzhana-vnov-prines-izviniia-za-sbitij-vertolet.html> (дата обращения: 12.07.2023).

Основы самоидентификации и фундаментальные условия осуществления российской и турецкой внешних политик таковы, что обе страны нуждаются в статусном самоутверждении относительно Запада. Это обстоятельство порождает эффект «статусного симбиоза»: «я признаю твой высокий статус, ты признаёшь мой». Россия и Турция тем самым обеспечивают статусное признание друг друга — достаточно убедительное, по крайней мере, с точки зрения внутренней политики. Этот эффект проявил себя в создании Астанинского формата сирийского урегулирования. Российская Федерация, несмотря на острые разногласия с Турецкой Республикой, помогла Анкаре приобрести статус одного из ключевых участников процесса, поскольку была заинтересована в аналогичном признании с её стороны. Приобретение турецкой стороной российских ЗРК С-400 аналогичным образом было статусным выигрышем для обеих держав. Характерно, что именно в связи с таким симбиозом новыми красками играют материальные факторы двусторонних отношений. Например, проект газового хаба в Турции или строительство атомной электростанции «Аккую» не

только экономически выгодны обеим странам, они также подтверждают их высокий статус — что при необходимости используется лидерами в качестве полезного внутриполитического аргумента.

В то же время даёт себя знать и статусное неравенство между Москвой и Анкарой. Первая — ядерная держава, постоянный член Совета Безопасности ООН. Вторая — держава средней величины, претендующая на статус великой. Любой случай успешного статусного соперничества с Россией обеспечивает Турции важный выигрыш. Она, пусть ситуативно и только в собственных глазах, удовлетворяет свои великодержавные притязания. Как итог, Турецкая Республика бросает Российской Федерации вызов даже в тех случаях, когда для этого нет необходимости с точки зрения безопасности. Москва же весьма чувствительна к такого рода статусным вызовам со стороны Анкары. В отношениях с последней она дорожит не только «статусным симбиозом», но и статусным превосходством. Именно поэтому она стремится его сохранить, несмотря на сопутствующие риски, как, например, в случае с развёртыванием российской миротворческой миссии в Карабахе.

Список литературы

- Бибикова О.П. Интересы Турции в Идлибе // Россия и мусульманский мир. 2020. № 2 (316). С. 70–80. DOI: 10.31249/rimm/2020.02.06
- Буря на Кавказе / Под ред. Р.Н. Пухова. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2021. 128 с.
- Кенгерли З. Геостратегические интересы Турции на Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2004. №6 (36). С. 111–121.
- Межуев Б.В. Турция, Россия и Европа с позиции «цивилизационного реализма» // Полис. Политические исследования. 2019. № 6. С. 53–66. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.05>
- Надеин-Раевский В. Политика Турции на Ближнем Востоке // Пути к миру и безопасности. 2020. № 1 (58). С. 139–156. DOI: 10.20542/2307-1494-2020-1-139-156
- Сучков М.А., Румачик И.А. Эволюция отношений Турции и ИГИЛ // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 1 (54). С. 55–60.
- Сучков М.А., Ходынская-Голенищева М.С. Сравнительный анализ российских стратегий союзничества на Ближнем Востоке // Сравнительная политика. 2021. Т. 12. № 1. С. 69–81. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2021-10006>
- Таки В. Зеркало друг для друга // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 104–118. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-2-104-118
- Хасан А.А., Сейидли С.А. Идлиб в сирийском конфликте (2011–2020) // Вестник Института востоковедения РАН. 2021. № 1. С. 225–237. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-225-237
- Чекоев А.Д. Мировой опыт химического разоружения: уроки для Сирии // Индекс безопасности. 2014. Т. 20. № 1. С. 95–100.
- Шерстюков С.А., Бодиштяну Н.В. Российско-турецкие отношения после 2015 г.: новые тренды, старые дилеммы // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 11. С. 88–96. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-88-96

- Шлыков П.В. Турецкий кульбит // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 3. С. 142–159. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-3-142-159
- Aghaie Joobani H., Mousavipour M. Russia, Turkey, and Iran: Moving Towards Strategic Synergy in the Middle East? // Strategic Analysis. 2015. Vol. 39. No. 2. P. 141–155. <https://doi.org/10.1080/09700161.2014.1000658>
- Aktürk Ş. Relations between Russia and Turkey before, during, and after the failed coup of 2016 // Insight Turkey. 2019. Vol. 21. No. 4. P. 97–114. DOI: 10.25253/99.2019214.06
- Aktürk Ş. Toward a Turkish-Russian Axis? Conflicts in Georgia, Syria, and Ukraine, and Cooperation over Nuclear Energy // Insight Turkey. 2014. Vol. 16. No. 4. P. 13–22.
- Aktürk Ş. Turkey's role in the Arab spring and the Syrian conflict // Turkish policy quarterly. 2017. Vol. 15. No. 4. P. 87–96.
- Aktürk Ş. Turkish–Russian relations after the cold war (1992–2002) // Turkish Studies. 2006. Vol. 7. No. 3. P. 337–364.
- Berlinski C. Smile and smile: Turkey's feel-good foreign policy // World Affairs. 2010. Vol. 173. No. 2. P. 39–46. DOI: 10.3200/WAFS.173.2.39-46
- Cengiz S. Assessing the Astana peace process for Syria: Actors, approaches, and differences // Contemporary Review of the Middle East. 2020. Vol. 7. No. 2. P. 200–214. <https://doi.org/10.1177/2347798920901876>
- Criss N.B., Güner S. Geopolitical Configurations: The Russia-Turkey-Iran Triangle // Security Dialogue. 1999. Vol. 30. No. 3. P. 365–376. <https://doi.org/10.1177/0967010699030003015>
- Dal E.P. Status-seeking policies of middle powers in status clubs: the case of Turkey in the G20 // Contemporary Politics. 2019. Vol. 25. No. 5. P. 586–602. <https://doi.org/10.1080/13569775.2019.1627766>
- Demiryol T. Interdependence, balancing and conflict in Russian–Turkish relations // Great powers and geopolitics: International affairs in a rebalancing world / Ed. by A. Klieman. Cham: Springer, 2015. P. 65–86. DOI: 10.1007/978-3-319-16289-8_4
- Erşen E. Evaluating the fighter jet crisis in Turkish-Russian relations // Insight Turkey. 2017. T. 19. No. 4. C. 85–104. DOI: 10.25253/99.2017194.06
- Güvenç S., Özel S. NATO and Turkey in the post-Cold War world: between abandonment and entrapment // Southeast European and Black Sea Studies. 2012. Vol. 12. No. 4. P. 533–553. DOI: 10.1080/14683857.2012.741845
- Hill F., Taspinar O. Turkey and Russia: axis of the excluded? // Survival. 2006. Vol. 48. No. 1. P. 81–92. <https://doi.org/10.1080/00396330600594256>
- Hintz L. Rethinking Turkey's 'rapprochements': Trouble with Germany and beyond // Survival. 2019. Vol. 61. No. 3. P. 165–186. <https://doi.org/10.1080/00396338.2019.1614787>
- Köstem S. Russian-Turkish cooperation in Syria: geopolitical alignment with limits // Cambridge Review of International Affairs. 2021. Vol. 34. No. 6. P. 795–817. <https://doi.org/10.1080/09557571.2020.1719040>
- Krickovic A., Zhang C. Fears of falling short versus anxieties of decline: Explaining Russia and China's approach to status-seeking // The Chinese Journal of International Politics. 2020. Vol. 13. No. 2. P. 219–251. <https://doi.org/10.1093/cjip/paaa006>
- Larabee S.F. Turkey's new geopolitics // Survival. 2010. Vol. 52. No. 2. P. 157–180. <https://doi.org/10.1080/00396331003764686>
- Larson D.W., Shevchenko A. Managing rising powers: The role of status concerns // Status in world politics / Ed. by Paul T. V., D. W. Larson, W. C. Wohlforth. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 33–57. DOI: 10.1017/CBO9781107444409.004
- Larson D.W., Shevchenko A. Quest for status: Chinese and Russian foreign policy. New Haven, Connecticut: Yale University Press, 2019. 352 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctvbnm3jd>
- MacDonald P.K., Parent J.M. The status of status in world politics // World Politics. 2021. Vol. 73. No. 2. P. 358–391. DOI: 10.1017/S0043887120000301
- Menon R., Enders Wimbush S. The US and Turkey: End of an Alliance? // Survival. 2007. Vol. 49. No. 2. P. 129–144. <https://doi.org/10.1080/00396330701437785>
- Murray M. The struggle for recognition in international relations: status, revisionism, and rising powers. Oxford: Oxford University Press, 2018. 281 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190878900.001.0001>
- Nesmeshnyi A.D., Zhornist V.M., Safranchuk I.A. International Hierarchy and Functional Differentiation of States: Results of an Expert Survey // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2022. Vol. 15. No. 3. P. 7–38. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-olif2>
- Neumann I.B. Status is cultural: Durkheimian Poles and Weberian Russians seek great-power status. // Status in world politics / Ed. by Paul T. V., D. W. Larson, W. C. Wohlforth. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 85–112. DOI: 10.1017/CBO9781107444409.006

- Öniş Z., Yılmaz Ş. Turkey and Russia in a shifting global order: cooperation, conflict and asymmetric interdependence in a turbulent region // *Third World Quarterly*. 2016. Vol. 37. No. 1. P. 71–95. <https://doi.org/10.1080/01436597.2015.1086638>
- Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C. *Status and World Order* // *Status in world* / Ed. by Paul T.V., D.W. Larson, W.C. Wohlforth. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 3–32. DOI:10.1017/CBO9781107444409.002
- Tajfel H. Social categorization, social identity and social comparison // *Differentiation between social group* / Ed. by H. Tajfel. L.: Academic Press, 1978. P. 61–76.
- Warhola J.W., Mitchell W.A. The Warming of Turkish-Russian Relations: Motives and Implications // *Demokratizatsiya*. 2006. Vol. 14. No. 1. P. 127–143.
- White D., Herzog M. Examining state capacity in the context of electoral authoritarianism, regime formation and consolidation in Russia and Turkey // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2016. Vol. 16. No. 4. P. 551–569. <https://doi.org/10.1080/14683857.2016.1242891>
- Wolf R. Respect and disrespect in international politics: the significance of status recognition // *International Theory*. 2011. Vol. 3. No. 1. P. 105–142. DOI:10.1017/S1752971910000308
- Yorulmazlar E., Turhan E. Turkish foreign policy towards the Arab Spring: Between Western orientation and regional disorder // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2015. Vol. 17. No. 3. P. 337–352. <https://doi.org/10.1080/19448953.2015.1063805>

SYMBIOSIS AND RIVALRY

THE RUSSIAN-TURKISH RELATIONS

FROM THE PERSPECTIVE OF THE

INTERNATIONAL STATUS THEORY

NIKOLAI SILAEV

IVAN SAFRANCHUK

MGIMO-University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The relations between Russia and Turkey paradoxically combine close cooperation with enmity as well as consistency with unpredictability. How can such ambiguous and controversial nature of Russo-Turkish relations be explained? The existing arguments predicated upon the material factors of security and economic benefits are not able to grasp the essence as to why the two countries forgo benefits for other considerations. Furthermore, these works do not allow for the socially constructed nature of “security”. Putting the current state of relations between Moscow and Ankara in the long historical trends context fails to expose the mechanisms which make these trends function. The paper seeks to shed light on the dynamics of Russo-Turkish relations from the perspective of international status theory. We understand status as the set of collective beliefs about the place a given state possesses among the other states. We apply the status approach to analyze how Russia and Turkey dealt with the conflicts in Syria and in Nagorno-Karabakh. On the one hand, Moscow and Ankara give each other mutual status recognition. In fact they constitute for each other the reference group which satisfies their status aspirations. Therefore it is dramatically important for both states to sustain cooperation. Otherwise the confrontation breaks the mechanism of mutual status recognition. On the other hand there is status disparity between Russia and Turkey. Russia is a nuclear power and the permanent member of UN Security Council. Turkey is a middle range power, claiming great power status. The disparity leads to status competition between Moscow and Ankara and informs rivalry between them.

Keywords:

Russia; Turkey; foreign policy; international status; Karabakh.

References

- Aghaie Joobani H., Mousavipour M. (2015). Russia, Turkey, and Iran: Moving Towards Strategic Synergy in the Middle East? *Strategic Analysis*. Vol. 39. No. 2. P. 141–155. <https://doi.org/10.1080/09700161.2014.1000658>
- Aktürk Ş. (2019). Relations between Russia and Turkey before, during, and after the failed coup of 2016. *Insight Turkey*. Vol. 21. No. 4. P. 97–114. DOI: 10.25253/99.2019214.06
- Aktürk Ş. (2014). Toward a Turkish-Russian Axis? Conflicts in Georgia, Syria, and Ukraine, and Cooperation over Nuclear Energy. *Insight Turkey*. Vol. 16. No. 4. P. 13–22.
- Aktürk Ş. (2017). Turkey's role in the Arab spring and the Syrian conflict. *Turkish policy quarterly*. Vol. 15. No. 4. P. 87–96.
- Aktürk Ş. (2006). Turkish–Russian relations after the cold war (1992–2002). *Turkish Studies*. Vol. 7. No. 3. P. 337–364.
- Berlinski C. (2010). Smile and smile: Turkey's feel-good foreign policy. *World Affairs*. Vol. 173. No. 2. P. 39–46. DOI: 10.3200/WAFS.173.2.39-46
- Bibikova O. P. (2020). Interesy Turtsii v Idlibe [Turkish interests in Idlib]. *Rossiya i musul'manskij mir*. No. 2 (316). P. 70–80. DOI: 10.31249/rimm/2020.02.06
- Cengiz S. (2020). Assessing the Astana peace process for Syria: Actors, approaches, and differences. *Contemporary Review of the Middle East*. Vol. 7. No. 2. P. 200–214. <https://doi.org/10.1177/2347798920901876>
- Chekov A.D. (2014). Mirovoy opyt khimicheskogo razoruzheniya: uroki dlya Sirii [Global Record of Chemical Disarmament: Lessons for Syria]. *Indeks bezopasnosti*. Vol. 20. No. 1. P. 95–100.
- Criss N.B., Güner S. (1999). Geopolitical Configurations: The Russia-Turkey-Iran Triangle. *Security Dialogue*. Vol. 30. No. 3. P. 365–376. <https://doi.org/10.1177/0967010699030003015>
- Dal E.P. (2019). Status-seeking policies of middle powers in status clubs: the case of Turkey in the G20. *Contemporary Politics*. Vol. 25. No. 5. P. 586–602. <https://doi.org/10.1080/13569775.2019.1627766>
- Demiryol T. (2015). Interdependence, balancing and conflict in Russian–Turkish relations. In: Klieman A. (ed.) *Great powers and geopolitics: International affairs in a rebalancing world*. Cham: Springer, 2015. P. 65–86. DOI: 10.1007/978-3-319-16289-8_4
- Erşen E. (2017). Evaluating the fighter jet crisis in Turkish-Russian relations. *Insight Turkey*. Vol. 19. No. 4. P. 85–104. DOI: 10.25253/99.2017194.06
- Güvenç S., Özel S. (2012). NATO and Turkey in the post-Cold War world: between abandonment and entrapment. *Southeast European and Black Sea Studies*. Vol. 12. No. 4. P. 533–553. DOI: 10.1080/14683857.2012.741845
- Hill F., Taspinar O. (2006). Turkey and Russia: axis of the excluded? *Survival*. Vol. 48. No. 1. P. 81–92. <https://doi.org/10.1080/00396330600594256>
- Hintz L. (2019). Rethinking Turkey's 'rapprochements': Trouble with Germany and beyond. *Survival*. Vol. 61. No. 3. P. 165–186. <https://doi.org/10.1080/00396338.2019.1614787>
- Kengerli Z. (2004). Geostrategicheskie interesy Turtsii na Kavkaze [Geostrategic interests of Turkey in the Caucasus]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. No. 6 (36). P. 111–121.
- Khasan A.A., Seyidli S.A. (2021). Idlib v siryskom konflikte (2011–2020) [Idlib in the Syrian conflict]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. No. 1. P. 225–237. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-225-237
- Köstem S. (2021). Russian-Turkish cooperation in Syria: geopolitical alignment with limits. *Cambridge Review of International Affairs*. Vol. 34. No. 6. P. 795–817. <https://doi.org/10.1080/09557571.2020.1719040>
- Krickovic A., Zhang C. (2020). Fears of falling short versus anxieties of decline: Explaining Russia and China's approach to status-seeking. *The Chinese Journal of International Politics*. Vol. 13. No. 2. P. 219–251. <https://doi.org/10.1093/cjip/poaa006>
- Larrabee S.F. (2010). Turkey's new geopolitics. *Survival*. Vol. 52. No. 2. P. 157–180. <https://doi.org/10.1080/00396331003764686>
- Larson D.W., Shevchenko A. (2014). Managing rising powers: The role of status concerns. In: // Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C. (eds) *Status in world politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 33–57. DOI: 10.1017/CBO9781107444409.004
- Larson D.W., Shevchenko A. (2019). *Quest for status: Chinese and Russian foreign policy*. New Haven, Connecticut: Yale University Press. 352 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctvbnm3jd>
- MacDonald P.K., Parent J.M. (2021). The status of status in world politics. *World Politics*. Vol. 73. No. 2. P. 358–391. doi:10.1017/S0043887120000301
- Menon R., Enders Wimbush S. (2007). The US and Turkey: End of an Alliance? *Survival*. Vol. 49. No. 2. P. 129–144. <https://doi.org/10.1080/00396330701437785>

- Mezhuyev B.V. (2019). Turkey, Russia and Europe from the Perspective of "Civilizational Realism". *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 53–66. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.05>
- Murray M. (2018). *The struggle for recognition in international relations: status, revisionism, and rising powers*. Oxford: Oxford University Press. 281 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190878900.001.0001>
- Nadein-Raevskiy V. (2020). Politika Turtsii na Blizhnem Vostoke [Policy of Turkey in the Middle East]. *Puti k miru i bezopasnosti*. No. 1 (58). P. 139–156. DOI: 10.20542/2307-1494-2020-1-139-156
- Nesmeshnyi A.D., Zhornist V.M., Safranchuk I.A. (2022). International Hierarchy and Functional Differentiation of States: Results of an Expert Survey. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. Vol. 15. No. 3. P. 7–38. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-0lf2>
- Neumann I. B. (2014). Status is cultural: Durkheimian Poles and Weberian Russians seek great-power status. In: Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C. (eds) *Status in world politics*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 85–112. DOI: 10.1017/CB09781107444409.006
- Öniş Z., Yılmaz Ş. (2016). Turkey and Russia in a shifting global order: cooperation, conflict and asymmetric interdependence in a turbulent region. *Third World Quarterly*. Vol. 37. No. 1. P. 71–95. <https://doi.org/10.1080/01436597.2015.1086638>
- Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W. C. (2014). Status and World Order. In: Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C. (eds) *Status in world politics*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 3–32. DOI: 10.1017/CB09781107444409.002
- Pukhov R.N. (2021). *Burya na Kavkaze* [Storm over the Caucasus]. Moscow: Tsentr analiza strategiy i tekhnologiy. 128 p.
- Sherstyukov S.A., Bodishtyanu N.V. (2021). Rossiysko-turetskie otnosheniya posle 2015 g.: novye trendy, starые dilemmy [Russian-Turkish relations after 2015: new trends and old dilemmas]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 65. No. 11. P. 88–96. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-88-96
- Shlykov P.V. (2023). Turetskiy kul'bit [Turkish flip-flop]. *Rossiia v global'noy politike*. Vol. 21. No 3. P. 142–159. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-3-142-159
- Suchkov M.A., Khodynskaya-Golenishcheva M.S. (2021). Sravnitel'nyy analiz rossiyskikh strategiy soyuznichestva na Blizhnem Vostoke. *Sravnitel'naya politika*. Vol. 12. No. 1. P. 69–81. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2021-10006>
- Suchkov M.A., Rumachik I.A. (2018). Evolyutsiya otnosheniy Turtsii i IGIL [Evolution of relations between Turkey and ISIS]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura*. No. 1 (54). P. 55–60.
- Tajfel H. (1978). Social categorization, social identity and social comparison. In: Tajfel H. (ed.) *Differentiation between social group*. London: Academic press. P. 61–76.
- Taki V. Zerkalo drug dlya druga // Rossiia v global'noy politike. 2023. T. 21. № 2. S. 104–118. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-2-104-118
- Warhola J.W., Mitchell W.A. (2006). The Warming of Turkish-Russian Relations: Motives and Implications. *Demokratizatsiya*. Vol. 14. No. 1. P. 127–143.
- White D., Herzog M. (2016). Examining state capacity in the context of electoral authoritarianism, regime formation and consolidation in Russia and Turkey. *Southeast European and Black Sea Studies*. Vol. 16. No. 4. P. 551–569. <https://doi.org/10.1080/14683857.2016.1242891>
- Wolf R. (2011). Respect and disrespect in international politics: the significance of status recognition. *International Theory*. Vol. 3. No. 1. P. 105–142. DOI: 10.1017/S1752971910000308
- Yorulmazlar E., Turhan E. (2015). Turkish foreign policy towards the Arab Spring: Between Western orientation and regional disorder. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. Vol. 17. No. 3. P. 337–352. <https://doi.org/10.1080/19448953.2015.1063805>

TREMBLING CHESSBOARD

THE EFFECTS OF CHANGING RUSSIAN-TURKISH RELATIONS IN THE SOUTH CAUCASUS

BAŞARAN AYAR

Ankara University, 06590, Ankara, Türkiye

ORKUN ARSLAN

HSE University, 101000, Moscow, Russian Federation

Abstract

This study explores the impact of shifting dynamics in Russian-Turkish relations on the foreign policies of South Caucasian states. Since 2016, the interaction between those two actors has changed significantly and had an impact on many regions, including the Caucasus. Analyzing this new mode of Russo-Turkish relations post-2016 and its implications for the region is essential to better comprehend the foreign policy decisions of the South Caucasian states. Therefore, the study begins by delving into the strategic approaches of the Russian Federation and the Republic of Turkey in the region. Then, the article provides a concise overview of the bilateral relations between these two nations. Subsequently, it evaluates the overall geopolitical status of Azerbaijan, Armenia, and Georgia, considering how their foreign policies might be influenced by the evolving relations between Russia and Turkey. The article concludes that the altered relationship between Russia and Turkey significantly impacts the foreign policies of regional countries. Specifically, the study suggests that Azerbaijan is pursuing a relatively autonomous foreign policy and adopts a strategy of balance, aiming to sustain relationships with both Russia and Turkey without becoming overly reliant on either. This became evident especially after the Second Nagorno-Karabakh War of 2020, after which Baku pushed for even tighter relations with both Ankara and Moscow. Armenia, on the other hand, seeks to diminish Russian influence by seeking external support in its conflict with Azerbaijan and exploring opportunities for inclusion in new transit routes. In this context, Yerevan has been seeking closer links with the Western actors, the Islamic Republic of Iran and India. Georgia, the third case of the study, maintains its claim to Abkhazia and South Ossetia but avoids involvement in regional conflicts to prevent antagonizing Russia, following a cautious and observant strategy, in order to avoid any escalation that would turn the country into another front in the current crisis between the West and Russia.

Key words:

Russia; Turkey; South Caucasus; Armenia; Azerbaijan; Georgia; foreign policy; small states

The post-Soviet space is undergoing significant transformation, compelling the small states in the South Caucasus to adapt their foreign policies to these new realities. Despite having relatively fewer material resources, small states face limited options in responding

to these structural changes. In line with the realist framework, small states often react to these structural constraints through bandwagoning or balancing. As the level of threat escalates, small states tend to increasingly adopt realist strategies [Jesse, Dreyer 2016: 22].

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.03.2023

Дата принятия к публикации: 25.08.2023

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: basaranayar@gmail.com

Additionally, the expanding literature on this subject implies that small states may possess a diverse range of strategies. These vary from responses that directly oppose the hegemon and its interests to embracing neutrality or accommodating approaches [Lobell et al. 2012: 147].

The roles of Russia and Turkey in the region, along with their relations, are crucial factors that post-Soviet countries, particularly those in the South Caucasus, must consider when shaping their foreign policies. In 2016, following the rift caused by Turkey's downing of a Russian fighter jet in 2015 and the consequent sanctions, Russia and Turkey managed to reconcile their differences and rebuild their relationship. This was evidenced by their revived dialogues across multiple spheres. Analyzing this new mode of Russo-Turkish relations post-2016 and its implications for the region is essential to better comprehend the foreign policy decisions of these countries.

Therefore, this article scrutinizes the effects of Turkey's altered relations with Russia on the foreign policies of neighboring countries—Georgia, Azerbaijan, and Armenia—using the realist approach on small state foreign policy. Initially, the study assesses the significance of the South Caucasus for Russia and Turkey, and briefly evaluates their relations from a regional standpoint. It then delves into how the new Russo-Turkish relationship affects the policies of South Caucasian countries. In summary, the article suggests that Azerbaijan is pursuing a relatively independent foreign policy and employing a balancing strategy by carefully nurturing ties with both Russia and Turkey to avoid direct influence by either. Meanwhile, Armenia, in its efforts to participate in new transit routes in the region, is seeking ways to diminish Russian dominance by seeking an offshore balancer in its conflict with Azerbaijan. On the other hand, Georgia remains steadfast in its claims to territorial integrity regarding Abkhazia and South Ossetia, yet adopts a passive stance in regional conflicts to avoid provoking Russia.

This study follows a qualitative, historical, and comparative methodology to examine the effects of changing Russian-Turkish relations

on the foreign policies of the South Caucasus states. To examine this effect, we follow the realist literature of the small states' foreign policies. Data for the qualitative analysis is composed of primary sources such as official documents, agreements, statements of the leaders and news sources, and secondary literature including scholarly works, expert opinions, and think-tank reports. We take the new form of Russian-Turkish relations as the independent variable of the study. Hence, we begin by explaining the pre-2016 regional strategies of these two actors and then highlight how they came up with the current form of bilateral relations within the context of its reflection in the Caucasian region. The second part of the study is devoted to adaptation strategies of Azerbaijan, Armenia, and Georgia. Through qualitative research focusing on their changing behavior, we examined data from political, military, or economic agreements in the post-2016 era, official statements, news, and secondary literature that highlights their foreign policy trajectories. And by that, we sought the traces of how they reacted to the Russian-Turkish rapprochement. Here, the main aim is to expose the reasons for their different approaches to regional politics through a comparative analysis. Since all three South Caucasian actors chose a different path, the comparison provided us with three clear examples of how small states adapt to changing regional dynamics.

Keeping the near abroad in order: Russia in the South Caucasus

The South Caucasus region has historically been a contentious arena where regional powers contend for control. Post-World War I, the Soviet Union solidified its dominance, fostering a period of relative stability. However, the Union's dissolution precipitated the resurgence of historic and emergent tensions. Separatist movements in the Southern and Northern Caucasus evolved into localized conflicts involving separatists and the central authorities of the Russian Federation and newly formed republics in the South. Armenia and Azerbaijan grappled over the Nagorno-Karabakh region, predominantly inhabited by Armenians but recognized internationally as Azerbaijani terri-

tory. To the north, Abkhazia and South Ossetia disputed with Tbilisi over demands for independence or increased autonomy. Markedonov [2021: 81] suggests that these initial conflicts can largely be traced to events in the final Soviet era and its subsequent dissolution, alongside separatists' attempts to reassess the statuses of former union and autonomous entities. Nonetheless, from 2008 onwards, these de facto states became pivotal points of contention between Russia and Western powers.

Hence, the South Caucasus stands out as one of the most critical regions in terms of Russia's periphery security [Sushentsov, Neklyudov 2020: 128]. Moscow's primary motives include upholding regional stability and retaining influence in the area. According to Markedonov and Suchkov [2020: 7], one of Moscow's key objectives in the South Caucasus is to maintain regional stability and curb the spread of radicalism. Meanwhile, MacFarlane [2020: 206] highlights Russia's ambition to assert dominance over the post-Soviet space and deter external players from intervening in the region as a substantial factor guiding its strategies in the South Caucasus. Correspondingly, Stent [2019: 114] argues that a fundamental aspect of Moscow's foreign policy is to prevent former Soviet republics from distancing themselves from Russia's influence, seeking integration into other institutions, and countering such aspirations through economic and military pressure. Fears concerning the South Caucasian states' pursuit of NATO membership prompted Moscow to establish geopolitical strongholds in the region [Suchkov 2018: 316]. To achieve these objectives, Moscow maintains its military presence and endeavors to sustain significant economic and diplomatic influence in the South Caucasus.

In accordance with Russian foreign policy concerning the South Caucasus, Moscow seeks to maintain its military bases in the region. Presently, the Russian army maintains bases in Abkhazia, South Ossetia, Armenia, and deploys peacekeeping forces in Nagorno-Karabakh.

Russian presence expanded post-2008 war, with the enlargement of the military base in Abkhazia and the establishment of a new base in South Ossetia [Rogozinska, Olech 2020]. The Gyumri base in Armenia, however, holds paramount strategic importance among the Russian military posts in the South Caucasus. Additionally, Russia and Armenia collaborate on border control and coordinate joint forces [MacFarlane 2020: 310], along with a partnership agreement for joint air defense established in 2016 [Coyle 2021: 56].

Regarding Armenia's conflict with Azerbaijan, Russia's military cooperation solely covers Armenia's internationally recognized borders, excluding the Nagorno-Karabakh region. Rather than taking sides, Moscow chose to broker a peace agreement between the warring parties in 2020, preventing Baku from seizing control of the entire Nagorno-Karabakh. Subsequently, around 2000 Russian peacekeepers were deployed to the disputed region. This attempt by Moscow to act impartially in the 2020 War laid the foundation for the Declaration on Allied Interaction between Azerbaijan and Russia in February 2022. A critical element of this declaration emphasized mutual respect for territorial integrity and inviolability of state borders, reaffirming Moscow's stance on Nagorno-Karabakh as Azerbaijani territory¹.

Following the 2020 ceasefire, Russian peacekeeping forces returned to Azerbaijan to monitor the corridor between Nagorno-Karabakh and Armenia. Furthermore, as part of this process, a joint Russian-Turkish monitoring post was established near the Nagorno-Karabakh region. Hence, Russia not only maintained its presence in the South Caucasus but also secured an additional foothold in Azerbaijan, where the last Russian base closed in 2012. Broers [2020] notes that this maneuver demonstrated Russia's continued dominance in the region, enabling Russia to deploy its military to Azerbaijan and reach a deal without Western involvement. Additionally, it

¹ Declaration on allied interaction between the Republic of Azerbaijan and the Russian Federation. *President of the Republic of Azerbaijan*. 2022. 22 February. URL: <https://president.az/en/articles/view/55498> (accessed: 10.03.2023).

curbed Turkey's increasing influence over Azerbaijan.

Beyond military presence, Russia plays a crucial role as an arms exporter for both Armenia and Azerbaijan. Between 2011–20, Russia supplied 93.7% of Armenia's and 60% of Azerbaijan's arms [Wezeman, Kuimova, Smith 2021]. Despite both countries aiming to diversify their arms suppliers, Russian dominance in this sector is likely to persist due to existing military infrastructure based on Soviet and Russian equipment from decades past.

For the preservation of its economic influence in the South Caucasus, Russia holds a strategic position across the region. Notably, Armenia's decision in 2013 to join the Eurasian Economic Union, instead of signing the association agreement with the EU, was pivotal. This was a necessity for Yerevan as Russia constitutes the largest export market for Armenian products². Given its landlocked status and strained relations with neighbors Turkey and Azerbaijan, Armenia remains heavily reliant on Russia for its energy supply, with Russia providing 85% of Armenia's natural gas in 2019³. Furthermore, Russia subsidizes the energy supply to Armenia, solidifying its economic ties. However, in return, Russian state and private entities acquired a significant portion of Armenia's major assets. For instance, by 2014, Gazprom gained 100% ownership of Armenia's natural gas pipelines⁴. These instances underscore Armenia's considerable economic dependency on Russia [Coyle 2021: 93].

Regarding economic relations with Azerbaijan, the focal point revolves around energy sources in the Caspian basin and asso-

ciated infrastructure projects. Pipeline ventures like the Baku-Tbilisi-Ceyhan (BTC) and Baku-Tbilisi-Erzurum (BTE) were established to transport Azerbaijani oil and gas to European markets, circumventing Russia. The demarcation of the Caspian Sea, rich in mineral resources, was another contentious topic. However, the littoral states of the Caspian resolved most disputes by signing the "Convention on the Legal Status of the Caspian Sea" in 2018, regulating oil and gas extraction. Moreover, "The Declaration on Allied Interaction" between Azerbaijan and Russia pledges to "refrain from carrying out any economic activity that causes direct or indirect damage to the interests of the other Party"⁵. Russia is the principal importer of goods to Azerbaijan, although Baku hesitates to join Russia's economic integration projects, particularly until the resolution of its conflict with Armenia⁶.

While Tbilisi and Moscow have had contentious relations since the USSR's dissolution, their bilateral economic interactions have remained significant, notably for Georgia. During the Saakashvili period, political disputes extended into the commerce sector. Preceding the 2008 war, with the so-called "wine scandal" Russia imposed bans on critical Georgian exports like wine and mineral water⁷. This continued with an expansion of embargo on Georgian goods and deporting Georgian citizens, leading to significant economic repercussions for Georgia due to lost remittances⁸. Nonetheless, Russia persisted as one of Georgia's most substantial trade partners [Petrov 2023].

² Hergnyan S. 2020 – Armenia's Top 10 Foreign Trade Partners. Hetq. 2021. March 10. URL: <https://hetq.am/en/article/128368> (accessed: 10.03.2023).

³ International Energy Agency (2022). *Armenia 2022 Energy Policy Review*. IEA

⁴ Gazprom increases its stake in ArmRosGazprom to 100%. TASS. 2014. February 5. URL: <https://tass.com/economy/717612> (accessed: 10.03.2023).

⁵ Declaration on allied interaction between the Republic of Azerbaijan and the Russian Federation. *President of the Republic of Azerbaijan*. 2022. 22 February. URL: <https://president.az/en/articles/view/55498> (accessed: 10.03.2023).

⁶ The State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. (2022). *Foreign Trade by Countries*. URL: <https://stat.gov.az/source/trade/?lang=en> (accessed: 10.03.2023).

⁷ Россия осталась без молдавских и грузинских вин [Russia is left without Moldovan and Georgian Wine]. *Lenta*. 2006. March 28. URL: <https://lenta.ru/news/2006/03/28/wine/> (accessed: 10.11.2023).

⁸ Georgians deported as row deepens. BBC. 2006. October 6. <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/5412672.stm>. (accessed: 09.11.2023).

To summarize, the South Caucasus remains marked by historical conflicts and contemporary power struggles. Russia aims to secure stability, assert dominance, and prevent foreign interference in the region by upholding military bases and economic influence. Following the 2008 and 2020 conflicts, Moscow solidified its military presence in the area, effectively minimizing external influences. Additionally, Russia holds a strategically advantageous economic position in the region. While only Armenia is a member of Russian-led international organizations, Moscow continues to be a significant trade partner for both Georgia and Azerbaijan.

Trade, Energy and Security: Ankara in the Caucasus

In the early 1990s, Ankara sought to establish influence in the newly independent states, leveraging Moscow's declining authority in the region. As Balta pointed out [2019: 74], Ankara's objective during this phase was to reassert its significance in the eyes of Western partners post-Cold War. The new Turkic republics viewed Turkey as a potential model to emulate [Sanai 2020: 146]. Yet, Ankara faced limitations in resources required to assert its political and economic dominance over these states [Köstem 2019: 113]. Moreover, the "Turkish model" and the perceived "elder brother" stance were seen as patronizing by the administrations of the new republics [Oran 2002: 394].

Over time, Ankara shifted its approach to a more pragmatic stance, emphasizing bilateral economic gains and an egalitarian partnership rather than the paternalistic "elder brother" role. Within this framework, Georgia and Azerbaijan emerged as natural regional allies for Ankara [Köstem 2019: 112]. The oil and gas reserves in Azerbaijan presented a favorable opportunity. During Moscow's preoccupation in the 1990s, Ankara, Tbilisi, and Baku established a deal to build pipelines, namely the Baku-Tbilisi-Ceyhan oil pipeline (BTC) and the Baku-Tbilisi-Erzurum natural gas pipeline (BTE), inaugurated in 2006. Despite this, the focus on identity remained. While Central Asia remained the ancestral homeland of the Turkish

people [Fidan 2010: 110], the South Caucasus was regarded as a pathway leading to it.

Ankara's goals in the South Caucasus appear centered on two key concerns: bolstering security to ensure access to Central Asia and strengthening economic ties to position Turkey as an energy and trade hub. In terms of security, Ankara aimed to maintain regional stability and prevent the area from becoming another Russia-USA confrontation zone. Economically, Turkey aimed to enhance energy cooperation and establish new trade routes to access Eurasian markets. Over time, Turkey has increasingly wielded its military, economic, and soft power instruments with more frequency and effectiveness.

Nevertheless, following Vladimir Putin's rise to power, Moscow managed to regain and amplify its influence in the region. After the dissolution of the Soviet Union and the Nagorno-Karabakh conflict, a significant milestone was the Russian-Georgian War in 2008. Ankara's reaction was multifaceted. Firstly, it aspired to resolve the region's issues among the Caucasus states sans external involvement. To this end, Ankara emphasized the primacy of the Montreux Convention to deter the US Navy's entry into the Black Sea [Aydın 2020]. Ankara refrained from confrontation in the Black Sea, activating relevant mechanisms in the Montreux Treaty to halt American military vessels from accessing Georgian ports [Konovalov 2020: 156]. This was consistent with Ankara's objections to extending "Operation Active Endeavor" by NATO from the Mediterranean to the Black Sea in 2006 [Aydın 2009: 281].

Secondly, in response to the 2008 War, Ankara proposed the creation of the Caucasus Stability and Cooperation Platform as an attempt to resolve regional matters among the South Caucasian states and Russia. This project aimed to normalize relations among these countries, establishing regional peace and stability. While the intended results were not achieved, the platform indicated Ankara's determination to prevent conflicts in the Black Sea region. However, this initiative drew criticism from the West due to its prominent role for Russia, perceived as the main aggressor in 2008 [Çelikpala 2019: 12].

Ankara attempted to improve its relations with Armenia in 2009 through the “football diplomacy”. Although unsuccessful, this initiative demonstrated Ankara's desire to increase influence in the region while maintaining stability. It was also linked to the potential vulnerability of the Georgian energy route, evident during the shutdown of the BTC oil pipeline in the 2008 War [Oskanian 2011]. This effort indicated Ankara's strategy to secure and diversify access to Eurasia, even though it was short-lived due to public disapproval and objections from Armenia and Azerbaijan.

The Ukraine Crisis in 2014 and Russia's intervention in the Syrian Civil War altered Ankara's perceptions and strategies. With an increased Russian military presence in Crimea, Gyumri, and Syria by 2015, Turkey re-evaluated its threat perception, particularly in the Black Sea region. Conflicting positions in Syria led to the downing of a Russian jet by the Turkish Air Force, potentially escalating tensions. On a rhetorical level, Turkey hardened its stance regarding Russia's activities around its borders. President Erdogan expressed concerns about the Black Sea potentially becoming a “Russian Lake” due to NATO's absence in the area⁹.

Consequently, Turkey started augmenting its presence in the Caucasus. The annual “Caucasian Eagle” military exercises were initiated in collaboration with Azerbaijan and Georgia in 2015, reflecting increased military cooperation. Additionally, Turkey supported Georgia's NATO membership. Foreign Minister Mevlut Cavusoglu expressed bewilderment over NATO's inaction regarding Georgia despite accusations of Turkey's close relations with Russia¹⁰. This signaled Turkey's active role in the region, aiming to counterbalance Russia's influence while supporting regional allies' integration into NATO.

In the economic sphere, Ankara continued its strategy of diversifying energy resources and trade routes. In addition to new pipeline projects with Russia, the Baku-Tbilisi-Kars (BTK) railway, connecting Baku to Kars through Georgia, was inaugurated in 2017.

A crucial development indicating Ankara's intention to strengthen its presence in the region occurred in 2020 during the Second Nagorno-Karabakh War. Before this conflict, Ankara firmly supported the existing status quo in the region. While providing unwavering political support to Azerbaijan, this support had not extended to military assistance. However, Turkey shifted its policy during the 2020 war by supplying military aid to Baku before and during the conflict, through arms sales and organizational support. Following the war, Turkey established a presence in the region by inaugurating a joint monitoring center with Russian troops in Azerbaijan. The Shusha Declaration signed in June 2021 between Turkey and Azerbaijan emphasized the depth of bilateral relations.

Turkey remains a significant trade partner for both Azerbaijan and Georgia. Collaboration has extended to military production, evident in reports confirming Azerbaijani-Turkish cooperation on Turkey's indigenous fighter jet project Kaan, a development unprecedented in Azerbaijan's air force, which had primarily utilized Russian and Soviet-made aircraft¹¹.

Supporting Georgia's territorial integrity, Turkey augmented its economic and political cooperation, leading some experts to characterize Turkey as a “merchant hegemon” in its relations with Georgia. Bilateral ties resulted in a free trade agreement and a visa-free travel regime.

Economic relations with Armenia are less significant due to closed borders and a lack of diplomatic ties. Ankara emphasizes that the resolution of conflicts between Armenia and

⁹ Erdoğan: Karadeniz adeta Rusya'nın bir gölü haline dönüşüyor [Erdogan: The Black Sea is becoming a Russian Lake]. *Sputnik Türkiye*. 2016. May 11. URL: <https://sputniknews.com.tr/20160511/erdogan-karadeniz-rusya-nato-1022683225.html> (accessed: 10.03.2023).

¹⁰ Turkish foreign minister calls for enlarged NATO, Georgia membership. *Reuters*. 2020. January 23. URL: <https://www.reuters.com/article/uk-davos-meeting-turkey-georgia-idAFKBN1ZM117> (accessed: 10.03.2023).

¹¹ Azerbaijan, Türkiye to cooperate in creation of Turkish fifth-generation fighter. *Azernews*. 2023. July 27. URL: <https://www.azernews.az/business/212790.html> (accessed: 17.08.2023).

Azerbaijan is a prerequisite for initiating the process of economic and stability improvement with Armenia¹².

The cultural affinity with Turkic countries forms the foundation for expanding Ankara's presence in the region, compensating for Turkey's geographical distance from Central Asia [Sanai 2020: 320]. Azerbaijan not only serves as a partner but also represents Turkey's main gateway to Central Asia. At a domestic level, Turkey's aid agency TICA has emerged as Ankara's principal soft power tool in the region, executing diverse projects spanning education, administrative support, development assistance, and cultural initiatives [Ipek 2015: 179]. Other institutions such as Diyanet, YTB, Yunus Emre centers, and TURKSOY actively contribute to bolstering Turkish influence. Their activities are notably active within Georgia, particularly within Muslim communities [Shamarina 2020: 233]. The establishment of the Organization of Turkic States (OTS) at the intergovernmental level underscores a clear push for increased integration among Turkic nations [Mustofaev 2022: 110]. In addition to institutional methods, Turkey's entertainment industry, notably TV series, serves to promote the Turkish language and culture, particularly among the younger generation, not just in Azerbaijan but also in Georgia.

Ankara's principal goal revolves around securing energy and trade routes within the region, resolving conflicts among regional actors without external interference. This commitment is evidenced by Ankara's backing of a platform following the 2008 war and its support for Russian initiatives in resolving the 2020 conflict without invoking OSCE participation. Additionally, Ankara's efforts to normalize relations with Armenia after both the 2008 and 2020 conflicts underscore Turkey's intentions. This also aligns with Turkey's aim to diversify alternative routes to Eurasian markets. Therefore, a comprehensive peace process covering Armenia-Azerbaijan, Turkey-Armenia, and Georgia-Russia aligns best with Ankara's regional strategy.

Changing dynamics in Russia-Turkey relations

The aims and concerns of Moscow and Ankara in the South Caucasus have remained significant aspects of their bilateral relations. Turkey's objective to link Caspian and Central Asian hydrocarbon resources to European markets conflicts with Russia's energy diplomacy, while Turkey's direct support to Azerbaijan challenges the existing regional status quo. Nevertheless, they found common ground on certain issues, like preventing US involvement in the Black Sea region and enhancing energy cooperation through projects such as the TurkStream pipeline. The most challenging situation emerged from the south when both countries became involved in the Syrian civil war on opposing sides.

In 2015, tensions escalated between Russia and Turkey as the Russian military provided direct support to Bashar Assad, opposed by Ankara. Relations soured further when a Russian SU-24 was shot down by the Turkish Air Force, leading Moscow to impose harsh sanctions against Ankara. This marked the lowest point in bilateral relations since the imperial era. However, in 2016, the two nations began re-establishing communication and found a shared platform. Despite competing interests and support for opposing sides in various conflicts, they acknowledged each other as legitimate actors and sought common interests in different regions, including the South Caucasus [Köstem 2022]. This wasn't merely about finding mutual understanding on specific issues, but the initiation of a new phase in their interaction.

The aftermath of the jet crisis prompted a realignment in bilateral relations. Moscow and Ankara resumed existing energy projects and the coup attempt in Turkey in 2016 hastened their rapprochement. Turkish authorities accused the US of supporting the coup attempt [Kubicek 2021]. Köstem [2021] defines the post-2016 Russian-Turkish mode of interaction as "strategic alignment" Kutlay and Öniş [2021: 1088], focus on the international level

¹² Türkiye, Azerbaijan eye stronger ties amid rapprochement with others. *Daily Sabah*. 2023. July 31. URL: <https://www.dailysabah.com/politics/diplomacy/turkiye-azerbaijan-eye-stronger-ties-amid-rapprochement-with-others> (accessed: 17.08.2023).

and argue that the desire to seek strategic autonomy from Washington's hegemony is the driving force behind this reconciliation.

This new mode of interaction encompasses two key components: 1) advancing cooperation when it's deemed beneficial; 2) seeking common ground on disagreements to prevent confrontation rather than striving for immediate full resolution. This fresh phase in bilateral relations between Turkey and Russia has seen cooperation in the energy sector (continuation of the Turkish Stream, Akkuyu NPP, discussions of a gas hub in Turkey), diplomatic initiatives (such as the Astana process, Turkey-Russia-Qatar talks, the grain corridor, and the Antalya diplomatic forum), and an increase in economic interaction. Within the context of this new interaction pattern, Ankara has deepened cooperation with Moscow in unconventional areas, such as the S-400 deal, an unexpected move for a NATO member. Cooperation in the energy field between the two countries has also persisted.

At the very initial phase of the healing of the bilateral relations, the assassination of the Russian ambassador to Turkey, Andrei Karlov, in December 2016 posed a significant threat to Russian-Turkish relations and put the rapprochement into a serious test. Tensions had risen due to Russia's involvement in the Syrian Civil War, supporting the Damascus regime against opposition forces in northern Syria, which had sparked criticism and protests in Turkey. The assassination occurred amid this strained atmosphere, posing a potential risk to the already fragile relations. However, both nations adopted a cautious approach, preventing the incident from escalating into a new crisis. Both sides called the murder of the ambassador "a provocation to Russia and Turkey"¹³. This cautious handling of the situation not only averted a diplomatic fallout but also showed the improving ties between Ankara and Moscow.

Russia and Turkey established new approaches to resolve the central issue of the Syrian

Civil War through the Astana peace process, involving Moscow, Ankara, and Tehran. The primary aim was to avoid conflicts like the jet crisis through ongoing coordination [Mamedov, Lukyanov 2018]. Markedonov [2018: 43] proposed extending the Moscow-Ankara-Tehran framework to address conflicts in the South Caucasus, leveraging the positive results seen in the Syrian crisis. This format, successful in Syria, excluded Western actors [Kortunov 2019]. The 2020 Azerbaijani-Armenian War further exemplified the cooperation between Russia and Turkey. Although the conflict was mostly resolved due to Russian initiatives, Moscow acknowledged Turkey's role by establishing a joint observation post [Trenin 2020].

Notably, Turkey maintains strong support for Ukraine in its conflict with Russia, while simultaneously engaging in cooperation with Russia, potentially affecting Ukraine adversely. Examples of this dual approach include Turkey's provision of arms and aid to Ukraine, along with its involvement in the Grain Deal. Conversely, Turkish trade with Russia has escalated to a level where Western actors threatened Turkey with the possibility of imposing sanctions. Furthermore, Ankara has shown significant interest in participating in President Putin's initiative to establish Turkey as a gas hub.

This new mode of relations between Russia and Turkey has also influenced the policies of the South Caucasus states, prompting Armenia, Azerbaijan, and Georgia to reassess their foreign policies.

Azerbaijan: Settling an old score

The aftermath of the war saw Azerbaijan adopting a more proactive foreign policy, characterized by: 1) a closer relationship with Russia; 2) forging an alliance with Turkey; 3) increased confrontation with the Islamic Republic of Iran; 4) fostering closer military cooperation with Israel; 5) advancing energy cooperation with the EU; and 6) bolstering Azerbaijan's position through infrastructure projects.

¹³ Ambassador assassination "a provocation" says Russia and Turkey. *Euronews*. 2016. December 19. URL: <https://www.euronews.com/2016/12/19/ambassador-assassination-a-provocation-says-russia-and-turkey> (accessed: 09.11.2023).

Since the dissolution of the USSR, Baku has pursued a multi-directional foreign policy, straddling relations between Western powers and Russia rather than aligning solely with either the pro-Russian approach of Yerevan or the pro-Western stance of Tbilisi [Idan & Shaffer 2011: 255]. Instead of seeking membership in the CSTO under Moscow's security umbrella, Azerbaijan has opted for balanced bilateral cooperation. Keeping Russia from intervening on Armenia's side has remained a primary focus of this strategy. However, after the Second Karabakh War, this equilibrium has tilted more in favor of a stronger partnership with Moscow, underscored by the signing of "the Declaration of Allied Relations" with Russia in February 2022. Nevertheless, Azerbaijan's relations with Russia encounter friction, particularly concerning Russian peacekeeping operations. For instance, Azeri officials have occasionally voiced discontent, notably in Nagorno-Karabakh¹⁴. Dissatisfaction with the 2020 deal was evident when a civilian initiative from Azerbaijan blocked the Lachin corridor due to purported environmental concerns¹⁵. Additionally, Baku has openly expressed support for the territorial integrity of Ukraine¹⁶.

The second facet of Azerbaijan's foreign policy post-2020 is the deepening of ties with Turkey. While the bilateral relationship has historically been close under the popularized slogan of "one nation – two states", Ankara-

Baku relations reached an unprecedented level following the conflict. This deepening cooperation encompasses military collaboration, Turkey's outspoken diplomatic support, and economic solidarity. This trend continued after the conflict's end with the declaration of an alliance in 2021, incorporating a clause for mutual military assistance along with prospects for cooperation in economy, infrastructure, energy, and education.

Conversely, relations between Baku and Tehran have experienced a downturn since 2020. Iran has grown increasingly concerned about Azerbaijani and Turkish geopolitical advancements in the region, especially given the calls for "Greater Azerbaijan," which has sparked unease in Tehran¹⁷. Responding to this, the Iranian military conducted drills on the Azerbaijani border¹⁸. Azerbaijani officials perceived these exercises as hostile actions, accusing Iran of threatening Azerbaijan, its secular structure, and repressing the Azeri minority in Iran¹⁹. Despite the strained relations, Azerbaijan remains Iran's primary trade partner in the South Caucasus, and bilateral trade has witnessed a significant upswing [Kaleji 2023: 15].

Increasing military cooperation and improved relations between Azerbaijan and Israel have sparked reactions from Iran²⁰. The strengthening collaboration between Azerbaijan and Israel, making Israel the primary arms supplier among Azerbaijan's military pur-

¹⁴ Aliyev obvinil Minoborony Rossii v nevyopolnenii obeshchaniya po Karabakhu [Aliyev accused the Russian Defense Ministry of failing to fulfill the promise on Karabakh]. *Kommersant*. 2022. July 15. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5468445> (accessed: 10.03.2023).

¹⁵ Blokirovka Lachinskogo koridora [Blocking of the Lachin Corridor]. *RIA Novosti*. 2022. December 17. URL: https://ria.ru/20221217/lachinskiy_koridor-1839358844.html (accessed: 10.03.2023).

¹⁶ Cornell S. Russia's southern neighbors take a stand. *The Hill*. 2022. URL: <https://thehill.com/opinion/international/3479461-russias-southern-neighbors-take-a-stand/> (accessed: 17.08.2023).

¹⁷ Taştekin F. Tensions simmer as Azerbaijan-Turkey alliance unsettles Iran. *Al Monitor*. 2022. November 21. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2022/11/tensions-simmer-azerbaijan-turkey-alliance-unsettles-iran> (accessed: 10.03.2023).

¹⁸ Kucera J. Iran's military starts "massive" drills on Azerbaijani border. *Eurasianet*. 2022. October 20. URL: <https://eurasianet.org/irans-military-starts-massive-drills-on-azerbaijani-border> (accessed: 10.03.2023).

¹⁹ Özgenç T. Azerbaijan to protect all Azerbaijanis, including those in Iran: President. *AA*. 2022. November 25. URL: <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/azerbaijan-to-protect-all-azerbaijanis-including-those-in-iran-president/2748046> (accessed: 10.03.2023).

²⁰ Why Azerbaijan needs to distance itself from Israel. *Tehran Times*. 2021. October 11. URL: <https://www.tehrantimes.com/news/465911/Why-Azerbaijan-needs-to-distance-itself-from-Israel> (accessed: 10.03.2023).

chases, has resulted in a heightened Iranian response²¹. This relationship has been underscored by the opening of the Azerbaijani embassy in Israel, marking the first Shi'ite Muslim country to establish such diplomatic representation. Recent statements by the Foreign Minister of Azerbaijan during a visit to Turkey, proposing the establishment of an Azerbaijan-Turkey-Israel platform²², further underscore the deepening ties between Azerbaijan and Israel.

Baku's economic policy primarily revolves around connecting Caspian hydrocarbon resources to global markets. The Trans-Anatolian Natural Gas Pipeline (TANAP) initiated the transportation of Azeri gas to the EU through Georgia and Turkey in 2021²³. Azerbaijan aims to augment gas volume, particularly during the ongoing European energy crisis. However, the nation's natural gas production falls short of satisfying European demand, necessitating connections to the reserves of other Caspian states, notably Turkmenistan. The resolution of the Kepez/Sardar dispute and the establishment of the shared Dostlug gas field is a significant step in this direction²⁴.

Azerbaijan is striving to enhance its geopolitical significance by positioning itself as a logistics and trade hub. The Aktau port of Kazakhstan already dispatches oil and other commercial goods to Europe through the port of Baku and the Baku-Tbilisi-Kars railway, known as the Middle Corridor²⁵. Another significant project, the North-South route, poised to connect the Indian market to Russia via

Iran's Chabahar port and Azerbaijan, received a boost with a trilateral agreement in 2022²⁶.

The establishment of the so-called Zangezur corridor from the Nakhchivan exclave to Azerbaijan through Armenia has emerged as a new logistics initiative following the Karabakh war. Although Article 9 of the 2020 ceasefire agreement mentions this mechanism, there has been no progress, leading to recurring clashes with Armenia. This corridor would reduce Baku's reliance on Iran to connect to Nakhchivan and circumvent Armenia to reach Turkey.

In summary, Azerbaijan is pursuing an active multi-directional diplomatic approach to capitalize on the advantageous position gained post-2020, balancing relationships with various actors in the region. However, this policy entails significant risks due to conflicting interests among Baku's partners. Closer ties with Russia could potentially impede increased gas provisions to the EU amid the ongoing crisis in Ukraine. Additionally, the strained relations with Iran may contribute to regional instability.

Armenia: Between the rock and a hard place

The consequences of the 2020 war have presented challenges for Yerevan, both internally and externally. Opposition to Prime Minister Pashinyan has constrained the administration's flexibility in reaching a final peace agreement with Baku. This not only jeopardizes Pashinyan's position but also raises questions about the long-term partnership with Russia, due to Moscow's hesitance in intervening within the CSTO framework. While certain

²¹ Arms Trade Importer/Exporter TIV Tables. *Stockholm International Peace Research Institute*. URL: <https://armstrade.sipri.org/armstrade/page/values.php> (accessed: 10.03.2023).

²² Türkiye, Azerbaijan eye stronger ties amid rapprochement with others. *Daily Sabah*. 2023. July 31. URL: <https://www.dailysabah.com/politics/diplomacy/turkiye-azerbaijan-eye-stronger-ties-amid-rapprochement-with-others> (accessed: 17.08.2023).

²³ TAP transports first 5 bcm of natural gas to Europe. *Trans Adriatic Pipeline*. 2021. September 16. URL: <https://www.tap-ag.com/news/news-stories/tap-transports-first-5-bcm-of-natural-gas-to-europe> (accessed: 10.03.2023).

²⁴ Azerbaijan, Turkmenistan Finally Reach Deal On Lucrative Caspian Sea Energy Field. *RFE/RL*. 2021. January 21. URL: <https://www.rferl.org/a/azerbaijan-turkmenistan-deal-caspian-energy-field-dostlug-31061674.html> (accessed: 10.03.2023).

²⁵ Kumenov A. Kazakhstan starts exporting oil through Middle Corridor from New Year. *Eurasianet*. 2022. November 11. URL: <https://eurasianet.org/kazakhstan-starts-exporting-oil-through-middle-corridor-from-new-year> (accessed: 10.03.2023).

²⁶ Azerbaijan, Russia, Iran ink declaration on development of North-South Transport Corridor. *News.Az*. 2022. September 9. URL: <https://news.az/news/azerbaijan-russia-iran-ink-declaration-on-development-of-north-south-transport-corridor> (accessed: 10.03.2023).

factions advocate for a more pro-Russian policy, there's a counter-movement pushing for withdrawal from this organization²⁷. This option was contemplated at the highest levels when Prime Minister Pashinyan recently declined to sign a joint declaration within the CSTO²⁸.

Although it is improbable for the Armenian-Russian relationship to suddenly deteriorate, the perception of Russia's reluctance to intervene on Armenia's side has led Yerevan to seek alternative partners in its struggle against Azerbaijan. The Pashinyan administration's attempts to foster closer ties with the EU faced opposition both in Moscow and within pro-Russian circles in Armenia, even before the 2020 war, mainly due to Russia's aim of excluding Western actors from the region.

Armenia has sought the involvement of Western actors, especially France and the United States, in resolving the conflict since the war's conclusion. US House of Representatives Speaker Pelosi's visit to Yerevan and her declaration of support for Armenia against Azerbaijan and Turkey marked an attempt in this direction²⁹. French President Macron's criticisms of Baku have drawn a strong response from Azeri President Aliyev, causing tensions and indicating France's alignment with Armenia³⁰.

Armenia's foreign policy historically emphasizes its relationship with Iran, especially since Iranian authorities declared in

2007 that economic sanctions on Iran could threaten Armenia's national security. Following the 2020 war, Iran seeks closer ties with Yerevan to maintain its land connection to Georgia and secure a foothold in the EAEU market by investing in Armenia. This alignment is driven by mutual concerns regarding Baku's burgeoning relations with Turkey and Israel.

Iran and Armenia's deepened relations create an "axis of exclusion", given Moscow's reluctance to support Armenia. Iranian officials have openly expressed their readiness to take measures if Armenia's territorial integrity is endangered³¹. Diplomatic relations have strengthened, with Iran establishing a consulate in Armenia's Syunik region, aiming to bolster security for both nations and foster development along the North-South route. Additionally, both neighbors operate a joint free trade zone on their border to enhance bilateral economic cooperation.

Armenia seeks to strengthen its ties with India through infrastructure projects linked to Iran's Chabahar port. The goal is to serve as a transit hub on the Persian Gulf-Black Sea axis, aligning with Russia's North-South transportation project³². This Armenia-Iran-India connection might extend to the military sector through the acquisition of Iranian equipment such as Shahed-136 drones or Indian products, raising concerns among Azeri officials regarding Indian arms exports to Armenia³³.

²⁷ Yerevan Protesters Demand Armenia's Withdrawal from CSTO. *Hetq*. 2022. September 17. URL: <https://hetq.am/en/article/148401> (accessed: 10.03.2023).

²⁸ Chirciu D. Putin meets with Pashinyan after Armenian premier refuses to sign CSTO declaration. *AA*. 2022. November 24. URL: <https://www.aa.com.tr/en/world/putin-meets-with-pashinyan-after-armenian-premier-refuses-to-sign-csto-declaration/2746701> (accessed: 10.03.2023).

²⁹ Gall C. Nancy Pelosi Visits Armenia Amid Conflict With Azerbaijan. *The New York Times*. 2022. September 17. URL: <https://www.nytimes.com/2022/09/17/world/europe/nancy-pelosi-armenia.html> (accessed: 10.03.2023).

³⁰ Azerbaijan cancels Armenia talks, says Macron cannot take part. *Reuters*. 2022. November 25. URL: <https://www.reuters.com/world/planned-brussels-meeting-between-armenia-azerbaijan-leaders-scrapped-interfax-2022-11-25/> (accessed: 10.03.2023).

³¹ Mehdi S.Z. Iran warns against border changes amid Azerbaijan-Armenia flare-up. 2022. September 14. URL: <https://www.aa.com.tr/en/middle-east/iran-warns-against-border-changes-amid-azerbaijan-armenia-flare-up/2685462> (accessed: 10.03.2023).

³² New chapter: Iran inaugurates consulate in Kapan, Armenia. *Tehran Times*. 2022. October 22. URL: <https://www.tehrantimes.com/news/477844/New-chapter-Iran-inaugurates-consulate-in-Kapan-Armenia> (accessed: 10.03.2023).

³³ Assistant to Azerbaijani President meets with Indian Ambassador. *Azeri-Press Agency (APA)*. 2023. July 26. URL: <https://apa.az/en/foreign-policy/assistant-to-azerbaijani-president-meets-with-indian-ambassador-to-country-408450/> (accessed: 17.08.2023).

Georgia: Taking a wait-and-see approach

For Tbilisi, the return of the Russian army to Azerbaijan presents the risk of potential military containment by Russia. Since the Rose Revolution, Georgia has adhered to an asymmetrical balancing strategy in its relationship with Russia. This approach involves considering Turkey as a “gateway to the West” and a balancing actor in regional policies. However, the positive upswing in Russian-Turkish cooperation, combined with Ankara’s deteriorating relations with Western actors, raises the possibility of Georgia being isolated. There’s a concern that any move to end Armenia’s isolation by Turkey and Azerbaijan as part of a potential peace agreement could potentially undermine Georgia’s significance as a transit country by diversifying energy and transportation routes.

Despite strained relations since 2008, interactions between Russia and Georgia still hold significance, especially for the latter. Georgia is cautious about cooperating with Russia on regional platforms and is striving to diversify its economy, aiming to reduce dependency on Russia. For instance, in response to the Crimean crisis in 2014, Georgia signed the Georgia-EU Association Agreement in June of the same year, differing from Armenia’s decision to join the Eurasian Economic Union (EEU). However, commercial relations between the two nations remain crucial for Georgia’s economic well-being. Moreover, Tbilisi refrained from joining the international sanctions regime against Moscow after the Ukraine Crisis. Former Deputy Foreign Minister of Russia, Grigory Karasin, acknowledged Russia’s approval of Georgia’s situation, suggesting that the West seeks to pressure the country due to its “very calm relations” with Russia³⁴.

Nonetheless, Georgia’s primary objectives revolve around maintaining its sovereignty and territorial integrity while aspiring to join European and Euro-Atlantic organizations, as

outlined in its National Security Concept³⁵. Given Tbilisi’s reluctance to engage in regional cooperation and dialogue platforms, it is reasonable to argue that a policy of “passive neutrality” characterizes Georgia’s foreign policy approach.

Turkey stands as Georgia’s closest neighbor in terms of cooperation. The ruling Georgian Dream party came to power with objections against Turkish economic and cultural influence in the country [Shamarina 2020: 235]. However, this did not progress beyond political discourse, and positive relations persisted. Bilateral trade between the two countries is highly liberalized, allowing companies from both nations to operate freely with few regulations. Additionally, Turkey serves as the top exporter in the Georgian market³⁶ and is a leading investor in Georgia [Yurdakal 2021].

Main truck routes to Central Asia and the Caucasus, the Baku-Tbilisi-Kars railway, and the BTC pipeline demonstrate an advanced level of partnership in logistics. Transit fees constitute an important income for the Georgian economy. However, Tbilisi’s stance on regional transportation liberalization remains unclear, as it could involve the restoration of Soviet-era train routes passing through Abkhazia and South Ossetia. While this could bring significant economic benefits, Tbilisi is reluctant to accept such a development as it could be seen as compromising its stance on territorial integrity. Moreover, the potential route connecting Baku to Nakhchivan through Armenian territory, bypassing Georgia, threatens its role as a transit country [Avdaliani 2022: 310].

Georgia’s diplomatic situation, shaped by differences with Russia, has prompted a more passive foreign policy stance to avoid potential trouble from Moscow. This delicate balance requires Tbilisi to approach various regional issues cautiously. For example, trilateral cooperation with Baku and Ankara necessitates wariness of Russia’s reaction, participation in inclusive regional plat-

³⁴ “The West is twisting Georgia’s arm over its relations with Russia” — Grigory Karasin. *JAM News*. 2023. August 2. URL: <https://jam-news.net/karasin-georgia-russia/> (accessed: 10.03.2023).

³⁵ National Security Concept of Georgia. *Ministry of Defence of Georgia*. 2018. URL: <https://mod.gov.ge/uploads/2018/pdf/NSC-ENG.pdf> (accessed: 10.03.2023).

³⁶ Gürcistan Ülke Profili [Georgia Country Profile] *Ministry of Trade of the Republic of Türkiye*. 2022. URL: <https://ticaret.gov.tr/data/5ef464c013b8767a58021859/G%C3%BCrcistan%20%C3%9Cike%20Profili-Ekim2022.pdf> (accessed: 10.03.2023).

forms in the Caucasus is hampered by the unresolved Abkhazian/South Ossetian issues preventing diplomatic engagement with Russia, and keeping relations with Ukraine at a distance to avoid provoking Russia. In essence, Tbilisi adopts a cautious “wait and see” strategy, being careful not to provoke Russia while maintaining its stance on territorial integrity.

* * *

The year 2016 marked a significant turning point in the relationship between Russia and Turkey. After the well-known jet crisis that strained their ties, the two nations successfully worked towards reconciliation. The coup attempt in Turkey in the same year further solidified the already improving relations, with Russia's supportive stance playing a crucial role. Post-2016, their cooperation extended beyond traditional areas, like energy infrastructure projects, to encompass domains like conflict resolution and arms trade.

This article delves into the impacts of the new mode of relations between Russia and Turkey on the foreign policies of South Caucasian countries. It analyzes how small states might react to changing dynamics in the regional balance of interests.

In our first case, Azerbaijan has been increasing its regional influence through its material capability and by strengthening bilateral relations with Russia and Turkey. Baku is also advocating for a trilateral Georgian-Turkish-Azerbaijani partnership to transport its hydrocarbon resources to European markets. However, the current trend could encounter resistance if Baku faces pressure from the West due to the ongoing conflict with Armenia. Worsening relations with Iran pose another

threat to regional stability. In summary, Baku has maintained relative independence in its foreign policy by fostering close ties with both Russia and Turkey, thus avoiding falling under direct influence from these countries.

Armenia, on the other hand, finds itself in a challenging position. The country could not secure the unconditional support it sought from the CSTO during the 2020 war and following border clashes. This might lead to pro-Western sentiments, urging Yerevan to align with Tbilisi's pro-European course and potentially alter the balance of power in the South Caucasus. These developments have left Armenia, Russia's most important ally in the region, vulnerable, potentially resulting in distancing from Russia and leaning towards the US or the EU. In brief, the country is seeking ways to mitigate the effects of Russian influence with the aid of an offshore balancer to support its dispute with Azerbaijan.

Georgia, since the early 2000s, has viewed Turkey as a “gateway to Europe” and a balancing actor. A robust Turkish-Russian alignment would necessitate a reevaluation of its foreign policy. Georgia perceives Russia as the occupier of its territory and refrains from participating in regional platforms due to the presence of the latter. However, Tbilisi's reluctance to engage in sanctions against Russia, combined with the significant influx of Russian migrants into Georgia and flourishing bilateral trade, could potentially improve relations between the two countries. Consequently, Georgia is adjusting to evolving conditions by pursuing a neutral stance in regional conflicts, aiming to avoid provoking Russia. Simultaneously, it remains committed to preserving its territorial integrity concerning Abkhazia and South Ossetia.

References

- Avdaliani E. (2022). Georgia and the Second Karabakh War. In H. M. Yavuz, & M. Gunter (eds.). *The Nagorno-Karabakh Conflict: Historical and Political Perspectives*. Routledge. P. 303–320.
- Aydin M. (2009). Geographical blessing versus geopolitical curse: great power security agendas for the Black Sea region and a Turkish alternative. *Southeast European and Black Sea Studies*. Vol. 9. No. 3. P. 271–285.
- Aydin M. (2020). The Long View on Turkish-Russian Rivalry and Cooperation. *The German Marshall Fund*. URL: <https://www.gmfus.org/news/long-view-turkish-russian-rivalry-and-cooperation> (accessed: 17.08.2023).
- Balta E. (2019). From Geopolitical Competition to Strategic Partnership: Turkey and Russia after The Cold War. *Uluslararası İlişkiler*. Vol. 16(63). P. 69–86.

- Broers L. (2020). Did Russia win the Karabakh war? *Eurasia.net*. URL: <https://eurasianet.org/perspectives-did-russia-win-the-karabakh-war> (accessed: 17.08.2023).
- Cecire M. (2013). The Merchant Hegemon: Georgia's Role in Turkey's Caucasus System. In Kakachia K., Cecire M. (eds.) *Georgian Foreign Policy: The quest For Sustainable Security*. Tbilisi: Konrad Adenauer Stiftung. P. 111–124.
- Coyle J. J. (2021). *Russia's Interventions in Ethnic Conflicts: The Case of Armenia and Azerbaijan*. Palgrave Macmillan. 188 p.
- Çelikpala M. (2019). *Bugüne Tarih Olarak Bakmak: Türkiye-Rusya İlişkilerinin Serencamı ve Geleceği* [Viewing Present as History: The State and the Future of Turkey-Russia Relations]. EDAM. 31 p.
- Dadparvar S., Kaleji V. (2023). The Persian Gulf-Black Sea International Transport and Transit Corridor: Goals and Constraints. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. (Published Online First) P. 1–23.
- Erşen, E. M. Çelikpala (2019). Turkey and the changing energy geopolitics of Eurasia. *Energy Policy*. Vol. 128. P. 584–592.
- Fidan H. (2010). Turkish Foreign Policy Toward Central Asia. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. Vol. 12. No. 1. P. 109–121.
- Gvalia G., Siroky, D., Lebanidze, B., & Iashvili, Z. (2013). Thinking Outside the Bloc: Explaining the Foreign Policies of Small States. *Security Studies*. Vol. 22. No. 1. P. 98–131.
- Hill F., Kirişçi K., Moffatt, A. (2015). Armenia and Turkey: From normalization to reconciliation. *Brookings*. URL: <https://www.brookings.edu/articles/armenia-and-turkey-from-normalization-to-reconciliation/> (accessed: 25.12.2022).
- Idan A., Shaffer B. (2011). The Foreign Policies of Post-Soviet Landlocked States. *Post-Soviet Affairs*. Vol. 27. No. 3. P. 241–268.
- Ipek P. (2015). Ideas and Change in Foreign Policy Instruments: Soft Power and the Case of the Turkish International Cooperation and Development Agency. *Foreign Policy Analysis*. Vol. 11. No. 2. P. 173–193.
- Javadi-Arjmand M. J. (2018). Iran and Turkey in the South Caucasus: Competition and Cooperation. *Journal of Iran and Central Eurasia Studies*. Vol. 1. No. 1. P. 15–31.
- Jesse N. G., Dreyer, J. R. (2016). *Small States in the International System: At Peace and War*. Lexington Books. 214 p.
- Kaleji V. (2023). Iran and the Role of Transit Corridors in the South Caucasus in the Context of the War against Ukraine. *Caucasus Analytical Digest*. No. 132. P. 14–20.
- Kazantsev A. A., Rutland P., Medvedeva S. M., Safranchuk I. A. (2020). Russia's policy in the “frozen conflicts” of the post-Soviet space: from ethno-politics to geopolitics. *Caucasus Survey*. Vol. 8. No. 2. P. 142–162.
- Kononov I. P. (2020). *Kavkazskaya Shakhmatnaya Doska* [Caucasian Chessboard]. s.l.: Vorob'ev A.V. 272 p.
- Korybko A. (2017). Russia's New Thinking Towards Armenia and Azerbaijan: An “Obstructionist” vs. an “Integrationalist”. *Oriental Review*. URL: <https://www.globalresearch.ca/russias-new-thinking-towards-armenia-and-azerbaijan-an-obstructionist-vs-an-integrationist/5609262> (accessed: 17.08.2023).
- Kortunov A. (2019). The Astana Model: Methods and Ambitions of Russian Political Action. In Mezran K., Varvelli A. (eds.) *The MENA Region: A Great Power Competition*. Ledizioni LediPublishing. P. 53–64.
- Köstem S. (2019). Geopolitics, identity and beyond: Turkey's renewed interest in the Caucasus and Central Asia. In Erşen E., Köstem S. (eds.) *Turkey's Pivot to Eurasia: Geopolitics and Foreign Policy in a Changing World Order*. Routledge. P. 111–128.
- Köstem S. (2021). Russian-Turkish cooperation in Syria: geopolitical alignment with limits. *Cambridge Review of International Affairs*. 34 (6), 795–817.
- Köstem S. (2022). Managed Regional Rivalry Between Russia and Turkey After the Annexation of Crimea. *Europe-Asia Studies*. Vol. 74. No. 9. P. 1657–1675.
- Kubicek P. (2021). Strictly Pragmatism?: Prospects for a Russian- Turkish Partnership. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. Vol. 23. No. 2. P. 233–250.
- Kutlay M., Öniş Z. (2021). Turkish foreign policy in a post-western order: strategic autonomy or new forms of dependence? *International Affairs*. Vol. 97. No. 4. P. 1085–1104.
- Lobell S. E., Jesse N. G., Williams K. P. (2012). Why do secondary states choose to support, follow or challenge? *International Politics*. Vol. 52. No. 2. P. 146–162.
- MacFarlane N. S. (2020). Russia in the South Caucasus. In Yemelianova G. M., Broers L. (eds.) *Routledge Handbook of the South Caucasus*. Routledge. P. 305–316.
- Mamedov R., Lukyanov G. (2018). Russia and Turkey: Approaches to Regional Security in the Middle East. *Perceptions: Journal of International Affairs*. Vol. 23. No. 2. P. 51–71.
- Markedonov S. (2018). Russia and the conflicts in the South Caucasus: main approaches, problems, and prospects. *Caucasus Edition*. Vol. 3. No. 2. P. 24–47.
- Markedonov S. M., (2021). Postsovetiyskiye De-Fakto Gosudarstva: Traektorii Bor'by Za Suverenitet [Post-Soviet De Facto States: Trajectories Of Their Struggle For Sovereignty]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 65. No. 12. P. 79–89.

- Markedonov S.M., Suchkov M.A. (2020). Russia and the United States in the Caucasus: cooperation and competition. *Caucasus Survey*. Vol. 8. No. 2. P. 179–195.
- Mustofaev M. (2022). The Organization of Turkic States: A New Approach to Global and Regional Challenges. *Perceptions: Journal of International Affairs*. Vol. 27. No. 1. P. 105–120.
- Oran B. (2002) *Türk Dış Politikası – Cilt 2* [Turkish Foreign Policy – vol. 2]. İstanbul: İletişim. 637 p.
- Oskanian K. (2011). *Turkey's global strategy: Turkey and the Caucasus*. IDEAS reports – special reports, Kitchen, Nicholas (ed.) SR007. LSE IDEAS. London: London School of Economics and Political Science. P. 23–27.
- Petrov A. (2023). Georgia in a New World: Between Russia and the West. Russian International Affairs Council. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/georgia-in-a-new-world-between-russia-and-the-west/> (accessed: 17.08.2023).
- Rogozinska A., Olech A. K. (2020). *The Russian Federation's Military Bases Abroad*. Institute of New Europe. 88 p.
- Sanai M. (2020). *Vzaimootnosheniya Irana i Tsentral'noy Azii: Tendentsii i perspektivy* [Relations between Iran and Central Asia: Trends and Perspectives]. Moscow: Iranskaya Biblioteka. 320 p.
- Shamarina O. A. (2020). Gruzia v kontekste turetskoy politiki "myagkoy sily" na rubezhe vekov [Georgia in the Turkish «Soft Power» Policy Context on the Cusp of Centuries]. *Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 20. No. 2. P. 231–236.
- Stent A. (2019). *Putin's World: Russia against the West and with the Rest*. New York: Twelve. 448 p.
- Suchkov M. A. (2018). The Caucasus. In Tsygankov A. P. (ed.). *Routledge Handbook of Russian Foreign Policy*. Routledge. P. 311–324.
- Sushentsov A., Neklyudov N. (2020). The Caucasus in Russian foreign policy strategy. *Caucasus Survey*. Vol. 8. No. 2. P. 127–141.
- Trenin D. (2020) Moscow's New Rules. *Carnegie Endowment for International Peace*. URL: <https://carnegie-moscow.org/commentary/83208> (accessed: 30.03.2023).
- Wezeman P. D., Kuimova A., Smith J. (2021). Arms transfers to conflict zones: The case of Nagorno-Karabakh. *Stockholm International Peace Research Institute*. URL: <https://www.sipri.org/commentary/topical-background/2021/arms-transfers-conflict-zonescase-nagorno-karabakh> (accessed: 25.12.2022).
- Yurdakal O. (2021). Investitsionnaya Politika Turtsii v Gruzii Posle Raspada SSSR [Turkey's Investment Policy in Georgia after the Collapse of the USSR]. *Rossiyskij vneshneekonomicheskij verstnik*. No. 7. P. 126–134.

ТРЯСУЩАЯСЯ ШАХМАТНАЯ ДОСКА

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ НА ЮЖНЫЙ КАВКАЗ

БАШАРАН АЙАР

Анкарский университет, Анкара, Турция

ОРКУН АРСЛАН

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Резюме

В данном исследовании рассматривается влияние динамики российско-турецких отношений на внешнюю политику государств Южного Кавказа. С 2016 г. взаимодействие этих двух игроков существенно изменилось и оказало влияние на многие регионы, в том числе и на Кавказ. Анализ

нового режима российско-турецких отношений после 2016 г. и его последствий для региона необходим для лучшего понимания внешнеполитических решений государств Южного Кавказа. В этой связи исследование начинается с рассмотрения стратегических подходов Российской Федерации и Турецкой Республики в регионе. Затем в статье даётся краткий обзор двусторонних отношений этих двух государств. Далее оценивается общий геополитический статус Азербайджана, Армении и Грузии, рассматривается возможное влияние динамики отношений между Россией и Турцией на их внешнюю политику. В статье делается вывод о том, что изменившиеся отношения между Россией и Турцией оказывают существенное влияние на внешнюю политику стран региона. В частности, в исследовании делается вывод о том, что Азербайджан проводит относительно автономную внешнюю политику и придерживается стратегии баланса, стремясь поддерживать отношения как с Россией, так и с Турцией, не становясь чрезмерно зависимым ни от одной из них. Особенно это стало заметно после Второй карабахской войны 2020 года, после которой Баку стал стремиться к ещё более тесным отношениям как с Анкарой, так и с Москвой. Армения же стремится уменьшить влияние России, добиваясь внешней поддержки в конфликте с Азербайджаном и изучая возможности включения в новые транзитные маршруты. В этом контексте Ереван стремится к более тесным связям с западными игроками, Исламской Республикой Иран и Индией. Грузия сохраняет свои притязания на Абхазию и Южную Осетию, но избегает участия в региональных конфликтах, чтобы не вызвать противодействие со стороны России, придерживаясь осторожной и осмотрительной стратегии, чтобы избежать любой эскалации, которая превратит страну в ещё один фронт в текущем кризисе между Западом и Россией.

Ключевые слова:

Россия; Турция; Южный Кавказ; Армения; Азербайджан; Грузия; внешняя политика; малые государства.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ АВТОНОМИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ЭКОНОМИКЕ

КОНЦЕПЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

ЕЛЕНА СИДОРОВА

Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН,
Москва, Россия

АЛЕКСЕЙ СИДОРОВ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Статья посвящена анализу комплексного политико-экономического направления развития Европейского Союза – стратегической автономии. В центре внимания данного исследования – стратегическая автономия ЕС в экономике. Рассмотрены зарождение и эволюция концепции открытой стратегической автономии в экономическом секторе, закреплённой в официальных документах европейского интеграционного объединения. Прослежена трансформация и расширение содержательного направления концепции – начиная от первых перечней критически значимых для развития экономики видов сырья и до стратегически важных высокотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности, призванных стать основой будущего устойчивого и динамичного экономического роста и обеспечить международную конкурентоспособность всего хозяйственного комплекса ЕС. Исследован и систематизирован набор мер, включая европейские долгосрочные стратегические проекты (с участием Европейского Союза как наднационального института, его государств-членов и отдельных компаний), которые реализуются как часть концепции стратегической автономии. Предпринята попытка оценить перспективы возможного осуществления данного набора мер. Показано, что полная имплементация всех положений стратегической автономии в экономике не представляется возможной, особенно с учетом широкого масштаба заявленных целей и задач. При благоприятном развитии событий Европейский Союз, вероятно, сможет удержать и закрепить свои позиции в части ресурсосберегающих технологий, в том числе их «зелёного» аспекта. В то же время менее успешной представляется реализация стратегической автономии в сфере сырья. Сформулированы вероятные последствия частичной реализации концепции открытой стратегической автономии в экономике для России. В результате проведённого исследования сделан вывод, что основную проблему для России представляет дальнейшее исключение нашей страны из существующих и перспективных европейских цепочек создания стоимости, прежде всего из особенно важных для экономики будущего высокотехнологичных отраслей.

Ключевые слова:

Европейский Союз; экономика; стратегическая автономия; критически значимые виды сырья; ключевые технологии, высокотехнологичные отрасли промышленности.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.06.2023

Дата принятия к публикации: 16.11.2023

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: yelena.sidorova@yahoo.com

Вопросы стратегической автономии Европейского Союза (СА ЕС) в экономике являются относительно новой темой, хотя не один десяток лет в Брюсселе повторяют тезис о важности такого направления работы, как диверсификация сырьевых поставок¹. Стратегическая автономия встроена в долгосрочную стратегию развития и сопряжена с рядом более масштабных задач интеграционного объединения, связанных с промышленной и экологической политикой².

Из зарубежных научных публикаций по этой теме выделим исследование влияния на стратегическую автономию экономической мощи (размер экономики, сбережений населения, национального богатства, состояния финансов, торговли, развития высоких технологий) на примере, в частности, проигравшей во Второй мировой войне Германии, превратившейся при этом в экономическую опору ЕС [Bento 2022]; анализ стратегической автономии в контексте изменения приоритетов экономической политики и фундаментальных структурных сдвигов в мировой экономике, а также преимуществ и рисков экономической взаимозависимости стран ЕС и растущих требований к качеству управления европейским экономическим пространством (геоэкономика) [Gehrke 2022]. Изменения в глобальной экономике требуют

переосмысления концепции «открытой стратегической автономии»³, в частности стремления уменьшить внешнюю зависимость ЕС в ряде критически важных секторов и направлений развития экономики — промышленной, конкурентной, торговой, цифровой, финансовой [Miró 2022].

В российском научном сообществе данная проблематика традиционно рассматривается в политических исследованиях, поскольку первоначально термин относился к внешней политике. Этот аспект проанализирован, в частности, в работах исследователей ИМЭМО РАН, Института Европы РАН, СПбГУ [Арбатова 2019; Арбатова, Кокеев 2020; Щербак 2020; Шпангер 2021; Коцур 2023]. *Экономическому измерению* стратегической автономии уделяется существенно меньше внимания. В отдельных статьях изучены основы стратегии ЕС по достижению автономности в экономике [Невская, Квашнин 2022], а также смежные вопросы его технологического суверенитета⁴.

Настоящее исследование продолжает серию работ авторов, осмысляющих перспективы стратегической автономии в экономике ЕС. Анализ отдельных сюжетов в рамках этой темы был представлен ранее на XIV Конвенте РАМИ в октябре 2022 года⁵, затем — на Учёном совете ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН в мае

¹ В частности, в «Стратегии Могерини» 2017 г. подчёркивается, что это направление деятельности ЕС выступает основным, и Брюссель трактует надёжность поставок как минимизацию зависимости от России. См. подробнее: [Кавешников 2017: 22–31].

² Action Plan on Critical Raw Materials // EC. 03.09.2020. 4 p. URL: <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/42852/attachments/2/translations/en/renditions/native> (accessed: 20.09.2023); Critical Raw Materials Resilience: Charting a Path towards greater Security and Sustainability // EC. 03.09.2020. 23 p. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020DC0474&from=EN> (accessed: 20.09.2023).

³ Открытая стратегическая автономия обеспечивает способность справляться в одиночку, если это необходимо, но не исключает сотрудничества, когда это возможно. — The future of EU's Open Strategic Autonomy: Ensuring citizens' well-being // European Parliament Think Tank. 07.03.2023. URL: <https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/events/details/the-future-of-eu-s-open-strategic-autono/20230215WKS04981> (accessed: 20.09.2023).

⁴ Толстухина А. Технологический суверенитет Евросоюза и его границы // РСМД. 2022. 12.10. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tehnologicheskii-suverenitet-evrosoyuza-i-ego-granitsy/> (дата обращения: 15.06.2023).

⁵ Сидорова Е.А., Сидоров А.А. Проблемы обеспечения стратегической автономии ЕС по ключевым видам техники и материалов // XIV Конвент РАМИ, МГИМО. URL: <https://mgimo.ru/upload/2022/10/xiv-risa-quo-vadis.pdf> (дата обращения: 20.09.2023).

2023 года⁶. В работе поставлены задачи рассмотреть экономическое содержание концепции СА ЕС, выявить основные направления её эволюции, а также оценить реализуемость этих положений в перспективе.

Теоретико-методологической основой анализа концепции стратегической автономии ЕС является системный метод, в рамках которого она выступает комплексным политико-экономическим направлением деятельности интеграционного объединения с учётом как эволюции мировой политической и экономической среды, так и возникновения новых международных вызовов.

Истоки концепции стратегической автономии в ЕС

Согласно определению Европейского парламента, стратегическая автономия ЕС означает «способность Союза действовать в стратегически важных направлениях своей политики самостоятельно и независимо от других стран» [Damen 2022: 1]. Некоторые специалисты утверждают, что она является «одной из тех непонятных (*elusive*) фраз наряду с «европейской армией»» [Franke, Varma 2019: 2].

Концепция стратегической автономии изначально, с 2013 года, распространялась только на внутреннюю политику и безопасность, с 2017 года — на международную политику. Авторы придерживаются основных этапов её периодизации (начиная с политического аспекта), указанных в исследовании экспертов Европейского парламента [Damen 2022]. Экономическое измерение она приобрела позднее, с приходом на пост главы Европейской комиссии Урсулы фон дер Ляйен, в особенности с 2020 года — кризиса *COVID-19*. В широ-

ком смысле стратегическая автономия позиционируется как «средство защиты и продвижения ценностей и интересов» [European strategic autonomy... 2019: 5].

Призывы к обретению Европейским Союзом большей самостоятельности на мировой арене звучали ещё в конце XX века в контексте Общей политики безопасности и обороны (ОПБО). В частности, эта задача ставилась на саммите в Сен-Мало в 1998 г. с участием Франции и Великобритании [Сидоров 2023: 202]. Первым же *официальным* документом Брюсселя, содержащим этот термин, стало Заключение Европейского Совета по ОПБО от 2013 года⁷. В нём была зафиксирована потребность в «европейской оборонной технологической и промышленной базе», которая может «повысить его стратегическую автономию и способность действовать совместно с партнёрами». Несмотря на то что тема СА была поднята исключительно с точки зрения вопросов обороны, уже тогда она имела экономическую составляющую. В Глобальной стратегии ЕС по Общей внешней политике и политике безопасности (ОВПБ) 2016 года⁸ термин встречается 4 раза в том же контексте, что и ранее [Damen 2022: 2].

В 2017 г. сочетание ряда вызовов экономического и политического характера резко повысило внимание к стратегической автономии в Европейском Союзе. Речь идёт о выходе Великобритании из ЕС, росте протекционизма в США после прихода к власти Дональда Трампа и экономической экспансии Китая. Не случайно на фоне подобных обстоятельств в Сорбоннской речи президента Франции Э. Макрона прозвучали такие слова, как национализм, протекционизм, изоляционизм, которые использовались для описания складываю-

⁶ Сидорова Е.А. Концепция стратегической автономии в экономике ЕС: проблемы и перспективы реализации // ИМЭМО. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/zasedanie-uchenogo-soveta-imemo-ran-9336>; <https://www.imemo.ru/files/File/ru/sc/2023/17052023-TEZ-Sidorova.pdf> (дата обращения: 20.09.2023).

⁷ Conclusions. European Council. December 19–20, 2013. P. 7.

⁸ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy // EEAS. 56 p. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (accessed: 20.09.2023).

шейся ситуации в мире⁹. Эти условия создавали дополнительные предпосылки для расширения трактовки стратегической автономии в плоскость геополитики.

Впоследствии активизировались научные исследования на тему стратегической автономии и её различных аспектов, в числе которых экономика и технологии заняли важное место наряду с традиционными вопросами безопасности и обороны. Переход от рассуждений к действиям (как будет показано далее) был обусловлен кризисом *COVID-19*, в ходе которого Брюссель осознал критические уязвимости. Он показал возросшую зависимость ЕС от азиатского региона (прежде всего Китая) по ряду товаров — от медицинской продукции до полупроводников и сырья [Белов 2020; Клинова 2020]. В июне 2020 г. высшие чиновники ЕС опубликовали статью по вопросам СА в экономике, выступая за «единую, устойчивую и суверенную Европу» не только в сфере безопасности¹⁰.

Актуальная трактовка стратегической автономии ЕС вобрала в себя практически все сферы, в том числе защиту европейских правил и норм ЕС, включая европейские ценности (*acquis communautaires*). В докладе авторитетных европейских экспертных центров (Клиндендаль, Нидерланды, и Королевский институт Эльканго, Испания) подчёркивается, что концепция «не означает изоляционизм или протекционизм; она строится на принципах мультилатерализма и свободной торговли без ущерба наименее развитым странам»¹¹. Германские специалисты уточняют, что

«экономические показатели являются важным источником силы внешней политики» [European strategic autonomy... 2019: 23]. Ранее американские исследователи уязвляли успех реализации стратегических целей и налаживание «желаемых отношений» с «эффективным и действенным распределением ресурсов» [Leenders et al. 1989: 606].

Актуальная концепция стратегической автономии в экономике ЕС подразумевает три основных вектора деятельности: создание международных партнёрств для обеспечения развития торговли и инвестиций; формирование промышленных альянсов в стратегически важных отраслях и реализацию проектов общеевропейской значимости (*Important Projects of Common European Interest, IPCEI*); мониторинг стратегических зависимостей и поиск возможных вариантов решения выявленных проблем. Иными словами, открытую стратегическую автономию в экономике можно свести к политике преодоления или снижения зависимости от третьих стран по сырью, технологиям и, соответственно, продукции высокотехнологичных отраслей (табл. 1).

В 2021 г. в докладе Европейской комиссии «Стратегическое предвидение 2021» выделено десять основополагающих направлений по преодолению глобальных вызовов XXI века в целях достижения стратегической автономии в её широкой трактовке¹². Из них третье направление (Укрепление позиций в области управления данными, искусственного интеллек-

⁹ Initiative pour l'Europe — Discours d'Emmanuel Macron pour une Europe souveraine, unie, démocratique // Elysée. 26.09.2017. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/09/26/initiative-pour-l-europe-discours-d-emmanuel-macron-pour-une-europe-souveraine-unie-democratique> (accessed: 20.09.2023).

¹⁰ For a united, resilient and sovereign Europe (with Thierry Breton) // The Diplomatic Service of the European Union. 08.06.2020. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/united-resilient-and-sovereign-europe-thierry-breton_en (accessed: 20.09.2023).

¹¹ Spain-Netherlands Non-paper on strategic autonomy while preserving an open economy // Rijksoverheid. 2021. 8 p. URL: <https://www.rijksoverheid.nl/documenten/publicaties/2021/03/25/spain-netherlands-non-paper-on-strategic-autonomy-while-preserving-an-open-economy> (accessed: 20.09.2023).

¹² 2021 Strategic Foresight Report. The EU's capacity and freedom to act // European Commission. 08.09.2021. P. 21. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_4581 (accessed: 20.09.2023).

Таблица 1

Хронология внедрения концепции стратегической автономии в экономике ЕС

Основной событийный фон	декабрь 2019 г. — главой ЕК становится У. фон дер Ляйен; январь 2021 г. — президентом в США становится Дж. Байден; февраль 2022 г. — начало специальной военной операции Российской Федерации на Украине; май 2024/2029 гг. — выборы в Европарламент
Промышленная стратегия ЕС	март 2020 г. — Новая промышленная стратегия для Европы; май 2021 г. — обновлённая версия Новой промышленной стратегии
Критически значимые виды сырья	февраль 2011 г. — первый официальный Перечень критически значимых видов сырья; 2012 г. — Европейское инновационное партнёрство (EIP) по сырьевым материалам; май 2014 г. — вторая версия Перечня критически значимых видов сырья; декабрь 2015 г. — План действий ЕС по созданию «экономики полного цикла»; сентябрь 2015 г. — третья версия Перечня критически значимых видов сырья; март 2020 г. — новый План действий ЕС по созданию «экономики полного цикла»; сентябрь 2020 г. — четвёртая версия Перечня критически значимых видов сырья; весна 2023 г. — пятая версия Перечня и Закон о критически значимых видах сырья
Промышленные альянсы	сентябрь 2017 г. — Промышленный альянс по аккумуляторам и батареям; июль 2020 г. — Промышленный альянс по чистому водороду; сентябрь 2020 г. — Промышленный альянс по сырьевым материалам; июль 2021 г. — Промышленный альянс по полупроводникам и процессорам, Промышленный альянс по промышленным данным и облачным технологиям
Важные проекты общеевропейской заинтересованности (IPCEIs)	декабрь 2018 г. — IPCEI по микроэлектронике; декабрь 2019 г. — первый IPCEI по батареям; январь 2021 г. — второй IPCEI по батареям; июль и сентябрь 2022 г. — оба IPCEI по водороду; июнь 2023 г. — второй IPCEI по микроэлектронике и ИКТ

Источник: составлено авторами по данным Key measures to establish greater strategic autonomy for European industry // EPRS. URL: <https://epthinktank.eu/2022/05/17/future-shocks-2022-establishing-greater-strategic-autonomy-for-european-industry/figure-42-key-measures-to-establish-greater-strategic-autonomy-for-european-industry/> (accessed: 20.09.2023).

та, передовых технологий) и четвёртое (Обеспечение и диверсификация поставок важнейших видов сырья) составляют суть приложения концепции к экономической сфере.

С 2022 г. СА получила мощный импульс благодаря, с одной стороны, постковидному восстановлению экономики государств-членов и геополитической напряжённости — с другой. Во многом действия ЕС в тот год были реакцией на начало специальной военной операции на Украине и поэтому связаны с вопросами обороны и безопасности (Версальская де-

кларация, Стратегический компас для ЕС)¹³. Впрочем, в 2022 г. должное внимание получили и вопросы экономики — прежде всего, снижения зависимости от ископаемого топлива из России и увязки этого курса с «зелёным переходом» (*REPowerEU Plan*)¹⁴. При отсутствии безопасного и устойчивого доступа к необходимым видам сырья цель ЕС стать первой климатически нейтральной экономикой мира может остаться нереализованной. В том же году Совет ЕС в своём Заключении упомянул развитие финансовой системы интеграционного объединения в контексте

¹³ The Versailles declaration, 10 and 11 March 2022. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/54773/20220311-versailles-declaration-en.pdf>; A Strategic Compass of the European Union. 21.03.2022. URL: <https://www.strategic-compass-european-union.com/> (accessed: 20.09.2023).

¹⁴ REPowerEU Plan https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/european-green-deal/repowereu-affordable-secure-and-sustainable-energy-europe_en (accessed: 20.09.2023).

стратегической автономии. Речь шла о чрезмерной зависимости от иностранных финансовых институтов и финансирования в иностранной валюте¹⁵.

В 2023 г. прошло десять лет с момента обнародования концепции. Открытая стратегическая автономия охватывает всё большее количество сфер, но по-прежнему нет чёткого ответа на вопрос о сочетании автономности и открытости, то есть «как открытый ... характер экономики ЕС ... соотносится с понятием автономии, предполагающим если не автаркию, то определённый уровень экономического и нормативного протекционизма?» [Невская, Квашнин: 67, 71]. При этом стратегическая автономия «в официальном дискурсе ЕС — это несводимая к протекционизму и изоляционизму способность действовать прежде всего в сферах экономики, безопасности и цифровой области для противостояния угрозам» [Коцур: 41]. В то же время практика может сильно отличаться от декларативных заявлений.

Вопросы стратегической автономии имеют прямое отношение к стратегиям национальной безопасности государств-членов ЕС, поскольку речь идёт о ресурсной базе, без надёжного доступа к которой функционирование экономики невозможно. После рассмотрения эволюции общей концепции проанализируем её основные направления в экономическом секторе.

Эволюция концепции критически значимых видов сырья

Предпосылки формирования концепции стратегической автономии применительно к сырьевым материалам возникли в эпоху «Великой рецессии» 2008–2009 годов и первоначально фиксировались в виде отдельных инициатив. Начало европейской¹⁶ стратегии по сырью было положено в 2008 г. Сообщением Европейской комиссии «Инициатива по сырьевым материалам»¹⁷. Уже в тот период подчёркивалось, что такие ключевые для экономики ЕС отрасли¹⁸, как машиностроение (особенно автомобиле- и приборостроение, авиакосмическая промышленность), в значительной мере зависят от сырья из третьих стран. Например, в обрабатывающей промышленности в 2017 г. 44% затрат приходились на сырьё; 18% — на труд; 3% — на налоги и 2% — на энергию¹⁹. Надёжность поставок стала важным фактором, от которого зависят конкурентоспособность Брюсселя и реализация Лиссабонской стратегии²⁰.

Как итог, Сообщение 2008 г. повлекло за собой предложение выработать интегрированную стратегию по вопросам сырья, включающую в себя три опоры: обеспечение его поставок из третьих стран; налаживание устойчивого снабжения из европейских источников; сокращение потребления первичных видов в Европейском Союзе (за счёт повышения эффективности при-

¹⁵ Council Conclusions on the EU's economic and financial strategic autonomy: one year after the Commission's Communication // EC. 29.03.2022. P. 7. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-6301-2022-INIT/x/pdf> (accessed: 20.09.2023).

¹⁶ На уровне отдельных стран ЕС схожие документы разработаны во Франции (2010), Финляндии (2010), ФРГ (2010), Нидерландах (2011), Великобритании (2012), Швеции (2012).

¹⁷ The Raw Materials Initiative — meeting our critical needs for growth and jobs in Europe. Communication to the European Parliament and the Council // EUR-Lex. 04.11.2008. 13 p. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2008:0699:FIN:en:PDF> (accessed: 20.09.2023).

¹⁸ Эти отрасли в сумме представляли 1,324 трлн евро добавленной стоимости и 30 млн рабочих мест.

¹⁹ Study on the review of the list of Critical Raw Materials Criticality Assessments // Publications Office of the European Union. 2017. P. 2. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/08fdab5f-9766-11e7-b92d-01aa75ed71a1/language-en> (accessed: 20.09.2023).

²⁰ The Raw Materials Initiative — meeting our critical needs for growth and jobs in Europe. Communication to the European Parliament and the Council // EUR-Lex. 04.11.2008. P. 2. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2008:0699:FIN:en:PDF> (accessed: 20.09.2023).

меняемых ресурсов и роста доли вторичных источников). Вместе с тем в глобальных цепочках создания стоимости (ГЦСС) ЕС почти не представлен «восходящим участием» по сырью²¹.

В 2009–2010 годах под эгидой Группы по вопросам предложения *критически*²² значимых видов сырья (*Raw Materials Supply Group*) действовала экспертная рабочая группа, которая в сотрудничестве с государствами—членами ЕС и игроками рынка разработала первую версию перечня. Вопросы геологической доступности, как и мировые запасы сырья, не были первостепенными при определении критической значимости (относительно обеспеченности ЕС по ряду значимых видов сырья см. табл. 2).

Более актуальную проблему представляют изменения геополитического ландшафта, приводящие к резкому увеличению спроса на соответствующие виды сырья со стороны менее развитых крупных экономик. Последние посредством инструментов торговой, налоговой и инвестиционной политики стремятся «зарезервировать исклю-

чительно для себя» ресурсную базу²³. Эта тенденция наглядно проявилась на фоне растущего числа государственных мер²⁴. В некоторых случаях ситуация дополнительно осложняется высокой степенью концентрации ресурсов в ограниченном числе стран. К 2010 г. на Китай приходилось 97% мирового производства оксидов редкоземельных металлов (РЗМ). В 2009 г. КНР впервые ввела ограничения на их экспорт, что в 2011 г. привело к резкому росту мировых цен на них. Цена отдельных РЗМ подскочила в пять раз из-за опасений их дефицита. Действия Пекина привели к увеличению инвестиций в разработку месторождений РЗМ в США и Австралии, направленных на разрушение монополии Китая [Сидоров 2015]. Появился термин «сырьевая дипломатия» (*raw materials diplomacy*) по линиям ЕС–Африка, ЕС–Россия, ЕС–КНР, а «поставки сырья превратились в реальный геополитический инструмент»²⁵. Другие развитые страны также признали зависимость от ряда важных видов сырья и принимают соответствующие меры²⁶.

²¹ Восходящее участие (*forward participation*) — экспорт страной сырья, промежуточных товаров и услуг, используемых другими странами для создания и экспорта своей продукции. — Trade in Value Added and Global Value Chains. WTO. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statistics_e/miwi_e/explanatory_notes_e.pdf (accessed: 20.09.2023).

²² В ряде исследований *стратегические* и *критически значимые* виды сырья используются как синонимы. Если попытаться разграничить эти понятия, то первые, как правило, более применимы к ВПК, а при нарушении поставок вторых может быть нанесён критический ущерб национальной экономике. — Critical raw materials for the EU. Report of the Ad-hoc Working Group on defining critical raw materials // EC. 2010. P. 23. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-6301-2022-INIT/x/pdf> (accessed: 20.09.2023).

²³ Critical raw materials for the EU. Report of the Ad-hoc Working Group on defining critical raw materials // EC. 2010. P. 5. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-6301-2022-INIT/x/pdf> (accessed: 20.09.2023).

²⁴ С 2007 г. в электронной базе данных о количественных ограничениях на сырьё в ЕС изначально было 19 стран, в том числе Алжир, Аргентина, Бразилия, КНР, Египет, Индия, Индонезия, Россия, ЮАР, Таиланд, Украина. Есть подобная база и у ОЭСР. См.: Methodological note to the Inventory of Export Restrictions on Industrial Raw Materials // OECD. 10.12.2022. 41 p. URL: <https://www.oecd.org/trade/topics/trade-in-raw-materials/documents/methodological-note-inventory-export-restrictions-industrial-raw-materials.pdf> (accessed: 20.09.2023).

²⁵ Critical Raw Materials Act: securing the new gas & oil at the heart of our economy. Blog of Commissioner Thierry Breton // EC. 14.09.2022. P. 1. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_22_5523 (accessed: 20.09.2023).

²⁶ Report on Critical Raw Materials for the EU. Report of the Ad hoc Working Group on defining critical raw materials // EC. May 2014. P. 12. URL: https://rmis.jrc.ec.europa.eu/uploads/crm-report-on-critical-raw-materials_en.pdf (accessed: 20.09.2023). Для Японии важными видами сырья являются кобальт, никель, марганец, молибден, РЗМ, вольфрам, ванадий. Для Австралии — тантал, молибден, ванадий, литий, РЗМ. Свои перечни есть в Канаде, Республике Корея и других странах. В частности, Сеул собирается вложить около 218 млн евро в течение десяти лет в исследования в области обогащения, переработки, вторичной переработки и товаров-субститутов.

Таблица 2
Производители некоторых критически значимых видов сырья в ЕС (% от мирового предложения)

Страна	Сырье
Бельгия	сурьма 9, мышьяк 2, висмут 4, кобальт 5, медь 2, германий 4
Болгария	бариты 1, медь 1
Нидерланды	сурьма 1
Чехия	шпат плавиковый 1
Польша	уголь коксующийся 1, медь 2, гелий 1
Португалия	вольфрам 1
Франция	шпат плавиковый 2, сурьма 1, уголь коксующийся менее 1, гафний 49 , марганец 1, кремний металлический 4
ФРГ	шпат плавиковый 1, шпат полевой 1, алюминий 1, сурьма 1, борат 2, уголь коксующийся 2, медь 3, германий 3
Финляндия	кобальт 1, никель 2, фосфаты менее 1, кобальт 11, медь 1, никель 3, платина 1
Швеция	медь – менее 1
Испания	медь 1, шпат плавиковый 2, шпат полевой 2, стронций 34 , вольфрам 1, алюминий менее 1, сурьма 2, медь 2, марганец 1, кремний металлический 1
Италия	шпат плавиковый 7, шпат полевой 1, сурьма 1
Греция	никель 1

Источник: составлено авторами по: [Grohol, Veeh 2023: 8].

Первая версия перечня включала 14 критически значимых видов сырьевых ресурсов, по которым существует риск их недостаточного предложения на рынке²⁷. Таким образом, их негативное воздействие на экономику больше, чем у других видов сырья. При этом рассматривалось два вида рисков: первый связан с предложением²⁸ (с учётом политико-экономической стабильности стран-производителей), второй – с экологией (если страна-производитель принимает меры экологической направленности, которые могут нарушить поставки сырья в ЕС). Кроме того, во внимание принималось наличие (по возможности) субститутов.

По ряду первичных видов сырья ЕС в определённой мере себя обеспечивает, например, строительными материалами (натуральный камень, гипс). Интеграционное объединение является крупным мировым поставщиком неметаллических полезных ископаемых (при этом будучи нетто-импортёром), но в то же время серьёзно зависит от металлосодержащих полезных ископаемых (всего 3% мирового производства). Помимо первичных, Брюссель полагается и на вторичные источники сырья, в частности, 40–60% металлов производятся из переработанного лома.

Наивысшая зависимость ЕС от внешних рынков наблюдается по металлам для вы-

²⁷ Совокупность факторов, которые могут привести к нарушению поставок определённых видов сырья и материалов [Blengini et al. 2020: 17].

²⁸ Некоторые металлы представляют собой побочный продукт полиметаллических руд. Например, галлий содержится в бокситах (сырьё для производства алюминия), германий и индий – в цинковых рудах, теллур – в медных и свинцовых рудах, РЗМ – в железной руде; рений – побочный продукт молибдена, а тот – производства меди. Риск предложения может быть связан не столько с самими критически значимыми видами сырья, сколько с нежеланием поставщиков наращивать добычу его «основных» видов.

сокотехнологичных отраслей (кобальт, платиноиды, РЗМ, титан). Они, среди прочего, играют ключевую роль в развитии технологий, способных повысить энергоэффективность и снизить выбросы парниковых газов²⁹.

В 2014 г. опубликован второй перечень критически значимых видов сырья. Ресурсы подразделили на абиотические (металлы и промышленные минералы) и биотические (из возобновляемых биоресурсов). Подтверждена критическая значимость 13 видов³⁰, в перечень внесены ещё шесть. Из списка исключён тантал, поскольку расширилось число его основных поставщиков.

В документе ЕС 2014 г. подчёркивалось, что данный перечень призван способствовать проведению европейской промышленной политики, повысить конкурентоспособность интеграционного объединения, обеспечить увеличение доли обрабатывающей промышленности в ВВП государств-членов до 20%. Сырьевые материалы, фигурирующие в «Стратегии Европа 2020», связаны с двумя крупными европейскими инициативами — «Промышленная политика в эпоху глобализации» и «Ресурсоэффективная Европа»³¹.

Сырьё из этого перечня вписано в более широкий контекст европейских политических направлений — торгового, научно-технического, оборонного. Уточнена методика отнесения различных видов сырья к критически значимым: факторы, определяющие эту значимость, разделены на две группы. Первая — риск предложения (возможности замещения, цикл вторичной переработки, концентрация рынка, управление). Вторая — экономическая значимость (количество сфер применения, важность для так называемых мегасекторов³² экономики). Нехватка предложения наблюдается для сурьмы, коксующегося угля, галлия, индия, платиноидов, тяжёлых РЗМ и кремния³³.

В рекомендациях экспертной рабочей группы содержалось предложение пересматривать перечень раз в пять лет, но Европейская комиссия приняла решение о пересмотре каждые три года, и уже в 2017 г. появился новый (третий) вариант³⁴. В нём сделан акцент на обеспечении конкурентоспособности экономики путём реализации мер инвестиционной политики (для снижения зависимости Брюсселя от сырьевого импорта), научно-технической политики (в рамках программы «Горизонт

²⁹ Для автомобилей с водородным двигателем необходимы катализаторы из платины, для электромобилей — литиевые батареи, а для современного авиастроения — суперсплавы с применением рения.

³⁰ Строго говоря, их стало 14, поскольку группа РЗМ распалась на тяжёлые (европий, гадолиний, тербий, диспрозий, эрбий, иттербий, иттрий и прочее) и лёгкие (лантан, церий, празеодим, неодим, самарий), а также скандий, что в совокупности даёт итоговые 20 видов в перечне.

³¹ Report on Critical Raw Materials for the EU. Report of the Ad hoc Working Group on defining critical raw materials // EC. May 2014. P. 6, 9. URL: https://rmis.jrc.ec.europa.eu/uploads/crm-report-on-critical-raw-materials_en.pdf (accessed: 20.09.2023).

³² Report on Critical Raw Materials for the EU. Report of the Ad hoc Working Group on defining critical raw materials // EC. May 2014. 41 p. URL: https://rmis.jrc.ec.europa.eu/uploads/crm-report-on-critical-raw-materials_en.pdf (accessed: 20.09.2023).

С учётом сформированных ЦСС мегасектора группируются иначе, чем в классификации *NACE* (*Nomenclature of Economic Activities*), хотя и базируются именно на ней. К ним относятся, например, конструкционные материалы; металлы; механическое оборудование, электроника и ИКТ, электрическое оборудование, дорожный транспорт и прочее. См.: Critical raw materials for the EU. Report of the Ad-hoc Working Group on defining critical raw materials // EC. 2010. P. 59–62; Annexes to the Report on Critical Raw Materials for the EU. 2014.

³³ Report on Critical Raw Materials for the EU. Report of the Ad hoc Working Group on defining critical raw materials // EC. May 2014. P. 35. URL: https://rmis.jrc.ec.europa.eu/uploads/crm-report-on-critical-raw-materials_en.pdf (accessed: 20.09.2023).

³⁴ On the 2017 list of Critical Raw Materials for the EU // EC. 13.09.2017. 8 p. URL: <https://www.etrma.org/wp-content/uploads/2019/09/20170913-2017-list-of-critical-raw-materials-for-the-eu.pdf> (accessed: 20.09.2023).

2020»³⁵). Перечень увязан с Повесткой дня в области устойчивого развития и Целями устойчивого развития (ЦУР) до 2030 года, а также с Планом действий ЕС по построению экономики полного цикла (циркулярной). Таким образом, произошло более глубокое встраивание сырьевого аспекта СА в долгосрочные цели развития экономики.

Снова была пересмотрена и уточнена методология³⁶: при сохранении основных параметров больше внимания стало уделяться торговым ограничениям, а также конечному распределению критически значимых видов сырья по отраслям. Перечень расширен с 20 до 27 видов. С одной стороны, из документа выбыли хром, коксующийся уголь и магнезит; с другой — добавились барит, бораты, натуральный каучук, скандий, тантал (убрали в 2014 году, но вернули обратно спустя три года), ванадий, гафний³⁷, висмут, гелий и фосфор. Первые шесть видов не фигурировали как критически значимые в версии 2014 года, последние три — никогда ранее не исследовались. Наиболее важными для экономики признаны вольфрам и магний (с учётом мегасекторов); РЗМ подвержены самой высокой степени риска предположения³⁸.

В опубликованной в том же 2017 г. Новой стратегии промышленной политики ЕС вновь подчёркнута стратегическая важность сырья для европейской обраба-

тывающей промышленности, а в докладе Европейской комиссии «О критически значимых видах сырья и построении циркулярной экономики» (2018 год) подробно обосновывается связь перечней и долгосрочного устойчивого развития ЕС³⁹. Отдельно отмечено, что эти критически значимые виды ресурсов играют ключевую роль не только для высокотехнологичных отраслей, но и для инноваций и динамики научно-технической политики в целом.

В Докладе Европейской комиссии по вопросам циркулярной экономики представлена статистика по вторичной переработке, где ЕС в ряде областей достиг довольно впечатляющих цифр, что свидетельствует об успехе ресурсоэффективной экономики: из вторичного сырья извлекают 44% всего потребляемого в европейской экономике ванадия, 42% вольфрама, 35% кобальта и 28% сурьмы⁴⁰. По остальным видам сырья показатели меньше.

Помимо обзора директив и проектов европейского уровня, в Докладе анализируется состояние основных отраслей (по потреблению и спросу критически значимых видов сырья), в частности электроники, электротехники, автомобильной промышленности, производства батарей и аккумуляторов, возобновляемых источников энергии (ВИЭ), оборонного комплекса и прочее [Gislev et al. 2018]. Этот документ можно считать связующим звеном в СА,

³⁵ В рамках этой программы действует проект «Умная земля» (*Smart Ground*).

³⁶ Для оценки риска предложения используется коэффициент зависимости от импорта (*IR, Import reliance*), представляющий собой дробь: в числителе — разность между импортом и экспортом ЕС, в знаменателе — внутреннее производство плюс сальдо чистого экспорта.

³⁷ Выбивается из общего списка, поскольку основной поставщик — Франция в лице её заморских территорий (но риск предложения всё равно велик).

³⁸ Study on the review of the list of Critical Raw Materials Criticality Assessments // Publications Office of the European Union. 2017. P. 41. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/08fdab5f-9766-11e7-b92d-01aa75ed71a1/language-en> (accessed: 20.09.2023).

³⁹ State of the Union 2017 — Industrial Policy Strategy: Investing in a smart, innovative and sustainable industry. Brussels: European Commission, 2017. 18.09. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_17_3185; Report on critical raw materials and the circular economy. Brussels: European Commission, 2018. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/d1be1b43-e18f-11e8-b690-01aa75ed71a1> (accessed: 11.12.2023).

⁴⁰ The Raw Materials Initiative — meeting our critical needs for growth and jobs in Europe. Communication to the European Parliament and the Council // EUR-Lex. 04.11.2008. P. 10. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2008:0699:FIN:en:PDF> (accessed: 20.09.2023).

поскольку он объединяет вопросы, связанные с сырьём, и разработку новой части концепции СА ЕС в экономике, которая сводится к ключевым высокотехнологическим отраслям.

Прорывным в реализации концепции стратегической автономии стал 2020 год, поскольку в ходе кризиса *COVID-19* проявилась уязвимость экономики к рукотворным спадам (то есть обусловленным целенаправленными ограничительными мерами государств по противодействию пандемии). *Во-первых*, логическим продолжением Доклада 2018 г. стало опубликованное в 2020 г. комплексное исследование Европейской комиссии «Критически значимые виды сырья для стратегических технологий и секторов в ЕС» [Bobba et al. 2020]. Оно вышло в один год с четвёртым перечнем из 30 критически значимых видов сырья⁴¹. *Во-вторых*, создан европейский Альянс по сырьевым материалам как часть Плана действий ЕС на этом направлении.

Перечень 2020 г. расширился до 30 видов, но положение существенно не изменилось. Расширение произошло за счёт бокситов, лития, титана и стронция (в 2017 г. не считавшихся критически значимыми); из перечня выбыл гелий. Обеспечение к ним доступа служит необходимым предварительным условием для продвижения «зелёного курса»⁴², а также обеспечения промышленного лидерства Брюсселя в технологиях будущего. Важность отдельных видов сырья оценивается по трём параметрам: участие в цепочках создания стоимости (впервые представлен их подробный анализ с применением соответствующих видов сырья); стратегические технологии; климат, энергетика и окружающая среда. Введена двухстадийная оценка цепочек поставок — добыча (извлечение из недр) и обработка (переработка).

Влияние различных факторов, которые позволяют включить тот или иной вид сырья в перечень, претерпело изменения: снизился риск предложения, но возросла важность для экономики (критерий, который показывает степень значимости определённого вида сырья в конечном использовании с учётом возможностей его замещения) [Blengini et al. 2020: 17]. Правда, исследование 2020 г. оперировало более ранней статистикой — сюда по объективным причинам не вошли ковидные разрывы цепочек поставок, иначе такого вывода, скорее всего, не последовало бы.

В Плане действий ЕС по критически значимым видам сырья сформулировано десять целей, чтобы обеспечить стратегическую автономию в данной области. В их число входят создание альянсов по сырью, рост исследований в области вторичной переработки и переработки мусора, а также формирование стратегических партнёрств по сырьевым вопросам с Канадой и странами Африки.

Основная цель европейского Альянса по сырью заключается в диверсификации поставок и достижении открытой стратегической автономии в цепочках стоимости, в частности, по РЗМ и магнитам⁴³. Впоследствии сферу его деятельности планируется распространить на другие критически значимые ресурсы.

Весной 2023 г. вышла пятая редакция перечня, расширенная до 34 видов. При оценке целесообразности включения в него тех или иных пунктов анализируется комплекс факторов, которые можно разделить на две группы: экономическую значимость и риск предложения. В первой группе учитывается участие сырья в создании добавленной стоимости отдельных отраслей экономики и возможность его замещения. В рамках второй группы — струк-

⁴¹ Critical Raw Materials Resilience: Charting a Path towards greater Security and Sustainability. Brussels: European Commission, 03.09.2020. 23 p.

⁴² Совокупность направлений и инструментов политики по обеспечению «зелёного перехода» ЕС с целью достижения к 2050 г. климатической нейтральности. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/green-deal/> (accessed: 11.12.2023).

⁴³ Action Plan on Critical Raw Materials // EC. 03.09.2020. P. 1. URL: <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/42852/attachments/2/translations/en/renditions/native> (accessed: 20.09.2023).

Таблица 3
Перечень критически значимых видов сырья (2023 год)

Бокситы Сурьма Мышьяк Барит Бериллий Висмут Бораты Кобальт	Коксующийся уголь Шпат плавиковый Шпат полевой Галлий Германий Гафний Гелий Тяжелые РЗМ	Литий Легкие РЗМ Магний Марганец Ниобий Платиноиды Фосфаты Медь*	Фосфор Скандий Кремний металлический Стронций Тантал Титан Вольфрам Ванадий Никель*
---	--	---	---

* — не относятся к критически значимым, но представляют собой стратегические виды сырья.

Источник: составлено авторами по: [Grohol, Veeh 2023: 3].

тура предложения сырья на рынке Европейского Союза (включая зависимость от импорта, торговые барьеры, узкие места в цепочках создания стоимости), а также возможности его получения посредством переработки (табл. 3).

Высокий риск предложения для ряда материалов из перечня объясняется тем обстоятельством, что основными поставщиками их в ЕС являются КНР (сурьма, полевой шпат, галлий, все РЗМ; в меньшей мере германий, графит, индий, магний, вольфрам), Россия (платиноиды), ДРК (кобальт и тантал), Бразилия (ниобий и тантал), ЮАР (платина) (табл. 4). Товаров-субститутов этих материалов пока нет, а возможности получить их из переработанного вторсырья низки.

В марте 2023 г. был опубликован «Закон о критически значимых видах сырья», в котором установлены ориентиры к 2030 г. для повышения самообеспечения экономики ЕС соответствующей продукцией и диверсификации структуры импорта. Среди прочего предусмотрено, что на одну страну, не входящую в интеграционное объединение, не должно приходиться более 65% годового потребления в государствах-членах любого вида стратегического сырья независимо от стадии обработки⁴⁴. Это решение означает ужесточение подходов к реализации стратегической автономии.

Основным драйвером наращивания добычи, соответствующей уровню спроса, традиционно выступает научно-технический прогресс (НТП) в разведке, разработке, переработке сырья. В случае с разведкой открытие даже одного месторождения может существенно изменить ситуацию: например, в Баян-Обо (Внутренняя Монголия) содержится подавляющее большинство из 31% доли КНР в запасах мировых РЗМ.

Помимо наднациональной политики, Брюссель стремится сотрудничать с международными организациями по проблемам критически значимых видов сырья. На трёхстороннем форуме ЕС—США—Япония обсуждаются вопросы рисков предложения, торговых барьеров, инноваций и международных стандартов. Сотрудничество с ОЭСР и ООН идёт по линии международных прогнозов, обсуждения экологических проблем; с ВТО — доступа на рынки, экспортных ограничений, а с «группой двадцати» — ресурсоэффективности. Вместе с тем успех достижения стратегической автономии зависит прежде всего от внутренних усилий ЕС.

Эволюция перечней показывает, насколько быстро меняются условия на мировых рынках на фоне международно-политической турбулентности. Ни один из этих документов не сокращался, а только расширялся, хотя состав менялся — причём

⁴⁴ Critical Raw Materials: ensuring secure and sustainable supply chains for EU's green and digital future // European Commission. 16.03.2023. P. 1. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_1661 (accessed: 15.06.2023).

не только из-за сдвигов в структуре (неуклонно растёт доля КНР), но и вследствие усилий ЕС на том или ином направлении. Внимание Брюсселя к вторичной переработке в некоторых случаях снижает зависимость от импорта. В условиях ковидного кризиса 2020 г. Европейский Союз ощутил, что для достижения своих стратегических целей ограничиваться одними критически значимыми видами сырья невозможно. Следующий год ознаменовал новый этап

развития концепции стратегической автономии в экономике: всё больше внимания уделяется высокотехнологичным отраслям.

Постоянное расширение перечня может показывать, с одной стороны, рост зависимости ЕС от различных видов сырья, с другой — не менее обширное число ключевых отраслей обрабатывающей промышленности, которыми обладает европейская экономика.

В ЕС достаточно реально оцениваются перспективы реализации целей стратеги-

Таблица 4
Основные страны—поставщики критически значимых видов сырья в ЕС (2022)

Сырье	Стадия*	Основной поставщик	%	Сырье	Стадия*	Основной поставщик	%
Алюминий	Д	Гвинея	63	Магний	П	КНР	97
Сурьма	Д	Турция	63	Марганец	Д	ЮАР	41
Мышьяк	П	Бельгия	59	Графит	Д	КНР	40
Барит	Д	КНР	45	Неодим	П	КНР	85
Бериллий	Д	США	60	Ниобий	П	Бразилия	92
Висмут	П	КНР	65	Никель	Д	Финляндия	38
Бор	Д	Турция	99	Фосфаты	Д	Марокко	27
Церий	П	КНР	85	Фосфор	П	Казахстан	65
Уголь	Д	Польша	26	Празеодим	П	КНР	85
Медь	Д	Польша	19	Самарий	П	КНР	85
Диспрозий	П	КНР	100	Скандий	П	КНР	67
Эрбий	П	КНР	100	Кремний металлический	П	Норвегия	35
Европий	П	КНР	100	Стронций	Д	Испания	99
Шпат плавиковый	Д	Турция	51	Тантал	Д	ДРК	35
Шпат полевоый	Д	Мексика	33	Тербий	П	КНР	100
Гадолиний	П	КНР	100	Тулий	П	КНР	100
Галлий	П	КНР	71	Титан	П	Казахстан	36
Германий	П	КНР	45	Вольфрам	П	КНР	32
Гафний	П	Франция	76	Ванадий	Д	КНР	62
Гелий	П	Катар	35	Иттербий	П	КНР	0
Гольмий	П	КНР	100	Иттрий	П	КНР	100
Лантан	П	КНР	85	Лютеций	П	КНР	100
Литий	П	Чили	79				
Тяжелые РЗМ	П	КНР	100	Легкие РЗМ	П	КНР	85

* стадия добычи — extraction stage (Д) или переработки — processing stage (П).

Источник: составлено авторами по [Grohol, Veeh 2023: 9].

ческой автономии в отношении сырья. Главной уязвимостью остаётся зависимость от КНР, причём европейская сторона с тревогой наблюдает за эволюцией китайской политики в отношении РЗМ, поскольку зависимость от них превышает даже импорт ископаемого топлива со стороны России. В 2021 г. половина китайских компаний в этой сфере слились в мега-госпредприятие с контролем 40% производства страны: Пекин считает рынок этих видов сырья «стратегически важным»⁴⁵. С августа 2023 г. Китай ввел процедуру лицензирования экспорта галлия и германия для полупроводников⁴⁶, которые изначально фигурировали в перечнях критически значимых видов сырья ЕС.

Потребность Брюсселя в этих материалах резко возрастает в связи с быстрыми технологическими сдвигами. До 2030 г. может вырасти в пять раз потребность в кобальте, почти в 18 раз — в литии⁴⁷. В долгосрочных прогнозах (до 2050 года), даже с учётом их постоянной корректировки, соответствующее увеличение составляет уже 15 и 60 раз. Спрос на РЗМ может существенно возрасти к середине XXI века⁴⁸. Более чем вчетверо может вырасти потребность в галлии (тонкослойные солнечные панели, светодиоды, интегральные схемы), удвоиться — для германия (оптоволоконные кабели, оптические технологии), вырасти в полтора раза — для неодима (постоянные магниты, лазерные технологии).

В формуле обеспеченности сырьём $D = Q + R + I$, где Q — сырьё из националь-

ной базы, R — сырьё из отходов, I — внешние источники. Единственный компонент, по которому ЕС способен повысить стратегическую автономию, — это R (вторичная переработка).

Подтверждением может служить Стратегия по вторичным видам сырья (в рамках Плана по построению циркулярной экономики). Пример достаточно успешного повышения роли R — алюминий, около 36% которого в Европейском Союзе поступает из вторичной переработки (в сравнении с 20% по миру)⁴⁹.

Элементы стратегической автономии постепенно встраиваются в обширную «экосистему» европейских политических инициатив — от «Европы 2020», «Зелёного курса» до промышленной и научной политики.

ЕС проделал значительную работу в отношении углубленного исследования важнейших для экономики видов сырья. Критерии первых перечней были уточнены, а затем начали рассматриваться в неразрывной связи с европейскими высокотехнологичными отраслями и цепочками создания стоимости. Особую роль в эволюции подходов к СА в отношении критически значимых видов сырья сыграл 2020 г., поскольку тогда в условиях коронакризиса были продемонстрированы уязвимости для важнейших отраслей в ЕС и показаны роль и место критически значимых видов сырья в них. Это побудило ЕС расширить охват СА, включив туда проблемы важнейших технологий и отраслей обрабатывающей промышленности Союза.

⁴⁵ Commission Staff Working Document. EU strategic dependencies and capacities: second stage of in-depth reviews // European Commission. 22.02.2022. P. 25. URL: <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/48878> (accessed: 20.09.2023).

⁴⁶ China imposes export curbs on chipmaking metals // The Financial Times. 03.07.2023. URL: <https://www.ft.com/content/6dca353c-70d8-4d38-a368-b342a6450d95> (accessed: 20.09.2023).

⁴⁷ Литий и РЗМ, по выражению главы ЕК У. фон дер Ляйен, «заменяют нефть и газ». См.: State of the Union. Address by President von der Leyen // EC. 14.09.2022. P. 8. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_22_5493 (accessed: 20.09.2023).

⁴⁸ Critical Raw Materials Resilience: Charting a Path towards greater Security and Sustainability // EC. 03.09.2020. P. 5. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020DC0474&from=EN> (accessed: 20.09.2023).

⁴⁹ Investigating Europe's secondary raw material markets // EEA Report. 2022. No. 12. P. 13. URL: <https://www.eea.europa.eu/publications/investigating-europes-secondary-raw-material> (accessed: 20.09.2023).

Критически значимые отрасли промышленности и технологии

Работа по формированию направлений, которые позже легли в основу стратегической автономии в высокотехнологичных отраслях, началась параллельно с разработкой перечней по сырью. Между тем эти составные части не были объединены под единым термином.

Ещё в 2009 г. Европейская комиссия выпустила Сообщение⁵⁰, в котором впервые шла речь о разработке Стратегии по ключевым технологиям (*Key enabling technologies, KETs*). Их основная особенность состоит в распространении инноваций на всю хозяйственную систему ЕС для поддержания и повышения конкурентоспособности, а также стимулирования экономического роста. Подчёркивается необходимость не только увеличения расходов финансирования ИРИ (исследования, разработки, инновации), но и более эффективного перераспределения имеющихся ресурсов.

Брюссель в ряде случаев реалистично оценивает свою неспособность достигнуть заявленных целей и очертить круг проблем на пути их реализации. Наряду с наличием существенных заделов в научной базе по основополагающим технологиям (в частности, нано- и микроэлектронике, промышленным биотехнологиям и фотонике), ЕС признаёт основной проблемой *коммерциализацию* результатов исследований в форме производства товаров и услуг. По нанотехнологиям, несмотря на наличие хорошей научной базы, доля частного капитала существенно ниже, чем у США.

Поскольку трактовка ключевых технологий в ряде европейских стран различается, а конкуренты в лице Вашингтона и Пекина также активизировались на этих направлениях (ИКТ, нано- и биотехнологии), решение европейской стороны о разработке на наднациональном уровне отдельной стратегии с единой трактовкой выглядит логично и оправданно.

Европейский Союз отстаёт от Соединённых Штатов, несмотря на значительный объём средств, выделяемых на ИР (исследования и разработки) в высокотехнологичных отраслях. ЕС инвестирует намного меньше средств в ИКТ, чем США и Япония (2, 3,5 и 3% соответственно), а также имеет более низкую динамику роста государственных и частных расходов на ИР (19% европейская и 28% американская экономики) [Европейский союз ... 2020: 16–17].

Закономерно, что и доля этих отраслей в ЕС вдвое ниже, чем в США, и на треть ниже, чем в Японии. Меньшая доля высокотехнологичных отраслей затрудняет распространение *KETs* в ЕС и демонстрирует низкую по сравнению с двумя странами степень эксплуатации и коммерциализации высоких технологий⁵¹. Несмотря на большую долю патентных заявок ЕС в ключевых технологиях (свыше четверти в мире с лидирующими позициями ФРГ)⁵², они зачастую реализуются за его пределами. Правда, имеются и явные успехи: благодаря инвестициям, сделанным за последние пять лет⁵³, Европейский Союз обладает тремя из пяти самых мощных суперком-

⁵⁰ Preparing for our future: Developing a Common Strategy for Key Enabling Technologies in the EU // EUR-Lex. 30.09.2009. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex%3A52009DC0512> (accessed: 20.09.2023).

⁵¹ Подобная ситуация обусловлена широким кругом проблем — от нехватки высококвалифицированного человеческого капитала до недостатка финансирования венчурных предприятий, которые показывают низкую склонность к риску, что само по себе является препятствием для развития не только высокотехнологичных отраслей, но и всей экономики ЕС [Худякова, Сидорова 2020].

⁵² European Competitiveness Report 2010. Commission Staff Working Document // AEI. 31.10.2010. P. 14. URL: <https://aei.pitt.edu/45443/> (accessed: 20.09.2023).

⁵³ Только в 2021–2027 годах запланированные инвестиции в европейскую «суперкомпьютерную экосистему» оцениваются в 7 млрд евро (3 млрд от ЕС, 3 млрд от стран ЕС и 1 млрд — частный сектор). URL: <https://www.euractiv.com/section/digital/news/marenostrum5-another-milestone-in-the-eus-supercomputing-ecosystem/> (accessed: 08.12.2023).

пьютеров в мире, которые являются основой для проектов в сфере ИИ⁵⁴.

В *KETs* было включено шесть групп. В их числе не только высокотехнологичные отрасли обрабатывающей промышленности, но и высокотехнологичные материалы, микро- и нанoeлектроника (полупроводники) и фотоника, ИИ, а также биотехнологии и вопросы безопасности⁵⁵. На уровне ЕС Стратегия финансируется с участием программы «Горизонт 2020» (свыше 6,6 млрд евро), средств структурных фондов ЕС (концепция «умная специализация» в Европейском фонде регионального развития) и Европейского инвестиционного банка (ЕИБ)⁵⁶ (около 1 млрд евро в год). В середине 2023 г. Европейская комиссия предложила создать инструмент *STEP* (*Strategic Technologies for Europe Platform*) для финансирования развития важнейших технологий, объединённых в три большие группы: цифровые, экологически чистые и биотехнологии. В связи с финансированием также отметим инновационно-ориентированное государственно-частное партнёрство (ГЧП), эффективность которого высоко оценивается, например, в сфере экономики космоса.

Ещё одним звеном будущей конструкции стратегической автономии стала концепция важных проектов общеевропейской заинтересованности (*Important Projects of Common European Interest, IPCEI*). До недавнего времени это звено считалось «относительно неизвестным положением законодательства ЕС (ДФЕС⁵⁷) о государственной помощи»⁵⁸. *IPCEI* позволяют Европейскому Союзу объединить усилия государств и частного сектора в реализации крупных общесоюзных проектов с существенными выгодами для интеграционного объединения и его граждан, в частности для *KETs*.

Концепция *IPCEI* возникла в 2014 году, когда Европейская комиссия разработала рекомендации по оценке подобных проектов, где отмечалось, что она может внести весьма значимый вклад в обеспечение экономического роста, занятости и конкурентоспособности в европейской промышленности и экономике⁵⁹. Согласно определению, *IPCEI* должны «явно содействовать реализации целей ЕС⁶⁰ и иметь значительное влияние на конкурентоспособность, устойчивый рост или создание стоимости внутри Союза»⁶¹. Изначально предполагалось

⁵⁴ State of the Union 2023. Address by President von der Leyen // EC. 13.09.2023. 17 p. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_23_4426 (accessed: 20.09.2023).

⁵⁵ A European Strategy for Key Enabling Technologies – a Bridge to Growth and Jobs // EC. 26.06.2012. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2012:0341:FIN:EN:PDF> (accessed: 20.09.2023).

⁵⁶ ЕИБ традиционно считается важным инструментом финансирования ИПИ на уровне ЕС. Совместно с ЕК действует Финансовый механизм разделения рисков (*Risk Sharing Finance Facility, RSFF*), доступный как государству, так и частному сектору и направленный на финансирование *KETs*. На 2012 г. этот инструмент предоставил финансирование 75 ИПИ проектов фирмам на общую сумму свыше 7 млрд евро. С 2011 г. функционирует Инструмент разделения рисков для МСП (*SME risk-sharing instrument, RSI*) для ИПИ проектов.

⁵⁷ Договор о функционировании Европейского Союза.

⁵⁸ Szczepański M. Important projects of common European interest. Boosting EU strategic value chains // EPRS. 12.11.2020. P. 2. URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI\(2020\)659341](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2020)659341) (accessed: 20.09.2023).

⁵⁹ Criteria for the analysis of the compatibility with the internal market of State aid to promote the execution of important projects of common European interest // Official journal of the European Union. 20.06.2014. P. C 188/4. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52014XC0620%2801%29> (accessed: 20.09.2023).

⁶⁰ К таковым относятся: стратегия «Европа 2020», новое Европейское исследовательское пространство, Энергетическая стратегия для Европы, Европейская стратегия для *KETs*, Электронная стратегия для Европы, Трансевропейские транспортные и энергетические сети, «Зелёный курс», Новая промышленная стратегия для Европы, а также все флагманские инициативы ЕС (Инновационный союз, Цифровая повестка для Европы, Ресурсоэффективная Европа, Интегрированная промышленная политика в эпоху глобализации).

⁶¹ Criteria for the analysis of the compatibility ... 20.06.2014. C. 188/6.

лось, что эти важные проекты будут включать не менее одного государства-члена, а выгоды от их реализации – распространяться за пределы участвующих стран.

В 2018 г. Европейская комиссия собрала Стратегический форум по *IPCEI* с участием представителей не только государств-членов ЕС, но и промышленности и науки. Итогом деятельности этого мероприятия стал список ключевых цепочек создания стоимости, связанных с *IPCEI*, но при этом имеющих более широкую трактовку. У них большой потенциал в реализации долгосрочных приоритетов ЕС (промышленная конкурентоспособность, климатические цели, стратегическая автономия): экологически чистая автомобильная промышленность, умное здравоохранение, низкоуглеродная промышленность, водородные технологии и системы, промышленный интернет вещей и кибербезопасность. Стратегические цепочки создания стоимости (СЦСС) определены как обладающие системной значимостью и вносящие существенный вклад в рост экономики, обеспечение занятости и конкурентоспособности и располагающие тремя качествами: технологическая инновационность, экономический и рыночный потенциал, социальная или политическая важность. Например, СЦСС по батареям (наряду с микроэлектроникой и высокопроизводительными компьютерами входит в число дополнительных СЦСС), по прогнозам европейских специалистов, к 2050 г. могут обладать рыночным потенциалом в 250 млрд евро ежегодно⁶².

В 2018 г. большая часть государств-членов Европейского Союза выступили за упрощение и ускорение процедур оформления проектов, а в 2019 г. франко-германский тандем в манифесте о будущем европейской промышленной политики признал их «полезным инструментом»⁶³. В 2021 г. Европейская комиссия в рамках СА в обновлённом Сообщении обозначила оценки трансграничного измерения проектов и их открытости для всех участников рынка, особенно для малых и средних предприятий. Кроме того, расширено минимальное количество стран, принимающих участие в проекте, – с этого времени оно достигло четырёх⁶⁴. На 2023 г. Комиссией одобрено шесть проектов общеевропейской заинтересованности: два по микроэлектронике⁶⁵, два по батареям и два по водороду (табл. 5).

Число проектов и участвующих в них стран и компаний увеличивается, что свидетельствует о росте интереса не только государств, но и частного сектора в решении соответствующих задач обеспечения стратегической автономии. Вместе с тем для этих проектов характерна относительно невысокая взаимосвязь частных и государственных инвестиций, за исключением первого проекта по микроэлектронике и второго по батареям с соотношением более трёх. Эти данные свидетельствуют о нехватке частных инвестиций, что отражается в итоговом показателе по всем проектам: 50 млрд евро частных вложений и 26,5 млрд евро государственных.

В разгар кризиса *COVID-19* на очередном заседании Совета ЕС по вопросам

⁶² Strengthening Strategic Value Chains for a future-ready EU Industry. Report of the Strategic Forum for Important Projects of Common European Interest // European Commission. 05.11.2019. P. 12–13. URL: <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/37824> (accessed: 20.09.2023).

⁶³ A Franco-German Manifesto for a European industrial policy fit for the 21st Century // Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. 2019. P. 5. URL: https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Downloads/F/franco-german-manifesto-for-a-european-industrial-policy.pdf?__blob=publicationFile&v=1 (accessed: 20.09.2023).

⁶⁴ Criteria for the analysis of the compatibility with the internal market of State aid to promote the execution of important projects of common European interest // Official Journal of the European Union. 30.12.2021. P. 528/12. URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021XC1230\(02\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021XC1230(02)) (accessed: 20.09.2023).

⁶⁵ Признана ключевой технологией в силу исключительной важности для всей продукции ИКТ с очень высокой капиталом- и наукоёмкостью, а также весьма острой международной конкуренцией. Основой же для всей микроэлектроники выступают полупроводники.

Таблица 5
Одобрённые IPCEI по состоянию на 2023 г.

IPCEI	Год	Кол-во компаний-участников	Кол-во проектов-участников	Государственные инвестиции, млрд евро	Частные инвестиции, млрд евро
Первый IPCEI по микроэлектронике	2018	29	43	1,9	6,5
Первый IPCEI по батареям	2019	17	22	3,2	5
Второй IPCEI по батареям	2021	42	46	2,9	9
Первый IPCEI по водороду Hy2Tech	2022	35	41	5,4	8,8
Второй IPCEI по водороду Hy2Use	2022	29	35	5,2	7
Второй IPCEI по микроэлектронике и ИКТ	2023	56	68	8,1	13,7

Источник: составлено авторами по Important Projects of Common European Interest (IPCEI) // EC. 30.12.2021. URL: https://competition-policy.ec.europa.eu/state-aid/legislation/modernisation/ipcei_en (accessed: 11.12.2023).

восстановления экономики была подчёркнута ключевая цель Союза — «достижение стратегической автономии при сохранении *открытой* экономики»⁶⁶. Эта цель увязана с «зелёным переходом» и цифровой трансформацией. Примечательно, что почти одновременно ближайшие конкуренты (США и КНР) также проявили большой интерес к этой сфере⁶⁷. В европейском Законе о чипах 2022 года (*European Chips Act*) выделена положительная синергия *IPCEI* и долгосрочных приоритетов ЕС, в частности достижение к 2030 г. доли в 20% от мирового рынка чипов. Кроме того, *IPCEI* должны прямо и косвенно содействовать достижению стратегической автономии путём обеспечения технологического суверенитета⁶⁸ Европейского

Союза в ключевых сферах. При этом признаётся, что даже успешная реализация этих проектов не может устранить зависимость государств-членов от критически значимых видов сырья⁶⁹. *IPCEI* встраиваются в более широкий контекст открытой стратегической автономии, а её последняя трактовка объединяет уже практически все возможные области политики ЕС, особо выделяя технологический и цифровой суверенитеты и избегая автаркии⁷⁰.

В упомянутом Законе о чипах 2022 г. планируется финансирование в 43 млрд евро до 2030 года. При этом ёмкость мирового рынка к этому времени оценивается в сумму свыше 1 трлн долларов, что означает фактическое удвоение ёмкости рынка

⁶⁶ European Council Conclusions. 1–2 October 2020. P. 1. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/10/02/european-council-conclusions-1-2-october-2020/> (accessed: 20.09.2023).

⁶⁷ Принятый в 2021 г. Закон о чипах (*Chips Act*), во многом схожий с европейскими положениями об *IPCEI*, установил финансирование в отрасль полупроводников в размере 39 млрд долл. в 2022–2026 годах.

⁶⁸ Определяется в документах ЕС как способность развивать технологии и производить компоненты для них, избегая при этом односторонней зависимости [от третьих стран].

⁶⁹ *Evroux C.T.* Important projects of common European interest: State of play // EPRS. 2022. P. 9. URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI\(2022\)729402](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2022)729402) (accessed: 20.09.2023).

⁷⁰ *Escriche I.A.* How can the European Union achieve Digital Strategic Autonomy? Views from future leaders // CIDOB Briefings. 2022. No. 42. P. 1–2. URL: https://www.cidob.org/en/publications/publication_series/cidob_policy_brief/how_can_the_european_union_achieve_digital_strategic_autonomy_views_from_future_leaders (accessed: 20.09.2023).

с 2020 года⁷¹. Провозглашённая цель — занять одно из ведущих мест в мире по производству полупроводников (20% рынка) предполагает четырёхкратный рост производственных мощностей⁷². Выбор среди всех высокотехнологичных отраслей не случаен. Микроэлектроника составляет основу современной экономики, а состояние наиболее технологичного сегмента этой отрасли в мире можно охарактеризовать как почти тотальное доминирование Тайваня (92% мирового производства полупроводников менее 5 нм). Сдержанный оптимизм в ЕС вызывает, помимо указанной суммы, тот факт, что крупнейший в мире поставщик оборудования для производства самых высокотехнологичных чипов (*ASML*) базируется в Нидерландах. В сотрудничестве с Европейским Союзом в этой сфере заинтересован Тайбэй. Кроме того, *Intel* планирует инвестировать в промышленность полупроводников Европейского Союза 80 млрд евро в течение десяти лет⁷³. Из общей суммы вложений в 43 млрд евро 11 млрд относятся к государственным (Европейский Союз, государства-члены и партнёры), включая перенаправление средств по текущим программам. Например, 2,875 млрд евро направляется из Многолетней финансовой программы 2021–2027, программ «Горизонт Европы» и «Цифровая Европа» также являются источниками для получения средств.

Вместе с тем существуют опасения, что, как и в случае иных крупномасштабных

инициатив Брюсселя, её реализация может не уложиться в установленные сроки или столкнуться с другими проблемами. Среди них можно отметить резкое обострение конкуренции на этом рынке. США планируют вложить 52 млрд долларов США, Япония — 6,8 млрд долларов; Китай — 97 млрд долларов (2014–2024)⁷⁴. Южная Корея объявила о ряде мер⁷⁵ (в налоговых льготах) для привлечения многомиллиардных инвестиций в эту отрасль. На этом фоне планы ЕС выглядят довольно скромно. В среднесрочной перспективе мировой рынок может столкнуться с перепроизводством с последующим снижением цен и прочими негативными последствиями в случае успешной реализации не только европейских планов, но и инициатив других крупных игроков.

Стратегически слабость ЕС в развитии критически значимых отраслей и технологий обусловлена отставанием по нормам расходов на исследования и разработки (ИР, *R&D*) в ВВП от ключевых конкурентов. В 2020 г. показатель у Европейского Союза равнялся 2,2%, у Китая — 2,4, у Соединённых Штатов — 3,5, Республики Корея — 4,8%⁷⁶. Брюссель, судя по всему, стремится решать проблему технологического отставания на основе проектного подхода и финансирования отдельных наиболее важных технологий, что не означает автоматического повышения расходов на ИР и стимулирования всех сфер НТП на каждом этапе, включая фундаментальные исследования.

⁷¹ A Chips Act for Europe. Commission Staff Working Document. Part 2/4. 12.05.2022. P. 21. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/european-chips-act-staff-working-document> (accessed: 20.09.2023).

⁷² Wieringen K. van. Strengthening EU chip capabilities How will the chips act reinforce Europe's semiconductor sector by 2030? // EPRS. July 2022. P. 2. URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI\(2022\)733585](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2022)733585) (accessed: 20.09.2023).

⁷³ 33 млрд евро предназначены для постройки двух заводов в ФРГ, расширения завода в Ирландии, приобретения завода в Италии, расширения исследовательских мощностей во Франции, Польше, Испании.

⁷⁴ Wieringen K. van. Op. cit. P. 6.

⁷⁵ Jaewon K. South Korea plans to invest \$450bn to become chip 'powerhouse'. URL: <https://asia.nikkei.com/Business/Tech/Semiconductors/South-Korea-plans-to-invest-450bn-to-become-chip-powerhouse> (accessed: 20.12.2023).

⁷⁶ OECD Data. Gross domestic spending on R&D. URL: <https://data.oecd.org/rd/gross-domestic-spending-on-r-d.htm> (accessed: 15.06.2023).

При реализации программ на отдельных направлениях существует вероятность, что стратегическая автономия попадёт в ловушки, к которым относятся протекционизм; попытка установить глобальные стандарты в той области, где у ЕС низкая конкурентоспособность; замена одной зависимости на другую и тем самым «подрыв взаимозависимости во имя независимости»; преследование национальных, а не общеевропейских целей (в том числе без учёта критериев открытой стратегической автономии); стремление запрашивать больше ресурсов для достижения экономического суверенитета без точного плана, где и как их использовать. К списку названных проблем также добавляется хроническая нехватка инвестиций, в особенности частных.

По оценкам Европейского центра международной политической экономии, негативный потенциал протекционистских мер в достижении стратегической автономии и ответа на них оценивается от 12 до 22 млрд евро (0,08–0,15% ВНД ЕС), а падение подушевых доходов вследствие принятия таких мер может составить 0,25–0,75%. Стратегическая автономия может в этом случае стать «налогом на внешнюю торговлю ЕС», обходясь ежегодно в 30–65 млрд евро экспорта в денежном выражении (0,5–1%), а рост цен на товары и услуги может составить 0,2–0,8%⁷⁷. Дополнительные опасения в связи с потенциальным ростом протекционизма в Брюсселе

несёт фактор Китая, причём не только в силу того, что с 2019 г. КНР из стратегического партнёра превратился в «стратегического соперника», но и в силу отсутствия (до сих пор!) общей скоординированной стратегии Европейского Союза в отношении Пекина, что считается провалом политики по достижению стратегической автономии⁷⁸.

Специалисты призывают ввести для открытой стратегической автономии аналог «Европейского семестра»⁷⁹, поскольку речь идёт о распределении значительных финансовых ресурсов через фонд ЕС Нового поколения (*NGEU*)⁸⁰. К числу сложностей равным образом целесообразно отнести специфику процесса принятия решений в ЕС. Например, предложено расширить круг вопросов, подлежащих решению квалифицированным большинством, и сузить круг вопросов, где принцип единогласия тормозит принятие решений⁸¹.

В отношении вопросов стратегической автономии в промышленности и технологиях ЕС занимает более устойчивые позиции, нежели по сырью. Если в случае сырья ЕС объективно лишён значимых естественных преимуществ, то факторы, способствующие развитию высокотехнологичных отраслей экономики, являются объективным результатом экономической политики ЕС. Союз традиционно обращает большое внимание на развитие человеческого капитала, науки и инноваций. Вместе с тем выделяемых средств (как в абсолютном, так и

⁷⁷ Measuring the Impacts of the European Union's Approach to Open Strategic Autonomy. Report prepared for the European Centre for International Political Economy. Frontier Economics. 22.11.2022. P. 5–6.

⁷⁸ Fabry E. Building the strategic autonomy of Europe while global decoupling trends accelerate // CES Discussion Paper. 2022. No. 9. P. 2, 8. URL: https://institutdelors.eu/wp-content/uploads/dlm_uploads/2022/12/221212-DP-ELVIRE-FABRY-CES-Final.pdf (accessed: 20.09.2023).

⁷⁹ Механизм постоянного мониторинга фискальных показателей и политики государств—членов ЕС.

⁸⁰ Korteweg R., Ortega A., Iglesias M.D. A Spanish-Dutch view on open European strategic autonomy in trade, industry and digital policy: seven pitfalls to avoid // Elcano Royal Institute. 11.02.2022. URL: <https://www.realinstitutoelcano.org/en/analyses/a-spanish-dutch-view-on-open-european-strategic-autonomy-in-trade-industry-and-digital-policy-seven-pitfalls-to-avoid/> (accessed: 20.09.2023).

⁸¹ Spain-Netherlands Non-paper on strategic autonomy while preserving an open economy // Rijksoverheid. 2021. P. 8. URL: <https://www.rijksoverheid.nl/documenten/publicaties/2021/03/25/spain-netherlands-non-paper-on-strategic-autonomy-while-preserving-an-open-economy> (accessed: 20.09.2023).

в относительном выражении) становится недостаточно не только для укрепления, но и для сохранения своих позиций. Обострение глобальной конкуренции показывает, что в отсутствие необходимых (и очень значительных) инвестиций ЕС в средне- и долгосрочной перспективе рискует утратить свои лидирующие позиции в стратегических технологиях и высокотехнологичных отраслях (как, например, это произошло в фотовольтаике, где сейчас абсолютным лидером стал Китай).

* * *

Эволюция и распространение концепции стратегической автономии на всё большее количество сфер наднациональной политики продолжается. При этом на всех указанных направлениях открытая стратегическая автономия в экономике недостижима как минимум в силу слишком большого числа равно важных приоритетов. По этой причине, если рассуждать о её реализации, то среди многих измерений приходится выбирать те, в которых действительно возможны частичные успехи в долгосрочной перспективе. В отдельных рассмотренных в статье аспектах стоит ожидать существенно различающихся результатов. Заметные достижения возможны лишь в тех сферах, где ЕС уже заявил о себе как о крупном игроке.

В наибольшей мере стратегическая автономия осуществима в сфере промышленности и технологий, поскольку там позиции Брюсселя (пока) прочны. Что касается стратегических видов сырья как базы открытой стратегической автономии, здесь трудностей больше. Единственное, чего действительно может достичь Европейский Союз в долгосрочной перспективе, заключается в снижении зависимости от импорта с помощью исследований и

реализации идей в области вторичной переработки, поскольку об открытии месторождений на европейской территории речь не идёт. В связи с этим для ЕС практически безальтернативно развитие ресурсосберегающих и «зелёных» технологий. Насколько удачны будут стратегические альянсы с иными развитыми странами, покажет опыт.

Для России развитие концепции и практическая реализация стратегической автономии ЕС в экономике может представлять проблему с точки зрения исключения из европейских цепочек создания стоимости и недопущения включения в будущем. Подобно пограничному корректирующему углеродному механизму, представляющему собой серьёзный торговый барьер для российского экспорта прежде всего продукции чёрной металлургии и удобрений, концепция стратегической автономии ЕС создаёт предпосылки к возникновению новых ограничительных мер для доступа российских товаров на европейский рынок. В зоне риска находится палладий, уже включённый в перечень критически значимых видов сырья. В 2021 г. на ЕС (ФРГ и Италию) приходилось (и в стоимости, и в весе) чуть более пятой части российского экспорта этого необработанного сырья (примерно 1,4 млрд долларов США)⁸². По данным «зеркальной статистики»⁸³, перечень европейских стран, куда Россия его экспортировала, был немного шире и включал в себя также Францию, Ирландию, Испанию, а на всё интеграционное объединение в российском экспорте приходилось чуть более четверти поставок⁸⁴. В перспективе по мере ужесточения подходов ЕС к вопросам обеспечения стратегической автономии в зоне риска могут оказаться поставки всё более широкой номенклатуры продукции.

⁸² Таможенная статистика внешней торговли РФ. URL: <http://stat.customs.gov.ru/> (дата обращения: 15.06.2023).

⁸³ Использование данных статистики зарубежных стран (а не отечественной), с которыми РФ осуществляет торговлю, для анализа российской внешней торговли.

⁸⁴ ITC Trade Map. URL: <https://www.trademap.org/> (accessed: 15.06.2023).

Список литературы

- Арбатова Н.К. Стратегическая автономия Европейского союза: реальность или благое пожелание? // Полис. Политические исследования. 2019. № 6. С. 36–52. DOI: 10.17976/jpps/2019.06.04
- Белов В.Б. ФРГ: партийно-политическая жизнь в условиях пандемии // Аналитические записки ИЕ РАН. 2020. № 21 (204). С. 1–8.
- Европейский союз в мировом хозяйстве: проблемы конкурентоспособности / Отв. ред. Е. С. Хесин и др. М.: ИМЭМО РАН, 2020. 317 с. DOI: 10.20542/978-5-9535-0587-1
- Клинова М.В. Государство в экономике Франции: тест на коронавирус // Современная Европа. 2020. № 4. С. 72–82. DOI: 10.15211/soveurope420207282
- Кавешников Н.Ю. Энергетическая безопасность в стратегии Могерини: выводы для России // Современная Европа. 2017. № 1. С. 22–31. DOI: 10.15211/soveurope12017107121
- Коцур Г.В. «Стратегический суверенитет» и «стратегическая автономия» в дискурсе ЕС: морфологический анализ идеологии // Современная Европа. 2023. № 3 (117). С. 33–44. DOI: 10.31857/S0201708323030038
- Невская А.А., Квашин Ю.Д. Концепция открытой стратегической автономии ЕС: соединяя несоединимое // Российский экономический журнал. 2022. № 6. С. 64–77. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-6-64-77
- Сидоров А.А. Рынок редкоземельных металлов: Китай против ВТО // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 2. Экономика. 2015. № 3. С. 53–56.
- Сидоров А.С. Военно-политическое измерение европейской интеграции: позиция Франции (от де Голля до наших дней). М.: ИНИОН РАН, 2023. 296 с.
- Стратегическая автономия ЕС и перспективы сотрудничества с Россией / Под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева. М.: Весь Мир, 2020. 368 с.
- Худякова Л.С., Сидорова Е.А. Единый финансовый рынок ЕС: иллюзия или реальность? // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 9. С. 63–72. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-9-63-72
- Шпангер Х.-И. Неуловимая концепция в процессе становления // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 5. С. 107–112. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-5-107-112.
- Щербак И.Н. Стратегическая автономия ЕС и проблемы формирования внешнеполитической повестки в эпоху пандемии // Современная Европа. 2020. № 6. С. 29–40. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120202940>
- Blengini G.A. et al. Study on the EU's list of Critical Raw Materials. Final Report. Brussels: European Commission, 2020. 153 p. DOI: 10.2873/11619
- Bento V. Strategic Autonomy and Economic Power: The Economy as a Strategic Theater. Routledge: Taylor & Francis Group, 2022. 280 p.
- Bobba S. et al. Critical Raw Materials for Strategic Technologies and Sectors in the EU. A Foresight Study. Brussels: European Commission, 2020. 98 p. DOI: 10.2873/58081
- Damen M. EU strategic autonomy 2013–2023. From concept to capacity. EU Strategic Autonomy Monitor. July. 12 p.
- European strategic autonomy. Actors, Issues, conflicts of interests / ed. by D. Lippert, N. Ondarza. V. von Perthes V. SWP Research Paper. Berlin: German Institute for International and security affairs, 2019. No. 4. 39 p.
- Franke U., Varma T. Independence Play: Europe's Pursuit of Strategic Autonomy. European Council of Foreign Relations, 2019. 84 p.
- Gehrke T. EU Open Strategic Autonomy and the Trappings of Geoeconomics // European Foreign Affairs Review. 2022. 27. Special Issue. P. 61–78.
- Gislev M. et al. Report on Critical Raw Materials and the Circular Economy. Brussels: European Commission, 2018. 76 p.
- Grohol M., Veeh C. Study on the Critical Raw Materials for the EU 2023. Final Report. Luxembourg: European Union, 2023. 154 p.
- Leenders M.R., Fearon H.F., England W.B. Purchasing and Materials Management. Boston: IRWIN, 1989. 672 p.
- Miró J. Responding to the global disorder: the EU's quest for open strategic autonomy // Global Society, 2022. DOI: 10.1080/13600826.2022.2110042

EU STRATEGIC AUTONOMY IN THE ECONOMY

THE CONCEPT AND PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

ELENA SIDOROVA

Department of Global Economic Problems and Foreign Economic Policy, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

ALEXEY SIDOROV

Department of International Economic Relations and Foreign Economic Affairs of N.N. Liventsev, MGIMO University. 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the complex political and economic direction of the development of the European Union - strategic autonomy. The focus of this study is on the strategic autonomy of the EU in the economy. The origin and evolution of the concept of open strategic autonomy in the economic sector, enshrined in the official documents of the European integration association, are considered. The transformation and expansion of the substantive direction of the concept is traced – starting from the first lists of critical raw materials for the development of the economy and up to strategic high-tech manufacturing industries designed to become the basis for future sustainable and dynamic economic growth and ensure the international competitiveness of the entire economic complex of the EU. A set of measures has been studied and systematized, including European long-term strategic projects (with the participation of the European Union as a supranational institution, its member states and individual companies), which are implemented as part of the concept of strategic autonomy. An attempt has been made to assess the prospects for the possible implementation of this set of measures. It is shown that the full implementation of all the provisions of the strategic autonomy in the economy is not possible, especially given the wide scope of the stated goals and objectives. In a favorable scenario the European Union will probably be able to maintain and consolidate its position in terms of resource-saving technologies, including their green aspect. At the same time, the implementation of strategic autonomy in the field of raw materials is likely to be less successful. The probable consequences of the partial implementation of the concept of an open strategic autonomy in the economy for Russia are formulated. As a result of the conducted research, it was concluded that the main problem for Russia is the further exclusion of our country from existing and potential European value chains, primarily from high-tech industries that are especially important for the economy of the future.

Keywords:

EU; economy; strategic autonomy; critical raw materials; key enabling technologies, high-tech industries.

References

- Arbatova N.K. (2019). Strategicheskaya avtonomiya Yevropeyskogo soyuza: real'nost' ili blagoye pozhelaniye? [Strategic Autonomy of the European Union: Reality or Good Intention?]. *Polis. Political Studies*. No 6. P. 36–52. DOI: 10.17976/jpps/2019.06.04
- Arbatova N.K., Kokeev A.M. (eds). (2020). *Strategicheskaya avtonomiya ES i perspektivy sotrudnichestva s Rossiei* [Strategic Autonomy of the EU and Prospects for Cooperation with Russia]. Moscow: Ves' Mir. 368 p.
- Belov V.B. (2020). FRG: partiyno-politicheskaya zhizn' v usloviyakh pandemii [Germany: party and political life in a pandemic]. *Analiticheskie zapiski IE RAN*. No. 21 (204). P. 1–8.
- Blengini G.A. et al. (2020). *Study on the EU's list of Critical Raw Materials. Final Report*. Brussels: European Commission. 153 p. DOI:10.2873/11619

- Bento V. (2022). *Strategic Autonomy and Economic Power: The Economy as a Strategic Theater*. Routledge: Taylor & Francis Group. 280 p.
- Bobba S. et al. (2020). *Critical Raw Materials for Strategic Technologies and Sectors in the EU*. A Foresight Study. Brussels: European Commission. 98 p. DOI: 10.2873/58081
- Franke U., Varma T. (2019). *Independence Play: Europe's Pursuit of Strategic Autonomy*. ECFR. 84 p.
- Gehrke T. (2022). EU Open Strategic Autonomy and the Trappings of Geoeconomics. *European Foreign Affairs Review*. Vol. 27. Special Issue. P. 61–78.
- Gislev M. et al. (2018). *Report on Critical Raw Materials and the Circular Economy*. Brussels: European Commission. 76 p. DOI: 10.2873/167813
- Grohol M., Veeh C. (2023). *Study on the Critical Raw Materials for the EU. Final Report*. Luxembourg: European Union. 154 p.
- Lippert D., Ondarza N., von Perthes V. (eds). (2019). *European strategic autonomy. Actors, Issues, conflicts of interests. SWP Research Paper*. Berlin: German Institute for International and security affairs. No. 4. 39 p.
- Khesin E. S. et al. (eds). (2020). *Yevropeyskiy soyuz v mirovom khozyaystve: problemy konkurentosposobnosti* [The European Union in the World Economy: Competitiveness Issues]. Moscow: IMEMO RAN. 317 p. DOI: 10.20542/978-5-9535-0587-1
- Khudyakova L.S., Sidorova E.A. (2020). Yediny finansovyy rynek ES: illyuziya ili real'nost'? [EU Single Financial Market: Illusion or Reality?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. Vol. 64. No. 9. P. 63–72. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-9-63-72
- Kaveshnikov N.Yu. (2017). Energeticheskaya bezopasnost' v strategii Mogerini: vyvody dlya Rossii [Energy Security in Mogherini's Strategy: Conclusions for Russia]. *Sovremennaya Evropa*. No. 1. P. 22–31. DOI: 10.15211/soveurope12017107121
- Klinova M.V. (2020). Gosudarstvo v ekonomike Frantsii: test na koronavirus [The State in the France's economy: coronavirus test]. *Sovremennaya Evropa*. No. 4. P. 72–82. DOI: 10.15211/soveurope120207282
- Kotsur G.V. (2023). "Strategicheskii suverenitet" i "strategicheskaya avtonomiya" v diskurse ES: morfologicheskii analiz ideologii ["Strategic sovereignty" and "Strategic Autonomy" in the EU's Official Discourse: a Morphological Analysis of Ideology]. *Sovremennaya Evropa*. No. 3. P. 33–44. DOI: 10.31857/S0201708323030038
- Leenders M.R., Fearon H.F., England W.B. (1989). *Purchasing and Materials Management*. Boston: IRWIN. 672 p.
- Miró J. (2022). Responding to the global disorder: the EU's quest for open strategic autonomy. *Global Society*. DOI: 10.1080/13600826.2022.2110042
- Nevskaya A.A., Kvashnin Yu.D. (2022). Kontseptsiya otkrytoy strategicheskoy avtonomii ES: soyedinyaya nesoyedinimoye [EU's open strategic autonomy concept: connecting the unconnectable]. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal*. No. 6. P. 64–77. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-6-64-77
- Shcherbak I.N. (2020). Strategicheskaya avtonomiya ES i problemy formirovaniya vneshnepoliticheskoy povestki v epokhu pandemii [Strategic Autonomy of the EU and Problems of Formation of the Foreign Policy Agenda in the Time of the Pandemic]. *Sovremennaya Yevropa*. No. 6. P. 29–40. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120202940>
- Sidorov A.A. (2015). Rynek redkozemel'nykh metallov: Kitay protiv VTO [The market for rare earth metals: China against the WTO]. *Sotsialnyye i humanitarnyye nauki. Ser. 2. Ekonomika*. No. 3. P. 53–56.
- Sidorov A.S. (2023). *Voenno-politicheskoe izmereniye evropeyskoy integratsii: pozitsiya Frantsii (ot de Gollya do nashikh dney)* [Military and Political Dimension of the European Integration: Position of France (from de Gaulle till today)]. Moscow: INION RAN. 296 p.
- Spanger H.-J. (2021). Neulovimaya kontseptsiya v protsesse stanovleniya [An elusive concept in the making]. *Rossiya v global'noy politike*. Vol. 19. No 5. P. 107–112. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-5-107-112

ДИНАМИКА ПРОЕВРОПЕЙСКОГО КОНСЕНСУСА НА ПОСТЬЮГОСЛАВСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

АНАСТАСИЯ МАЛЕШЕВИЧ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В статье рассматривается становление внутриполитического консенсуса относительно европейской интеграции в странах бывшей Югославии. Среди изучаемых случаев есть как полноправные члены Европейского Союза, так и страны-кандидаты, но модель отношений новых государств с Брюсселем с точки зрения переговорного процесса имеет похожую логику. Формирование консенсуса в данном случае подразумевает согласие всех системных политических партий с идеей вступления в ЕС как с главной стратегической целью, закреплённое в соответствующих межпартийных декларациях и резолюциях парламентов. Опорным концептом выступает феномен европеизации, которым описываются обратные эффекты интеграционного процесса, возникающие как следствие институционального влияния евроинтеграции на субъектов политического процесса в рамках отдельной страны. Проблематика формирования консенсуса между разными политическими силами по вопросу вступления в ЕС рассматривается как частный случай европеизации политических партий. Исследование выполнено в методологической традиции нового институционализма: автор ставит вопрос, как под влиянием институтов ЕС меняются интересы и программные установки постъюгославских политических партий. Для систематизации тенденций развития партий в постбиполярных условиях большое значение имела критика идеологии радикального центризма, указывающая на тенденцию к сближению идейных установок политических партий и к установлению неолиберального консенсуса (гегемонии). Достижение согласия между всеми парламентскими партиями в республиках бывшей СФРЮ по вопросу евроинтеграции и устойчивость сложившегося консенсуса выглядят неоднозначно с учётом того, что общественное мнение на разных стадиях интеграционного процесса было достаточно поляризованным, а особенно на фоне изменения политической конфигурации в Европе. Делаются выводы о том, что смещение политических партий на центристские позиции и восприятие любой альтернативы выбранному курсу как слишком радикальной способствовали устойчивости проевропейского консенсуса, но при этом отсутствие состоятельной политической ниши для выступающих против евроинтеграции сил при их потенциально высокой народной популярности указывает на проблему демократического дефицита.

Ключевые слова:

европейская интеграция; европеизация; постъюгославское пространство; Балканы; политические партии; консенсус; радикальный центризм.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.08.2023

Дата принятия к публикации: 16.11.2023

Для связи с автором / *Corresponding author:*

Email: anastasia.maleshevich@gmail.com

После распада социалистической Югославии все бывшие федеративные республики взяли курс на европейскую интеграцию. Довольно быстро вступление в Европейский Союз как главная стратегическая цель новых государств стало предметом широкого внутриполитического консенсуса, несмотря на тяжёлый опыт недавних вооружённых конфликтов и противоречивую роль западных посредников в их урегулировании. Последующие кризисы, в том числе сецессия Косова, изменение геополитической обстановки в Европе и «усталость от расширения» внутри самого ЕС, лишь незначительно поколебали приверженность стран постъюгославского пространства европейскому пути.

Формирование внутриполитического консенсуса по вопросу евроинтеграции не может рассматриваться вне контекста институционального влияния Брюсселя на потенциальных кандидатов. Проблематика внутриполитических трансформаций, вызванных фактором евроинтеграции, описывается феноменом европеизации, которым принято обозначать возникшее в традиции нового институционализма в 1990-х годах направление на стыке теории международных отношений и сравнительной политологии [Radaelli 2000; Börzel, Risse 2000]. Методологическое сближение теорий неореализма и неолиберализма поставило в фокус исследования вопрос институционального воздействия на поведение и идентичности национальных игроков и сделало возможным изучение обратных эффектов европейской интеграции, особенно важное на этапе постепенного превращения ЕС в политику. При этом динамику развития консенсуса вокруг евроинтеграции разумно исследовать на материале политических партий, отражающих достаточно широкий спектр точек зрения, прошедших через ряд институциональных фильтров (в частности, парламентский и медийный).

Несмотря на то что политика в европейских странах имеет очевидный партийный характер, первые попытки описать институциональные изменения, происходящие

как реакция на интеграционный процесс, касались преимущественно сферы государственной (публичной) политики и поведения акторов на уровне исполнительной власти. Со временем стало понятно, что сужение пространства для манёвра, с которым сталкиваются правительства в условиях евроинтеграции, неизбежно отражается на деятельности политических партий. Широкой известностью пользуются две методологические рамки анализа европеизации политических партий и партийных систем, предложенные пионерами этого направления Р. Ладрехом и П. Майром [Ladrech 2002; Maïr 2000]. Они выявляют фактор влияния Брюсселя в изменениях партийных программ, конфигурации партийных систем и в особенностях выстраивания отношений национальных партий с государственной властью и с транснациональными партийными объединениями. Можно допустить, что появление в программах идеологических расколов по линии за или против евроинтеграции уже считается как проявление европеизации.

Мы предполагаем, что изменение программных установок постъюгославских политических партий в пользу утверждения консенсуса вокруг евроинтеграции связано с прямым или косвенным влиянием институтов ЕС. Формирование консенсуса в данном случае рассматривается как частный случай европеизации политических партий, чем, однако, не исчерпывается проблематика трансформаций идейно-политических и организационных установок постъюгославской партийно-электоральной сцены. Кроме того, в рамках исследований европеизации существует общее представление об инструментах давления, или механизмах кондициональности, с помощью которых ЕС добивается необходимых внутриполитических трансформаций в странах-кандидатах [Grabbe 2006; Schimmelfennig 2010]. На практике часто стимулами выступают предоставление финансовой и экономической помощи или визовая либерализация, но главным механизмом влияния (рычагом) неизменно остается перспектива вступления в ЕС.

Финансовая помощь и визовые вопросы, очевидно, сыграли свою роль в принятии значимых политических решений постъюгославскими элитами, но ими переговорная повестка не исчерпывается. Поскольку ключевым стимулом остается продвижение по пути европейской интеграции, а одним из препятствий в начальной стадии являлось отсутствие широкого внутривнутриполитического консенсуса по этому вопросу, то необходимо было обеспечить лояльность всех системных (парламентских или имеющих шансы на прохождение в парламент) партий «европейскому пути». Например, специальные парламентские декларации и резолюции в балканских странах стали лишь инструментом европеизации, не заключая в себе никакого дополнительного стимула, что не отменяет их значимости: они подтверждали приверженность всех политических сил вступлению в ЕС и гарантировали, что необходимые реформы не будут саботированы при смене конфигурации власти.

Само понятие консенсуса подразумевает устранение альтернатив и является характерной приметой времени для западных стран, декларативно победивших в «холодной войне». От стран-кандидатов на вступление в ЕС ожидается как минимум лояльность действующему порядку. В работе «Иллюзия консенсуса» бельгийский философ Ш. Муфф утверждает, что речь идёт о существовании неолиберальной гегемонии [Mouffe 2016]. В этой связи она выступает с критикой современного «постполитического подхода», построенного на отрицании антагонизма в политике и на преодолении различий между левыми и правыми в пользу утверждения идеологии *радикального центризма*. Радикальный центризм восходит к концепции «третьего пути» британского социолога Э. Гидденса. Третий путь в данном случае подразумевает реформирование социал-

демократии и государства всеобщего благосостояния в соответствии с условиями либеральной демократии и глобализации, то есть, в сущности, с целью принятия безальтернативности капиталистического строя [Giddens 1994, 1998].

В качестве триумфалистской концепции постбиполярного периода идея «третьего пути» лишь отражала общую тенденцию к унификации и превращению различных левых политических сил в партии *левого центра*. При этом *правый центр* формируется не столько за счёт либерализации крайне правого фланга, сколько путём перехода либеральных центристских партий на более консервативные и даже реакционные позиции, что в постсоциалистических странах во многом соотносится с антикоммунистической риторикой, подкреплённой европейской «антитоталитарной парадигмой»¹. Общий тренд заключается в смещении политического центра вправо.

Проекции отмеченных тенденций в области расширения и углубления евроинтеграции связаны, в первую очередь, с неолиберальной логикой интеграционного процесса. Сейчас одна из ключевых границ размежевания между радикальными левыми и социал-демократами проходит по линии отношения к ЕС — от неприятия до энтузиазма соответственно [Tarditi, Vittori 2019]. Таким образом, утверждение радикального центризма — как с точки зрения замещения всех левых сил социал-демократами, так и с точки зрения смещения либеральных партий вправо — можно считать одним из проявлений европеизации.

В первом разделе статьи рассматривается процесс формирования межпартийного консенсуса вокруг евроинтеграции, где одним из ключевых механизмов стало принятие соответствующих парламентских резолюций и деклараций. Во втором разделе оцениваются устойчивость действующего консенсуса и судьба политических

¹ Под «антитоталитарной парадигмой» подразумевается новая фаза строительства модели транснациональной исторической памяти в рамках ЕС, где в основу положен тезис об уравнивании нацизма/фашизма и коммунизма как двух тоталитарных идеологий. На институциональном уровне курс подкреплён рядом резолюций Европейского парламента и Совета Европы.

сил, выступавших за его пересмотр. В завершающем разделе представлены общие для стран региона тенденции европеизации постъюгославских партий на фоне установления проевропейского консенсуса. Исследование выполнено в методологической традиции нового институционализма, где изменение поведения и идентичностей политических партий оценивается с точки зрения институционального воздействия фактора евроинтеграции. Стоит также заметить, что в статье отдельно не рассматривается случай Косова. Помимо очевидного в данном случае принципа восприятия региона как одного из двух автономных краев Республики Сербия, важно иметь в виду, что государственность Косова признана большинством западных стран, что зачастую дает основание некоторым говорить о его политической субъектности. Тем не менее мы исходим из того, что, *во-первых*, Приштина по-прежнему не имеет представительства в ООН; *во-вторых*, участие Приштины в процессе европейской интеграции не отменяет того факта, что даже пять членов ЕС не признают независимость Косова. Наконец, даже если сосредоточиться на технических аспектах косовской евроинтеграции, невозможно говорить о наличии или отсутствии проевропейского консенсуса, поскольку существуют очевидные проблемы с функционированием базовых институтов, так как Приштина не выполнила свою часть обязательств по Брюссельским соглашениям с Белградом от 2013 года². Как следствие, участие сербов в косовских институтах ставится под вопрос.

Формирование проевропейского консенсуса в странах бывшей Югославии

На момент начала предварительной фазы переговоров о евроинтеграции в странах бывшей Югославии существовали разные точки зрения на вопрос о целесообразности вступления в ЕС, особенно по мере того, как становились очевидными вну-

тренние политические издержки выполнения некоторых условий, затрагивавших, в представлении граждан, национальные интересы. Политические партии отражали в том числе критический взгляд на политику Брюсселя, что создавало риски для процесса интеграционных реформ. Перед тем как были подписаны базовые соглашения о евроинтеграции, во всех странах бывшей СФРЮ принимались специальные межпартийные соглашения, в которых основные политические силы подтверждали свою лояльность европейскому вектору. Как будет показано далее, отказ разделить проевропейский консенсус в условиях высокой зависимости стран-кандидатов от ЕС приводил к маргинализации партий или их уходу с политической сцены.

Словения

Первой из республик бывшей Югославии стала членом ЕС Словения в 2004 г. наряду со странами Центральной и Восточной Европы. Консенсус вокруг евроинтеграции среди словенских политических элит оформился ещё до обретения независимости от Югославии и даже стимулировал сецессию [Vučar, Udovič 2023: 391]. В этой связи словенские политические партии не сталкивались с серьёзными разногласиями на *пути в Европу*. Тем не менее в 1990-х годах достаточно скромное представительство (12 и 4 места по итогам двух электоральных циклов) в парламенте сохраняла евроскептическая Словенская национальная партия (SNS), которая ставит себя одновременно на левый и правый фланги идеологического спектра.

Новые разногласия возникли уже в процессе вступления, когда Италия и Австрия заблокировали переговоры о евроинтеграции Словении до тех пор, пока не будут выполнены их требования: речь шла, в частности, о предоставлении иностранцам возможности приобретать недвижимость, о компенсациях за послевоенные репрессии в отношении итальянского и немецкого населения, также связанные с имуще-

² First agreement of principles governing the normalization of relations. URL: <https://www.peaceagreements.org/view/2022> (accessed: 30.11.2023).

венными вопросами; отдельный спор касался деятельности АЭС Кршко [Bojinović Fenko, Svetličić 2017: 7]. В результате некоторых уступок словенской стороны в 1996 г. подписано Европейское соглашение³, а также межпартийное «Соглашение о сотрудничестве»⁴ по вопросу вступления в ЕС, с которым согласились все парламентские партии, за исключением SNS [Zajc 2002: 673].

Партии брали на себя обязательство координировать политику до вступления в ЕС, но на практике соглашение не работало [Kustec Lipicer, Cabada 2005: 181], так что имело просто символическое значение и воспроизводилось в процессе евроинтеграции других югославских республик. Впоследствии даже SNS, не подписавшая соглашение о сотрудничестве партий, смягчила риторику в сторону так называемого еврореализма, то есть заняла более компромиссную позицию по отношению к ЕС [Fink-Hafner, Krašovec 2006: 15]. На референдуме в 2003 г. за вступление Словении в ЕС проголосовали 60,4% участвовавших избирателей при явке 60,4%. Таким образом, даже в самой западной югославской республике нельзя говорить об однозначной всенародной поддержке курса на вступление в ЕС, несмотря на предварительное достижение широкого партийного консенсуса. Сыграло свою роль и то, что Словения столкнулась с чувствительными политическими требованиями своих исторических противников (Италии и Австрии), которые оказались непосредственно встроены в переговорный процесс с Брюсселем.

Хорватия

Начало полноценной евроинтеграции Хорватии связано со смертью президента Ф. Туджмана (2000), символа военного времени и современного хорватского национализма. К власти пришла оппозиционная коалиция левого центра во главе с Социал-демократической партией (SDP). В 2001 г. было подписано Соглашение о стабилизации и ассоциации (ССА) с ЕС⁵. Тогда не исключалась возможность, что Хорватия даже сможет вступить в ЕС одновременно с Болгарией и Румынией в 2007 году⁶. Сабор в 2002 г. принял «Резолюцию о вступлении Республики Хорватия в Евросоюз», в которой все парламентские партии выразили согласие с идеей евроинтеграции⁷. Возвращение к власти право-консервативной партии Хорватское демократическое содружество (HDZ) в 2003 г. ознаменовалось её внутренней либерализацией и отказом от радикальной националистической риторики. Уровень поддержки евроинтеграции достигал 79% в 2002 году⁸, несмотря на культ хорватской государственности, укрепленный во времена Ф. Туджмана, который исполнение этой *тысячелетней мечты* ставил выше всех интеграционных проектов.

Тем не менее в 2005 г. переговоры были приостановлены Брюсселем из-за неспособности Хорватии обеспечить полное сотрудничество с Международным трибуналом по бывшей Югославии (МТБЮ), как это предусматривалось требованиями Соглашения о стабилизации и ассоциации и последующих европейских отчетов⁹. В част-

³ Europe Agreement between the EC and the Republic of Slovenia. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/agree_internation/1999/144/oj (accessed: 30.11.2023).

⁴ Текст соглашения словенских политических партий не представлен в открытом доступе, поэтому о нём известно из косвенных источников.

⁵ EU-Croatia Stabilization and Association Agreement. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A22005A0128%2801%29> (accessed: 30.11.2023).

⁶ Croatia: Prime Minister Calls For EU Entry in 2007. 13.01.2004. Radio Slobodna Evropa. URL: <https://www.rferl.org/a/1051163.html> (accessed: 30.11.2023).

⁷ Rezolucija o pristupanju Republike Hrvatske Evropskoj Uniji. 20.12.2002. URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/full/2002_12_153_2493.html (accessed: 01.08.2023).

⁸ Splasnjava hrvatski entuzijazam za EU. 21.02.2005. URL: <https://iwpr.net/sr/global-voices/splasnjava-hrvatski-entuzijazam-za-eu> (accessed: 30.11.2023).

⁹ Croatia Progress Report. Brussels, 9 November 2005. European Commission. URL: http://aei.pitt.edu/44762/1/Croatia_sec_1424_2005.pdf (accessed: 01.08.2023).

ности, от Загреба требовалась экстрадиция в Гаагу подозреваемого в военных преступлениях национального героя генерала А. Готовины, что и было сделано в конце 2005 года¹⁰. Поддержка интеграции в ЕС в период с 2004 по 2005 г. опустилась до 41–48% [Skoko 2007: 356]. Хорватия демонстрировала одни из самых высоких показателей евроскептицизма, но рост антизападных настроений связывался не только с деятельностью МТБЮ, но и с давлением по вопросу прав национальных и сексуальных меньшинств, с положением хорватов в Боснии и Герцеговине, с ходом либеральных реформ [Boduszynski 2014]. Даже на фоне заметного роста антизападных настроений выступавшие против ЕС политические силы не были представлены в хорватском парламенте и не играли значимую роль в системной хорватской политике. Примечательно, что Сербия на тот момент демонстрировала более высокий уровень поддержки европейской интеграции, несмотря на интенсивное давление со стороны Брюсселя и открытый косовский вопрос, но при этом антизападная Сербская радикальная партия (SRS) лидировала на выборах.

По итогам референдума 2012 г. вступление Хорватии в ЕС поддержали 66,27% голосовавших, против выступили 33,13%, но при этом явка составила 41,51%¹¹. Такие показатели могут даже стать основанием для непризнания результатов референдума, но была выбрана процедура, которая не подразумевала порог участия. Низкий уровень политического участия в референдуме и значительные расхождения между уровнем поддержки ЕС и представительством политических партий в парламенте указы-

вают на высокую степень демократического дефицита в завершающей фазе евроинтеграции Хорватии. Следовательно, достижение партийного консенсуса по вопросу евроинтеграции не отражало реальные настроения в обществе, проявившиеся в ходе референдума.

Сербия

Массовые протесты по итогам выборов 2000 г. завершились отставкой последнего президента Югославии С. Милошевича и приходом к власти проевропейски настроенной оппозиции. Несмотря на предшествующий опыт натовских бомбардировок и установление международного протектората над Косовом, в первые несколько лет новой власти уровень поддержки евроинтеграции в Сербии превышал 70%¹². С одной стороны, сыграли роль отмена международных санкций и выделение финансовой помощи. С другой — перспектива окончательной сецессии Косова и Черногории не казалась очевидной ни гражданам, ни политическим элитам, а давление по вопросу сотрудничества МТБЮ усилилось только в 2006 г. в связи с делом об экстрадиции лидеров боснийских сербов Р. Младича и Р. Караджича, когда временно были приостановлены переговоры о подписании Соглашения о стабилизации и ассоциации¹³. Даже с учётом отмеченных обстоятельств и после сецессии Косова в 2008 г. уровень поддержки идеи вступления в ЕС превышал 50%¹⁴.

Тем не менее на парламентских выборах в 2003 и в 2007 годах больше всего голосов и мандатов получила националистическая Сербская радикальная партия (SRS)

¹⁰ Генерал А. Готовина в 2011 г. был осуждён трибуналом на 24 года лишения свободы, но в следующем году оправдан и выпущен на свободу, что совпало по времени с проведением референдума о вступлении Хорватии в ЕС.

¹¹ 66,27 posto birača ZA, 33,13 posto PROTIV ulaska u Evropsku Uniju. Dnevnik. URL: <https://dnevnik.hr/vijesti/hrvatska/rezultati-referenduma.html> (accessed: 30.11.2023).

¹² Republika Srbija. Ministarstvo za evropske integracije. Istraživanje javnog mnjenja. URL: <https://www.mei.gov.rs/srp/informacije/javno-mnjenje/istrazivanje-javnog-mnjenja/> (accessed: 30.11.2023).

¹³ Istorijat odnosa Srbije i EU. URL: <https://www.mei.gov.rs/sr/srbija-i-eu/istorijat-odnosa-srbije-i-eu/> (accessed: 30.11.2022).

¹⁴ Republika Srbija. Ministarstvo za evropske integracije. Istraživanje javnog mnjenja. URL: <https://www.mei.gov.rs/srp/informacije/javno-mnjenje/istrazivanje-javnog-mnjenja/> (accessed: 30.11.2023).

В. Шешеля¹⁵, занимавшая традиционно критическую позицию по отношению к западным странам и их роли в войнах на пространстве бывшей Югославии, хотя и она вынуждена была немного смягчить антизападную риторику после 2000 года [Todorović 2022: 80]. После выхода из SRS прозападного крыла во главе с Т. Николичем и А. Вучичем в 2008 г. радикалы постепенно возвращались к более жёсткой критике Запада и вместе с тем полностью маргинализировались¹⁶. В любом случае в начале 2000-х годов голосов радикалов было недостаточно для формирования правительства, но Сербия оставалась единственной из постъюгославских республик, где антизападная политическая сила имела серьёзное представительство в парламенте вплоть до раскола 2008 года, когда была образована ныне правящая Сербская прогрессивная партия – SNS): это событие совпало с подписанием ССА с ЕС¹⁷ и с односторонним провозглашением независимости Косова¹⁸. Впрочем, даже радикалы не выступали откровенно против евроинтеграции: на обсуждении парламентской резо-

люции о вступлении в ЕС (принята в 2004 году)¹⁹ представитель партии заявила, что SRS не может поддержать такую резолюцию, но и партия не будет голосовать против, чтобы не сложилось впечатление, что они против вступления в интеграционную группировку²⁰. Одновременно серьёзную трансформацию пережила Социалистическая партия Сербии (SPS), некогда партия С. Милошевича, поддержав при новом руководстве во главе с И. Дачичем курс на вступление в Евросоюз даже после провозглашения независимости Косова²¹.

В результате были сняты основные препятствия для формирования консенсуса вокруг евроинтеграции, но процесс завершился только в 2013 году. Этому предшествовало принятие Скупщиной под давлением ЕС в 2010 г. «Декларации о Сребренице», в которой Сербия признала совершение военного преступления, но не геноцида²². В 2013 г. Скупщина приняла новую резолюцию о вступлении в ЕС как стратегической цели²³. Её подписали все парламентские партии, кроме Демократической партии Сербии (DSS)²⁴.

¹⁵ Лидер радикалов В. Шелель с 2003 по 2014 г. находился в тюрьме Гаагского трибунала, что положительно сказывалось на уровне поддержки его партии.

¹⁶ SRS predstavio Šešeljev proglas. 03.03.2011 RTS. URL: <https://www.rts.rs/lat/vesti/Politika/852558/SRS+predstavio+Šešeljev+proglas.html> (accessed: 30.11.2023).

¹⁷ Stabilization and Association Agreement with Serbia. URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/stabilisation-and-association-agreement-with-serbia.html> (accessed: 30.11.2023).

¹⁸ Kosovo Declaration of independence. 17.02.2008. URL: <https://www.refworld.org/docid/47d685632.html> (accessed: 30.11.2023).

¹⁹ Rezolucija o pridruživanju Evropskoj Uniji. 14.10.2004. URL: <http://www.parlament.gov.rs/%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/%D0%B5%D0%B2%D1%80%D0%BE%D0%BF%D1%81%D0%BA%D0%B5-%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%98%D0%B5> (accessed: 01.08.2023).

²⁰ Gordana Pop-Lazić. Otvoreni Parlament. 06.10.2004. URL: <https://otvoreniparlament.rs/transkript/6137?page=3#govor-894029> (accessed: 01.08.2023).

²¹ Kako je SPS postao prihvatljiv? Radio Slobodna Evropa. 20.05.2008. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/1116683.html> (accessed: 30.11.2023).

²² Deklaracija Narodne skupštine Srbije o osudi zločina u Srebrenici. 20.03.2010. URL: <https://www.pravno-informacioni-sistem.rs/SIGlasnikPortal/eli/rep/sgrs/skupstina/deklaracija/2010/20/1/reg> (accessed: 30.10.2023).

²³ Rezolucija o ulozi Narodne skupštine i načelima u pregovorima o pristupanju Republike Srbije Evropskoj Uniji. 16.12.2013. URL: <http://www.parlament.gov.rs/aktivnosti/evropske-integracije/dokumenta.2188.html> (accessed: 01.08.2023).

²⁴ Ослабленная после раскола партия радикалов по итогам выборов в 2012 г. не прошла в парламент, а изначально проевропейская ДСС экс-президента В. Коштуницы стала менее оптимистично смотреть на евроинтеграцию после сецессии Косова, поставив условие, что вступление в ЕС ценой отказа от Косова невозможно.

Наконец, при посредничестве ЕС в 2013 г. было подписано Брюссельское соглашение между Белградом и Приштиной, по которому Сербия согласилась ликвидировать «параллельные органы власти» и интегрировать ещё подконтрольные Белграду институты в административную систему непризнанного государства.

Как следствие, в 2014 г. начались официальные переговоры о вступлении Сербии в европейское интеграционное объединение. Показательно, что в 2012–2014 годах уровень народной поддержки вступления в ЕС достиг на тот момент исторического минимума и оценивался в диапазоне 41–44%²⁵. Таким образом, достижение внутривластного консенсуса по вопросу евроинтеграции в Сербии требовало значительных компромиссов и уступок со стороны ведущих политических сил, особенно на фоне косовского кризиса. Как видно, переход партий на проевропейские позиции происходил на фоне снижения народной поддержки курса на вступление в ЕС, так что, очевидно, был мотивирован не электоральной логикой, а внешними факторами.

Черногория

Черногория вплоть до референдума о независимости (2006) оставалась частью союзного государства с Сербией, хотя несколько раньше Подгорица начала выстраивать собственные отношения с ЕС. Поворотной точкой стал раскол в 1997 г. правящей Демократической партии социалистов (DPS), считавшейся наследницей Союза коммунистов Черногории и сохранявшей лояльность Белграду. Причиной конфликта номинально был вопрос поддержки руководства Югославии во главе со С. Милошевичем [Šćekić 2012]. В сущности, выбор уже стоял между Брюсселем и Белградом, противопоставившим себя западному миру в тот момент.

После раскола партия DPS во главе с М. Джукановичем стала представлять прозападное крыло и в такой конфигурации одержала победу на президентских и парламентских (в составе коалиции) выборах. В качестве награды Черногория была выведена из-под западных антиюгославских санкций и стала получать европейскую финансовую помощь [Džurić 2004: 82]. Тогда же началось постепенное создание параллельных — по отношению к Белграду — институтов, что в более радикальном виде применялось в случае Косова. Гражданский раскол на суверенистов (выступавших за независимость Черногории) и на унионистов (выступавших за союз с Сербией) сложился не сразу и стал, скорее, следствием противостояния по линии Европа—Югославия. Унионисты были представлены главным образом отколовшейся от ДПС Социалистической народной партией (SNP) во главе с М. Булатовичем.

Главным препятствием для формирования проевропейского консенсуса являлась просербская (проюгославская) и в той ситуации антизападная ориентация унионистов в силу их лояльности Белграду. После прихода к власти в Сербии прозападной оппозиции в 2000 г. ЕС решил немного отсрочить проведение референдума о независимости Черногории. Одновременно в руководстве SNP дошло до расколов по вопросу сотрудничества с новой сербской властью, реформы партии и ориентации на западные страны, в результате чего победили проевропейские силы²⁶. Отмеченные обстоятельства, в том числе лоббирование главой европейской дипломатии Х. Соланой создания Союза Сербии и Черногории [Džankić 2014: 118], привели к ослаблению антизападной риторики среди унионистов. Затем в 2005 г. черногорская Скупщина приняла «Декларацию о присоединении

²⁵ Evropska orijentacija gradjana Srbije. URL: https://www.mei.gov.rs/upload/documents/nacionalna_dokumenta/istrazivanja_javnog_mnjenja/javno_mnjenje_dec_22.pdf (accessed: 01.11.2023).

²⁶ Bulatović pravi gradjansku stranku. 31.05.2005. Pcnen. URL: <https://www.pcnen.com/portala/2005/05/31/bulatovic-pravi-gradjansku-stranku/> (accessed: 30.11.2023).

к ЕС»²⁷: все парламентские партии заявили о приверженности курсу на евроинтеграцию, независимо от их позиции относительно государственного статуса Черногории. Принципиальное значение имело то, что декларация принималась до референдума о независимости, где Брюссель сыграл ключевую роль в определении процедуры голосования, отвечавшей интересам суверенистов [Džankić 2014: 123]. Сразу после референдума Черногория подписала в 2007 г. Соглашение о стабилизации и ассоциации²⁸ и полноценно вступила на путь евроинтеграции. С тех пор в Черногории не осталось политической даже условно заметной силы, которая бы выступала против вступления в ЕС. Уровень поддержки евроинтеграции также остаётся высоким: по состоянию на 2022 год в случае референдума 83,5% голосовали бы за вступление в ЕС²⁹. Впрочем, из этого не следует, что в Черногории отсутствуют политические разногласия по вопросу отношения к Евросоюзу, но вступление в НАТО без референдума и опыт транзитов власти после 2020 г. показал, что некоторые решения пересмотру не подлежат в силу внешних ограничений, поэтому критика Брюсселя не предполагает отказа от курса на вступление в ЕС.

Северная Македония

Македония³⁰ первой из всех постъюгославских республик, за исключением Словении, подписала Соглашение о стабилизации и ассоциации с ЕС в 2001 году³¹ и получила статус кандидата на вступление в Европейский Союз в 2005 году. Ранее, в 2000 году, Собрание приняло «Декларацию о повышении уровня отношений между Республикой Македония и Европейским Союзом», где вступление в ЕС провозглашалось стратегической целью всех политических сил³².

Вплоть до 2022 г. Македония ожидала официального начала переговоров, поскольку они сначала блокировались Грецией из-за спора об имени (разрешён в 2018–2019 годах)³³, а затем Болгарией из-за ряда исторических претензий³⁴. Спор с Болгарией, которая отрицает существование македонской этничности и самостоятельный статус македонского языка, по состоянию на конец 2023 г. не разрешён. Кроме того, в Северной Македонии остро стоит проблема албанского сепаратизма: при посредничестве Брюсселя в 2001 г. заключено Охридское соглашение³⁵, закрепившее децентрализацию страны.

²⁷ Deklaracija o pridruživanju Evropskoj Uniji. URL: <https://wapi.gov.me/download/6ac9c84e-5c80-4725-8dd2-93d9c5496c05?version=1.0> (accessed: 30.11.2023).

²⁸ Stabilization and Association Agreement. URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/stabilisation-and-association-agreement-with-montenegro.html> (accessed: 30.11.2023).

²⁹ Istraživanje javnog mnjenja pokazuje da građani Crne Gore daju snažnu podršku pristupu EU. WeBalkans. 21.06.2022. URL: <https://webalkans.eu/bs/news/public-opinion-poll-shows-a-strong-support-for-the-eu-in-montenegro/> (accessed: 30.11.2023).

³⁰ При описании событий, предшествовавших смене имени в 2019 году, используется прежнее конституционное название страны.

³¹ Stabilization and Association Agreement with North Macedonia. URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/stabilisation-and-association-agreement-with-north-macedonia.html> (accessed: 30.11.2023).

³² Декларација за подигување на нивото на односите на Република Македонија со Европската Унија. URL: https://www.sobranie.mk/content/Dokumenti%20RM-EU/EU/Deklaracija%2023_11_2000.pdf (accessed: 01.08.2023).

³³ The Prespa Agreement. URL: <https://s.kathimerini.gr/resources/article-files/symfwnia-agliko-keimeno.pdf> (accessed: 30.11.2023).

³⁴ Болгария отрицает существование македонской этничности, самостоятельный статус македонского языка и настаивает, что история Македонии начинается после 1945 г. в контексте усилий югославского руководства по созданию македонской нации. Требования Болгарии также касаются включения болгар в конституцию Северной Македонии в качестве национального меньшинства.

³⁵ Framework Agreement (Ohrid Agreement). URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/MK_010813_Framework%20Agreement%20%280rhid%20Agreement%29.pdf (accessed: 30.11.2023).

Две ведущие македонские политические партии — Социал-демократический союз (СДСМ) и Внутренняя македонская революционная организация — Демократическая партия за македонское национальное единство (ВМРО-ДПМНЕ) — выступают за евроинтеграцию страны, как и партии албанского меньшинства. Например, в 2014–2016 годах уровень поддержки евроинтеграции в Македонии составлял 77–80%³⁶, но на общий показатель влияет мнение значительного албанского меньшинства, настроенного абсолютно проевропейски.

После изменения конституционного имени страны на Республику Северная Македония уровень поддержки ЕС несколько снизился до 64–65%³⁷. При этом давление со стороны Греции и Болгарии, что в македонском обществе воспринимается как прямая угроза национальной идентичности, осуществлялось с использованием именно рычага евроинтеграции. Лояльность ЕС остаётся достаточно высокой, но она преимущественно негативно мотивированная: своей политикой поддерживая требования как Греции и Болгарии, так и албанского меньшинства, Брюссель выступает против интересов Скопья, но при этом он де-факто предоставляет гарантии безопасности и территориальной целостности Македонии в текущем виде, то есть что страна в конечном счете не будет разделена между соседями. Уступки Северной Македонии имеют экзистенциальный характер.

Босния и Герцеговина

Политически БиГ не представляет собой монолитную конструкцию и остаётся в значительной степени международным протекторатом с институтом Верховного представителя, утверждаемого СБ ООН³⁸. Страна разделена по линиям этнополитического размежевания между тремя конститутивными народами — сербами, бошняками (мусульманами) и хорватами, а административно на два энтитета — Республику Сербскую и Федерацию Боснии и Герцеговины.

В основном из-за противодействия сербского энтитета БиГ не может вступить в НАТО и, в частности, не присоединилась к антироссийским санкциям³⁹. Тем не менее евроинтеграция стала предметом консенсуса между тремя народами, которые в остальном сложно вырабатывают консолидированную позицию по какому-либо вопросу. Впрочем, существуют различия в уровне поддержки: по состоянию на 2019 г. вступление в ЕС поддерживали 88% бошняков, 75% хорватов и 54% сербов⁴⁰.

Боснийским вариантом межпартийной парламентской резолюции можно считать заявление на тот момент европейского комиссара по вопросам расширения О. Рена от декабря 2007 г. о том, что достигнут достаточный уровень согласия по этому вопросу между основными политическими лидерами БиГ⁴¹. Ситуация в БиГ считается наиболее сложной в силу проблем с суверенитетом, поэтому ЕС настаивает на проведении конституционной реформы, под

³⁶ Анализа на јавното мислење за македонскиот процес на пристапување кон Европската Унија (2014–2020). URL: <https://goo.su/qryqNS> (accessed: 01.08.2023).

³⁷ Благ пад на поддршката за членство во ЕУ, две третине од граѓаните не се согласуваат со уставните измени. IDSCS. 02.03.2023. URL: <https://idscs.org.mk/mk/2023/03/02/благ-пад-на-поддршката-за-членство-во-е/> (accessed: 30.11.2023).

³⁸ Действующий Верховный представитель К. Шмидт не получил единогласное одобрение СБ ООН, но де-факто выполняет свои функции и даже обращается к специальным «боннским полномочиям».

³⁹ Dodik: BiH will not join EU's sanctions against Russia. N1 BiH. URL: <https://n1info.ba/english/news/dodik-bih-will-not-join-eus-sanctions-against-russia/> (accessed: 30.11.2023).

⁴⁰ Public Opinion Poll. Bosnia and Herzegovina. April 2019. URL: <https://www.ndi.org/sites/default/files/BiH%202019%20Poll.pdf> (accessed: 01.08.2023).

⁴¹ Ključni događaji u odnosima EU i Bosne i Hercegovine. Parlamentarna Skupština Bosne i Hercegovine. URL: <https://www.parlament.ba/Content/Read/126?title=Klju%C4%8Dniodoga%C4%91aji-u-odnosima-EU-i-Bosne-i-Hercegovine> (accessed: 01.08.2023).

которой фактически понимается демонтаж Дейтонского соглашения и централизация страны⁴². В текущих условиях в отказе от Дейтонского соглашения заинтересованы в основном представители бошняков (мусульман) и отчасти западные страны. В 2022 г. БиГ получила статус страны-кандидата на вступление в ЕС, хотя необходимые для этого условия выполнены не были, но решение принято на фоне предоставления аналогичного статуса Молдавии и Украине. В силу неполноценной боснийской государственности партийный консенсус по вопросу евроинтеграции в БиГ не имеет большого значения, поскольку до реального процесса реформ и рисков их блокирования оппозицией не доходит. В этом смысле политическим силам, особенно боснийским сербам, остаётся больше пространства для манёвра с точки зрения использования антизападной риторики вплоть до того, что, например, руководство Республики Сербской (РС) предлагает вместо ЕС вступить в БРИКС⁴³. Вместе с тем президент РС М. Додик в других своих выступлениях отмечает, что не выступает против вступления в ЕС, если этот путь не связан с НАТО⁴⁴. Противоречивые заявления вполне закономерны в условиях боснийского институционального хаоса.

Устойчивость и вызовы роевропейского консенсуса

На начало 2020-х годов из республик бывшей Югославии завершили процесс евроинтеграции только Словения и Хорватия, а остальные надолго остались за пределами ЕС. В настоящее время на уровне партийной политики различные идеи выхода из ЕС или хотя бы дистанцирования от Брюсселя практически не имеют поли-

тической ниши. В Любляне и Загребе поочерёдно побеждают на парламентских выборах и формируют правительства коалиции правого и левого центра, представители которых не ставят под сомнение европейский консенсус и вовлечены в процесс постинтеграционных реформ: отмечается тенденция к сближению их идеологических и программных позиций, связанная с естественными институциональными ограничениями для новых членов ЕС.

В *европейской* Словении с 2004 по 2022 г. сменяли друг друга правоконсервативное правительство во главе с лидером Словенской демократической партии (SDS), «словенским Трампом» Я. Яншей и леволиберальные силы. Причём SDS Я. Янши возникла как социал-демократическая (хоть и антикоммунистическая) партия и со временем не только идеологически «поправила», но и после 2004 г. посредством правительственных коалиций способствовала тому, что и центристские либеральные силы сместились вправо, в консервативный лагерь. Апрельские выборы 2022 г. завершились победой созданного в том же году на базе неуспешного «зелёного» проекта движения *Sloboda*, которое возглавил предприниматель Р. Голоб. Сформированная правительственная коалиция объединила как крайне левых и социал-демократов, так и оставшиеся центристские либеральные партии, став примером ещё более очевидного утверждения идеологии радикального центра.

Что касается нарушающих консенсус маргинальных сил, то считающаяся евроскептической партия SNS по итогам парламентских выборов в 2004 и в 2008 годах получала по пять мандатов, а затем потеряла представительство до 2018 года, как и не

⁴² Leaving Dayton for Brussels: Reviving Bosnia's constitutional reform. European Policy Center. URL: <https://www.epc.eu/en/publications/Leaving-Dayton-for-Brussels-Reviving-Bosnias-constitutional-reform~51eca8> (accessed: 30.11.2023).

⁴³ Bosnian Serb leader says Bosnia should join BRICS, not EU. Politico. 29.08.2023. URL: <https://www.politico.eu/article/bosnia-herzegovina-serbia-milorad-dodik-brics-european-union/> (accessed: 30.11.2023).

⁴⁴ Serb leader objects linking Bosnia's EU integration to the road to NATO. N1 BiH. 15.01.2019. URL: <https://n1info.ba/english/news/a309673-serb-leader-objects-linking-bosniaand39s-eu-integration-to-the-road-to-nato/> (accessed: 30.11.2023).

смогла преодолеть барьер на последних выборах в 2022 г. Партия выступает за выход Словении из ЕС и НАТО и за восстановление связей с Россией⁴⁵, но в известной степени дискредитирована антиэмигрантской риторикой и постепенным смещением на правый фланг, хотя изначально более активно была вовлечена в антифашистскую повестку и борьбу с ревизионизмом. После очередного провала на выборах в 2023 г. прекратила существование суверенистская ультраправая *Domovinska liga*. Критиковавшая ЕС с антикапиталистических позиций партия *Levica*, войдя сначала в парламент и затем в правительство Р. Голоба, смягчила риторику в отношении Брюсселя и ставит вопрос только о выходе из НАТО⁴⁶.

Партийная система Хорватии имеет более выраженный двухпартийный характер. Наследница Союза коммунистов Хорватии, Социал-демократическая партия в 1990-х годах находилась на периферии политической жизни, уступая различным националистическим силам, сформированным вокруг ультраправого Хорватского демократического содружества (HDZ). Можно сказать, что смещение SDP с левого фланга в центр началось раньше и происходило на фоне гражданской войны (партия, в частности, отказалась от принципов интернационализма), тогда как переход HDZ на более умеренные позиции был связан главным образом с контекстом евроинтеграции, где не приветствовался радикальный этнический национализм времен Ф. Туджмана.

Особенностью Хорватии стала активная роль многочисленных евроскептических сил в политике страны даже после вступления в ЕС. Например, евроскептическая националистическая партия *Most* в 2015–2017 годах входила в состав правитель-

ственной коалиции во главе с HDZ. Причём коалиционный партнёр был заменён на либеральную партию без проведения новых выборов, что многими избирателями воспринималось как предательство [Butković 2021: 22]. Тем не менее довольно быстро евроскептические партии либо вытеснялись и маргинализировались (как стало, например, с Хорватской партией права и отколовшимися от неё движениями), либо меняли риторику на более комплементарную по отношению к Брюсселю. Они не могли эффективно действовать самостоятельно, а вступление в коалицию с одной из двух ведущих партий подразумевало принятие сложившегося консенсуса. Среди значимых факторов иногда отмечают и то, что на партии оказывают влияние по линии транснациональных европейских партийных объединений, в основном со стороны Европейской народной партии [Stojić 2015].

Устойчивость проевропейского консенсуса в Словении и Хорватии не ставится под вопрос системными партиями, но он имеет слабую народную поддержку. По данным Евробарометра за зиму 2022/23 года, с высказыванием, что их страна имела бы лучшее будущее за пределами ЕС, согласились 42% опрошенных жителей Словении и 41% граждан Хорватии – это самые высокие показатели среди государств-членов интеграционного объединения⁴⁷. В формировании такого отношения свою роль сыграли и экономические реформы, и миграционный кризис, и изменение геополитической обстановки. Кроме того, для Словении и Хорватии остро стоит проблема внутренних иерархий в рамках ЕС.

Потенциальной альтернативой консенсусу вокруг евроинтеграции для этих стран в текущих условиях может стать сближение

⁴⁵ Program Slovenske nacionalne stranke pred državnoborskimi volitvami 2022. URL: <https://sns.si/program/> (accessed: 01.08.2023).

⁴⁶ Prihodnost za vse, ne le za peščico (program za državnoborske volitve 2022). URL: <https://www.levica.si/prihodnost-za-vse-ne-le-za-pescico-program-za-drzavnoborske-volitve-2022/> (accessed: 01.08.2023).

⁴⁷ Standard Eurobarometer 98 – Winter 2022–2023. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2872> (accessed: 01.08.2023).

с другими балканскими государствами: хотя свою новую идентичность Словения и Хорватия построили на разрыве с Балканами, именно ЕС способствовал возобновлению контактов между бывшими югославскими республиками, где страны-члены должны выступать своего рода менторами для кандидатов (к примеру, в 2013 г. запущен процесс Брдо-Бриони). Восстановление связей в перспективе может перерасти в альтернативные проекты региональной интеграции в традициях балканского федерализма.

Оставшиеся за пределами интеграционного объединения страны бывшей Югославии (плюс Албания) в бюрократическом дискурсе ЕС объединяются в категорию «Западных Балкан». Для Сербии, Черногории, Северной Македонии и Боснии и Герцеговины приоритетное значение имела тенденция к эскалации противоречий между Россией и западными странами, обозначившаяся после 2014 года. После окончательного исключения Брюсселем России из европейского символического пространства балканские государства, вынужденные и без того доказывать свою принадлежность Европе, оказались перед радикальным геополитическим выбором.

Государства-члены ЕС и США не стремятся помочь им преодолеть возникшую дилемму, а, наоборот, усиливают давление на бывшие югославские республики с тем, чтобы они прекратили контакты с Москвой и присоединились к антироссийским санкциям. Несмотря на то что влияние России в регионе достаточно слабое, она остаётся противовесом западной модели организации Балкан с независимым Косовом и другими особенностями. В результате в «узкой Югославии»⁴⁸ в последние годы отмечается высокий уровень внутривнутриполитической поляризации по линии Запад–Незапад, где незападный блок включает не только Рос-

сию, но и всё больше Китай, а также страны незападного мира в целом. Здесь уместно провести параллели с югославским наследием Движения неприсоединения.

Всё же было бы наивно полагать, что отмеченная поляризация находит выражение в политике государств. По мере утверждения вектора на евроинтеграцию после 2000 г. во всех четырёх странах, остающихся за пределами ЕС, в парламентах потеряли представительство партии, выступающие против вступления в интеграционное объединение. Как уже отмечалось, даже антизападная Сербская радикальная партия заняла более компромиссную позицию. Во времена президента Б. Тадича (2004–2012) в Сербии широкую популярность приобрело его выражение — «Европа не имеет альтернативы»⁴⁹. Впрочем, процесс евроинтеграции Западных Балкан затянулся, так что чем менее реалистичной представляется возможность вступления в ЕС, тем менее эффективными становятся стимулы и рычаги давления, применяемые Брюсселем в ходе переговоров.

Ситуация незначительно изменилась в Сербии после парламентских выборов 2022 года, когда в Скупшине получили представительство несколько небольших националистических партий, определяющих себя как суверенистские и выступающих за военную и политическую нейтральность (коалиция «Нада», «Заветники», «Двери»), хотя они и не ставят под вопрос принадлежность Сербии Европе как культурному пространству. Приверженность концепции Европы наций сближает сербские правоконсервативные антизападные силы с европейскими правыми популистами.

По-прежнему уровень представительства евроскептических сил слабо коррелирует с уровнем народной поддержки вступления в ЕС, который на фоне воен-

⁴⁸ Выражение отсылает к устоявшейся формулировке «узкая Сербия» («ужа Србија», или УЖАС), которой принято обозначать территорию центральной Сербии без учёта автономных краёв — Воеводины и Косово и Метохии. В данном случае речь идёт о югославских республиках, которые не являются членами ЕС.

⁴⁹ Tadić: Evropa nema alternativu. Danas. 15.04.2008. URL: <https://www.danas.rs/vesti/politika/tadic-evropa-nema-alternativu/> (accessed: 01.08.2023).

ных действий на Украине и эскалации кризиса в Косове достиг исторического минимума. Например, по состоянию на весну 2022 г. на потенциальном референдуме за вступление в ЕС 44% граждан Сербии голосовали бы против и только 35% голосовали бы положительно⁵⁰. Партийная система после 2012 г. сформирована вокруг правящей Сербской прогрессивной партии президента А. Вучича⁵¹, которая действует по принципу зонтичной партии (catch-all) и стоит на центристских позициях, и нескольких её коалиционных партнёров. Политические силы, критикующие проевропейский консенсус с левых позиций, полностью маргинализированы, что подкрепляется достаточно критической символической политикой правящей партии в отношении югославского прошлого.

В Черногории и Северной Македонии отмечается высокий уровень внутренней поляризации. После разрыва части черногорской элиты во главе с Демократической партией социалистов с Белградом и её переходом на прозападные позиции в Черногории обозначился этнополитический раскол на черногорцев и сербов, где первые преимущественно являются сторонниками прозападных сил, а вторые — просербских (на фоне эскалации отношений России с Западом — также пророссийских)⁵².

Тем не менее обязательства Черногории в рамках переговорного досье о евроинтеграции не оставляют сербским партиям свободы действия. Громкая победа на выборах в 2020 г. сербской коалиции

«Демократический фронт» не привела к пересмотру решений о признании независимости Косова, вступлении в НАТО или об антироссийских санкциях и завершилась лишь серией правительственных кризисов. Аналогично победа на выборах нового президента Я. Милатовича в 2023 г. положила конец многолетнему правлению М. Джукановича, но не оправдала надежд значительной части электората — придя к власти, Я. Милатович заявил, что три ключевых сюжета — НАТО, Косово и санкции — пересмотру не подлежат⁵³.

Как уже отмечалось, две ведущие македонские партии (СДСМ и ВМРО-ДПМНЕ), как и партии албанского меньшинства, поддерживают вступление Северной Македонии в ЕС. После 2015 г. на македонской сцене появилась более радикальная антиимпериалистическая партия «Левица». Представители «Левицы» участвовали в организации бойкота референдума о смене конституционного имени и после 2020 г. вошли в парламент. Партия выступает против членства в НАТО, но занимает более компромиссную позицию по отношению к ЕС, отмечая, что поддерживает евроинтеграцию, «но не любой ценой», а именно ожидает прекращения жёсткой приватизационной политики⁵⁴. В данный момент главным препятствием для продолжения евроинтеграции является необходимость изменения конституции с включением в неё упоминания болгарского меньшинства, как требует Болгария. По последним опросам, 65% граждан Северной Македонии выступают против изменения конституции ради продолжения

⁵⁰ Dramatičan pad podrške gradjana Srbije članstvu u EU. URL: https://www.rts.rs/lat/vesti/drustvo/4792732/podrška-eu-gradjani-srbija-pad.html?fbclid=IwAR1rNUviyeN24cJGSIMnvn9u62VPDNUH3RD80As22CJfJA_KtVTYVu6CkXO (accessed: 01.11.2023).

⁵¹ В мае 2023 г. А. Вучич объявил о том, что покидает пост руководителя Сербской прогрессивной партии, одновременно анонсировано возможное создание некоего «народного фронта» вокруг президента.

⁵² См. подробнее: *Малешевич А.В.* Европеизация Черногории как фактор эволюции черногорской национальной идентичности // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. № 4. С. 98–110.

⁵³ Milatović: Priznanje Kosova, članstvo u NATO i sankcije Rusiji su završena stvar. Radio Slobodna Evropa. 06.08.2023. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/milatovic-crna-gora-kosovo-nato-rusija-srbija/32536383.html> (accessed: 01.08.2023).

⁵⁴ Левица. Партиска програма. URL: <https://levica.mk/za-nas/partiska-programa/> (accessed: 01.08.2023).

переговоров с ЕС, а если смотреть с этнической точки зрения, то 80% македонцев⁵⁵.

Вызов евроинтеграции и связанных с этим процессом внутривнутриполитических издержек не очень остро стоит в Боснии и Герцеговине, поскольку БиГ, по выражению Брюсселя и по объективным параметрам, не представляет собой функциональное государство⁵⁶. Формально политические партии всех трёх конститутивных народов выражают приверженность идее вступления в ЕС, но в среднесрочной перспективе их интересуют другие вопросы. В частности, наметились контуры для сербско-хорватского ситуативного альянса против потенциальной бошнякской централизации. Иными словами, проевропейский консенсус в БиГ вполне устойчив, но является, скорее, абстракцией до тех пор, пока БиГ представляет собой международный протекторат.

* * *

На постъюгославском пространстве заключению базовых соглашений с ЕС (Европейское соглашение в случае Словении и Соглашения о стабилизации и ассоциации с другими республиками) предшествовало достижение принципиального согласия между всеми системными политическими партиями, зачастую закреплённого в виде специальных парламентских резолюций и деклараций. Не существует ясных указаний, что такие соглашения рассматривались Брюсселем в качестве одного из условий продолжения переговоров или получения преференций в виде финансовой помощи, но можно предположить, что на политические партии оказывалось давление. К тому же сам механизм принятия практически единогласных парламентских резолюций в условиях, когда сохраняются

очевидные разногласия между политическими партиями относительно формата сотрудничества с ЕС, стал новацией и одновременно способом форсировать достижение консенсуса.

С учётом того, что подписание базовых соглашений фактически означало начало процесса реформ, в том числе внутривнутриполитических, в соответствии с требованиями ЕС, вполне логично, что Брюссель стремился получить принципиальное согласие, что дальнейшие шаги не будут заблокированы оппозицией. В частности, уже в текстах соглашений с интеграционным объединением в качестве одной из задач политического диалога утверждалась необходимость сближения позиций сторон по международным вопросам, включая содержание Общей внешней политики и политики безопасности⁵⁷. На практике, как стало ясно позднее, такое сближение подразумевало, например, присоединение к западной санкционной политике в отношении России и других стран.

Подвергаясь институциональному воздействию со стороны ЕС, политические партии меняли или смягчали свои программные установки по вопросу евроинтеграции.

Во-первых, системные левые партии, наследницы республиканских отделений Союза коммунистов Югославии, смещались в центр и переходили на социал-демократические позиции, отказываясь от идей югославизма и балканского федерализма в пользу альтернативного интеграционного объединения. Консенсус вокруг евроинтеграции в их случае ставил под вопрос даже ретроспективную лояльность Югославии как политическому проекту с ценностями антифашизма и антикапитализма, что имеет более масштабные последствия.

⁵⁵ Европа во криза. Последите врз јавното мислење со Северна Македонија. URL: https://idscs.org.mk/wp-content/uploads/2023/03/1_B5_Analiza_MKD-1.pdf (accessed: 01.08.2023).

⁵⁶ Europe: Conditional "Yes" for Bosnia – Western Balkans Must Accelerate Reforms. Balkan Insight. 08.11.2023. URL: <https://balkaninsight.com/2023/11/08/europe-conditional-yes-for-bosnia-western-balkans-must-accelerate-reforms/> (accessed: 30.11.2023).

⁵⁷ См., например, краткое содержание ССА Сербии с ЕС. URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/stabilisation-and-association-agreement-with-serbia.html> (accessed: 01.08.2023).

Во-вторых, возникшие в конце 1980-х годов на базе диссидентских движений и эмигрантских кружков партии изначально создавались с опорой на синтез либеральных и националистических идей с отклонениями, например, вправо (Хорватия) или влево (Словения). В процессе евроинтеграции, который не имеет финальной точки даже для государств-членов ЕС, они стабилизировались с идейной точки зрения в районе правого центра. С одной стороны, проевропейский консенсус привёл к демонтажу наиболее радикальных этно-националистических и суверенистских концепций, с другой – напротив, усилил консервативный поворот на базе антикоммунизма.

В-третьих, неспособные встроиться в консенсус малые евроскептические партии оказались отстранены на периферию политического процесса, потеряли предста-

вительство в парламенте и практически прекратили существование.

В целом европеизация политических партий на постъюгославском пространстве привела к утверждению идеологии радикального центризма, что стало гарантией устойчивости консенсуса вокруг евроинтеграции. Одновременно практически во всех странах постъюгославского пространства отмечалась тенденция к росту недовольства политикой ЕС, которая не находила политического отражения на уровне партийной и парламентской борьбы. На середину 2020-х годов сохраняется высокий уровень зависимости национальных правительств от обязательств, принятых в рамках переговоров с Брюсселем. Таким образом, возрастает демократический дефицит с точки зрения расхождений между общественным мнением и платформами политических партий.

Список литературы

- Booduszynski M.* Euroscepticism, the Croatian Way: Explaining Croatian Attitudes towards the EU // *Südosteuropa*. 2014. Vol. 62. No. 4. P. 500–522.
- Bojinović Fenko A., Svetličić M.* Slovenia and the European Union // *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. 2017. 36 p.
- Börzel T., Risse T.* When Europe hits home: Europeanization and domestic change // *European Integration Online Papers*. 2000. Vol. 4. No. 15.
- Bučar M., Udovič B.* The Slovenian Perception of the EU: From Outstanding Pupil to Solid Member // *Comparative Southeast European Studies*. 2023. 71(3). P. 388–411.
- Butković H.* Croatia: The Government Should Take Citizens Seriously // *M. Caeding, J. Pollack, P. Schmidt (Eds.) Euroscepticism and the Future of Europe. Views from the Capitals*. Palgrave Macmillan, 2021. P. 21–23.
- Djurić D.* Montenegro's prospects for European integration: on a twin track // *South-East Europe Review*. 2004. No. 4. P. 79–106.
- Džankić J.* From creeping to sprinting: the foreign policy of Montenegro // *The Foreign Policies of Post-Yugoslav States: from Yugoslavia to Europe* / Ed. by S. Keil, B. Stahl. London: Palgrave, 2014. P. 173–197.
- Giddens A.* *Beyond Left and Right – the Future of Radical Politics* Cambridge: Polity, 1994. 284 p.
- Giddens A.* *The Third Way. The Renewal of Social Democracy*. Cambridge: Polity, 1998. 166 p.
- Grabbe H.* *The EU's Transformative Power. Europeanization through Conditionality in Central and Eastern Europe*. Palgrave Macmillan, 2006. 208 p.
- Fink-Hafner D., Krašovec A.* Europeanization of Slovenian party system – from marginal European impacts to the domestication of EU policy issues? // *Politics in Central Europe*. 2006. Vol. 2. No. 1. P. 7–23.
- Klepač Pogrmilović B.* Europeanization of Croatian Political Parties // *Politička misao*. 2011. Vol. 47. No. 5. P. 96–116.
- Kustec Lipicer S., Cabada L.* Primerjalna analiza programskih usmeritev nacionalnih političnih strank o EU tematikah. Primer Češke in Slovenije [Comparative analysis of program priorities of national political parties on the EU issue. The example of the Czech Republic and Slovenia] // *M. Haček, D. Zajc (Eds.) Slovenija v EU: Zmožnosti in proločnosti*. 2005. P. 169–192.
- Ladrech R.* Europeanization and Political Parties: Towards a Framework for Analysis // *Party Politics*. 2002. Vol. 8. No. 4. P. 389–403.
- Mair P.* The Limited Impact of Europe on National Party Systems // *West European Politics*. 2000. Vol. 23. No. 4. P. 27–51.

- Mouffe Ch.* L'Illusion du consensus [The Illusion of consensus]. Paris: Albin Michel, 2016. 200 p.
- Radaelli C.* Whither Europeanization? Concept stretching and substantive change // *European Integration Online Papers*. 2000. Vol. 4. No. 8.
- Ščekić B.* Politička previranja u Crnoj Gori 1996–1998. Godine // *Matica: časopis za društvena pitanja*. 2012. Str. 121–166.
- Schimmelfennig F.* Europeanization Beyond the Member States // *Journal for Comparative Government and European Policy*. 2010. Vol. 8. No. 3. P. 319–339.
- Skoko B.* Percepcija EU u hrvatskoj javnosti [Perceptions of the EU in Croatian public opinion] // *Anali Hrvatskog politološkog društva: časopis za politologiju*. 2007. Vol. 3. No. 1. Str. 349–368.
- Stojić M.* Transformation or Defiance: The Impact of the European People's Party on Serbian and Croatian parties // *Politologický časopis – Czech Journal of Political Science*. 2015. Vol. 22. No. 2. P. 146–167.
- Tarditi V., Vittori D.* Reshaping EU Attitudes? The Case of Social Democratic and Radical Left Parties in Spain and Italy // *Swiss Political Science Review*. 2019. Vol. 25. No. 2. P. 157–180.
- Todorović V.* Razlozi prestanka dominacije Srpske radikalne stranke na desnoj strani političke scene u Srbiji // *Politička revija*. 2022. No. 1. Str. 71–89.
- Zajc D.* Vloga nacionalnih parlamentov pri oblikovanju nacionalnih interesov v procesu globalizacije in vstopanja v EU [The role of national parliaments in shaping national interests in the process on globalization and accession to the EU] // *Teorija in Praksa*. 2002. Vol. 39. No. 4. Str. 669–690.

THE PRO-EU PARTY CONSENSUS DYNAMICS IN THE POST-YUGOSLAV SPACE

ANASTASIA MALESHEVICH

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The article examines the evolution of domestic political consensus around European Integration in the countries of former Yugoslavia. Being on the different stages of accession process, these countries are exposed to Brussels' institutional influence which encourages domestic politics and policy change. Ambiguous attitude of national political actors towards the European Union at the start of negotiations did not impede reaching the agreement among almost all the political parties concerning EU accession as a priority goal. Domestic impact of European Integration described by the term Europeanization. The establishment of the pro-EU consensus is viewed as a specific case of the Europeanization of the post-Yugoslav political parties. Based on new institutionalism theory, the inquiry raises the question of how the interests and programmatic orientations of political parties in former Yugoslavia transform under direct or indirect influence of European institutions. European strategic orientation is formalized in unanimous parliamentary resolutions which preceded the signing of Europe / Stabilization and Association agreements. Consequently, any political alternative to European integration became radical, and therefore the Eurosceptic forces either marginalized or embraced the consensus. The paper concludes that the sustainability of the pro-EU consensus is reinforced by the ideological change of political parties towards the radical centrism which at the same time represents the EU institutional impact. The absence of political space to express the pursuit of alternative to European integration does not correctly reflect public opinion and reveals the democratic deficit issue.

Keywords:

European integration; Europeanization; post-Yugoslav space; Balkans; political parties; consensus; radical centrism.

References

- Boduszynski M. (2014). Euroscepticism, the Croatian Way: Explaining Croatian Attitudes towards the EU. *Südosteuropa*. Vol. 62. No. 4. P. 500–522.
- Bojinović Fenko A., Svetličić M. (2017). Slovenia and the European Union. *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. 36 p.
- Börzel T., Risse T. (2000). When Europe hits home: Europeanization and domestic change. *European Integration Online Papers*. Vol. 4. No. 15.
- Bučar M., Udovič B. (2023). The Slovenian Perception of the EU: From Outstanding Pupil to Solid Member. *Comparative Southeast European Studies*. 71(3). P. 388–411.
- Butković H. (2021). Croatia: The Government Should Take Citizens Seriously. In: M. Caeding, J. Pollack, P. Schmidt (Eds.) *Euroscepticism and the Future of Europe. Views from the Capitals*. Palgrave Macmillan. P. 21–23.
- Djurić D. (2004). Montenegro's prospects for European integration: on a twin track. *South-East Europe Review*. No. 4. P. 79–106.
- Džankić J. (2014). From creeping to sprinting: the foreign policy of Montenegro. In S. Keil, B. Stahl (eds.) *The Foreign Policies of Post-Yugoslav States: from Yugoslavia to Europe*. London: Palgrave. P. 173–197.
- Giddens A. (1994). *Beyond Left and Right – the Future of Radical Politics*. Cambridge: Polity. 284 p.
- Giddens A. (1998). *The Third Way. The Renewal of Social Democracy*. Cambridge: Polity. 166 p.
- Grabbe H. (2006). The EU's Transformative Power. Europeanization through Conditionality in Central and Eastern Europe. Palgrave Macmillan. 208 p.
- Fink-Hafner D., Krašovec A. (2006). Europeanization of Slovenian party system – from marginal European impacts to the domestication of EU policy issues? *Politics in Central Europe*. Vol. 2. No. 1. P. 7–23.
- Klepač Pogrmilović B. (2011). Europeanization of Croatian Political Parties. *Politička misao*. Vol. 47. No. 5. P. 96–116.
- Kustec Lipicer S., Cabada L. (2005). Primerjalna analiza programskih usmeritev nacionalnih političnih strank o EU tematikah. Primer Češke in Slovenije. [Comparative analysis of program priorities of national political parties on the EU issue. The example of the Czech Republic and Slovenia] In: M. Haček, D. Zajc (Eds.) *Slovenija v EU: Zmožnosti in proločnosti*. P. 169–192.
- Ladrech R. (2002). Europeanization and Political Parties: Towards a Framework for Analysis. *Party Politics*. Vol. 8. No. 4. P. 389–403.
- Mair P. (2000). The Limited Impact of Europe on National Party Systems. *West European Politics*. Vol. 23. No. 4. P. 27–51.
- Mouffe Ch. *L'Illusion du consensus* [The Illusion of consensus]. Paris: Albin Michel. 200 p.
- Radaelli C. (2000). Whither Europeanization? Concept stretching and substantive change. *European Integration Online Papers*. Vol. 4. No. 8. URL: <http://www.eiop.or.at/eiop/pdf/2000-008.pdf>
- Ščekić R. (2012). Politička previranja u Crnoj Gori 1996–1998. godine. *Matica: časopis za društvena pitanja*. Str. 121–166.
- Schimmelfennig F. (2010). Europeanization Beyond the Member States. *Journal for Comparative Government and European Policy*. Vol. 8. No. 3. P. 319–339.
- Skoko B. (2007). Percepcija EU u hrvatskoj javnosti [Perceptions of the EU in Croatian public opinion]. *Analiza Hrvatskog politološkog društva: časopis za politologiju*. Vol. 3. No. 1. Str. 349–368.
- Stojić M. (2015). Transformation or Defiance: The Impact of the European People's Party on Serbian and Croatian parties. *Politologický časopis – Czech Journal of Political Science*. Vol. 22. No. 2. P. 146–167.
- Tarditi V., Vittori D. (2019). Reshaping EU Attitudes? The Case of Social Democratic and Radical Left Parties in Spain and Italy. *Swiss Political Science Review*. Vol. 25. No. 2. P. 157–180.
- Todorović V. (2022). Razlozi prestanka dominacije Srpske radikalne stranke na desnoj strani političke scene u Srbiji. *Politička revija*. No. 1. Str. 71–89.
- Zajc D. (2002). Vloga nacionalnih parlamentov pri oblikovanju nacionalnih interesov v procesu globalizacije in vstopanja v EU [The role of national parliaments in shaping national interests in the process on globalization and accession to the EU]. *Teorija in Praksa*. Vol. 39. No. 4. Str. 669–690.

Наши авторы

- Айар Башаран** – кандидат политических наук, преподаватель международных отношений Анкарского университета
- Алексеев Максим Александрович** – соискатель Кафедры международного права МГИМО МИД России
- Арапова Екатерина Яковлевна** – кандидат экономических наук, директор Центра экспертизы санкционной политики Института международных исследований; доцент Кафедры дипломатии МГИМО МИД России
- Арслан Оркун** – научный сотрудник Центра средиземноморских исследований НИУ ВШЭ
- Вылегжанин Александр Николаевич** – доктор юридических наук, профессор, заведующий Кафедрой международного права МГИМО МИД России
- Иноземцев Максим Игоревич** – кандидат юридических наук, доцент Кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева МГИМО МИД России
- Коцур Глеб Владиславович** – ассистент Кафедры теории и истории международных отношений Факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета; доцент Департамента политологии и международных отношений НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге
- Малешевич Анастасия Валерьевна** – кандидат политических исследований, научный сотрудник Центра европейских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России
- Сафранчук Иван Алексеевич** – кандидат политических наук, директор Центра евроазиатских исследований Института международных исследований; профессор Кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России
- Силаев Николай Юрьевич** – директор Лаборатории интеллектуального анализа данных Института международных исследований МГИМО МИД России
- Сидоров Алексей Александрович** – кандидат экономических наук, доцент Кафедры международных экономических отношений и внешнеэкономических связей им. Н.Н. Ливенцева МГИМО МИД России
- Сидорова Елена Александровна** – кандидат экономических наук, доцент, заведующая Сектором международных валютно-финансовых отношений Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН
- Степанов Семён Константинович** – кандидат юридических наук, доцент Департамента частного права НИУ ВШЭ
- Юзбашян Мариам Романовна** – кандидат юридических наук, доцент Кафедры международного права МГИМО МИД России

Our authors

Mr Maxim Alekseev – PhD Candidate, Department of International Law, MGIMO University

Dr Ekaterina Arapova – Director, Center of Expertise for Sanctions Policy, Institute for International Studies; Associate Professor, Department of Diplomatic Studies, MGIMO University

Mr Orkun Arslan – Researcher, Centre for Mediterranean Studies, HSE University

Dr Başaran Ayar – Lecturer of International Relations, Ankara University

Dr Maxim Inozemtsev – Associate Professor, Lebedev Department of International Private and Civil Law, MGIMO University

Dr Gleb Kotsur – Assistant Professor, Department of Theory and History of International Relations, School of International Relations, Saint Petersburg State University; Associate Professor, Department of Political Science and International Affairs, HSE University in Saint Petersburg

Dr Anastasia Maleshevich – Research Fellow, Center for European Studies, Institute for International Studies, MGIMO University

Dr Ivan Safranchuk – Director, Center for Euro-Asian Studies, Institute for International Studies; Professor, Department for International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO University

Dr Alexey Sidorov – Associate Professor, Liventsev Department of International Economic Relations and Foreign Economic Ties, MGIMO University

Dr Elena Sidorova – Head, Section for International Currency and Financial Relations, Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences

Dr Nikolai Silaev – Director, Laboratory for Intellectual Data Analysis, Institute for International Studies, MGIMO University

Dr Semen Stepanov – Associate Professor, Department of Private Law, HSE University

Prof. Dr Alexander Vylegzhanin – Chair, Department of International Law, MGIMO University

Dr Mariam Yuzbashyan – Associate Professor, Department of International Law, MGIMO University

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ФОРУМА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России. М.: Аспект Пресс, 2017. 480 с.

Сушенцов А.А. Малые войны США: Политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000–2010-х годах / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: НОФМО; Аспект Пресс, 2014. 272 с.

Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке [Учебник (гриф УМО)] / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: НОФМО; Аспект Пресс, 2013. 448 с.

Фененко А.В. Современная международная безопасность. Ядерный фактор. М.: Аспект Пресс, 2013. 573 с.

Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М.: Аспект Пресс, 2012. 256 с.

Международные отношения в Центральной Азии: события и документы: Учеб. пособие для студентов вузов / А.Д. Богатуров, А.С. Дундич, В.Г. Коргун и др.; отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2011. 549 с.

Темников Д.М. Лидерство и самоорганизация в мировой системе. М.: НОФМО, 2010. 173 с.

Современная мировая политика. Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009, 2010. 588 с.

Баталов Э.Я. Человек, мир, политика. М.: НОФМО, 2008. 330 с.

Хрусталёв М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. 230 с.

Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. 2-е изд., испр. и доп. М.: НОФМО, 2008. 363 с.

Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: НОФМО, 2007. 240 с.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское бремя. Просчёты советского планирования и будущее России. М.: НОФМО, 2007. 328 с.

От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьёв. М.: НОФМО, 2005. 204 с.

Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе в середине 2000-х годов / Отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. М.: НОФМО, 2005. 345 с.

Чешков М.А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М.: НОФМО, 2005. 224 с.

Системная история международных отношений в четырёх томах. 1918–2003. События и документы / Под ред. А.Д. Богатунова. Т. I (520 с.), т. II (247 с.). М.: Московский рабочий, 2000. Т. III (720 с.), т. IV (600 с.). М.: НОФМО, 2003–2004.

Троицкий М.А. Трансатлантический союз 1991–2004. Модернизация системы американско-европейского партнёрства после распада bipolarности. М.: НОФМО; Институт США и Канады РАН, 2004. 250 с.

Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталёв М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 382 с.

Галенович Ю.М. Китай и сентябрьская трагедия Америки. М.: НОФМО, 2002. 170 с.

Прозрачные границы. Безопасность и сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России / Под ред. С.В. Голунова, Л.Б. Вардомского. М.: НОФМО, 2002. 572 с.

Серия докладов. Очерки текущей политики

Балуев Д.Г., Новосёлов А.А. «Серые зоны» мировой политики / Отв. ред. М.А. Троицкий // Очерки текущей политики. Вып. 3. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2010. 40 с.

Богатуров А.Д., Дундич А.С., Троицкий Е.Ф. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах // Очерки текущей политики. Вып. 4. М.: НОФМО, 2010. 104 с.

Зевелёв И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американско-российских отношениях: семиотический анализ // Очерки текущей политики. Вып. 2. М.: НОФМО, 2006. 72 с.

Примаков Е.М., Хрусталёв М.А. Ситуационные анализы. Методика проведения // Очерки текущей политики. Вып. 1. М.: НОФМО; МГИМО (У) МИД России, 2006. 28 с.

Международные процессы

Журнал теории международных отношений и мировой политики

Главный редактор **Андрей Байков**

«Международные процессы» – первый российский научный журнал, посвящённый теории международных отношений и мировой политике. В журнале публикуются статьи, анализирующие новые тенденции в развитии международных отношений и мировой экономики, а также освещающие современные теоретические дискуссии по конфликтологии, международным организациям, этическому измерению внешней политики и международного права, международной безопасности, геополитике.

Журнал является независимым изданием, созданным в целях содействия научному общению между русскоязычными исследователями и преподавателями международных отношений и смежных дисциплин. Мы также стремимся помочь становлению и развитию в России школ теоретического осмысления международных отношений и мировой политики.

Среди наших авторов – сотрудники образовательных и исследовательских учреждений России, стран СНГ, Западной Европы и Северной Америки. Помимо академической аудитории, журнал распространяется среди представителей российских федеральных и региональных органов власти, включая Министерство иностранных дел и Федеральное Собрание Российской Федерации.

«Международные процессы» приглашают к сотрудничеству авторов. Объём рукописей, представляемых на рассмотрение Редакционного совета, не должен превышать 60 тысяч знаков с пробелами. К рассмотрению принимаются только ранее не публиковавшиеся материалы, не представленные одновременно к публикации в других периодических изданиях или в составе коллективных работ.

Журнал выпускается четыре раза в год Научно-образовательным форумом по международным отношениям.

ISSN 1728-2756

E-ISSN 1811-2773

Индекс журнала по каталогу «Роспечать» – 46768.

<http://www.intertrends.ru>



LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

На эмблеме Форума изображён «аттрактор Лоренца» – фигура, воплощающая вариантность движения потоков частиц в неравновесных системах. Эмблема зарегистрирована как товарный знак.

International Trends (Mezhdunarodnye protsessy)
Journal of International Relations Theory and World Politics

Edited by **Andrey Baykov**
MGIMO University

International Trends is the first Russian academic journal dedicated to international relations theory and methodology of world-political studies.

The journal features first-class articles on new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics and international political economy. Having no direct affiliation with any state or private university or think-tank, the journal seeks to facilitate communication among all Russian-reading scholars and educators and to foster their concerted effort focused on developing theoretical approaches to international relations and world politics.

Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts and university faculty, the journal circulates among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Russian Federal Assembly.

International Trends welcomes manuscripts in Russian. Their length should not exceed 60,000 characters. Submitted manuscripts should be original and should not be considered simultaneously for publication in full or in part in any other journal or collective monograph.

International Trends is published four times a year by the Academic Educational Forum on International Relations.

ISSN 1728-2756
E-ISSN 1811-2773

<http://www.intertrends.ru>



LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ»

(Редакционная политика)

Редколлегия рассматривает материалы только при условии выполнения всех нижеперечисленных требований!

Общие правила

1. Редакция принимает к публикации статьи объёмом от 0,5 до 1,5 авторского листа. Они должны представлять собой изложение результатов самостоятельного, оригинального научного исследования, соответствующего тематическому профилю журнала и отражающего умение автора свободно ориентироваться в существующем библиографическом контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

2. Наряду со статьями редакция публикует аналитические обзоры современных работ (объёмом около 1 авторского листа) и рецензии на новейшую научную литературу (0,25 авторского листа). До 1 июля каждого текущего года рассматриваются тексты рецензий на книги, изданные в предшествующем году. После 1 июля — только на работы текущего года.

3. Принятие материала к рассмотрению не является гарантией его публикации. Все материалы направляются на анонимное экспертное рецензирование.

4. Имена рецензентов (как правило, не менее двух) не разглашаются. В случае отказа в публикации принятого к рассмотрению материала редакция направляет автору мотивированное заключение с изложением оснований для отказа.

Все тексты должны быть написаны литературным языком и отредактированы в соответствии с нормами научного стиля речи.

5. В журнале могут быть размещены только ранее не опубликованные материалы, которые в момент представления их в редакцию не рассматриваются на предмет публикации в других журналах.

6. Плата за публикацию материалов не взимается. Единственными основаниями для решения о публикации являются качество материалов и их соответствие тематике журнала.

7. Направлять статьи необходимо только по электронному адресу submissions@intertrends.ru в файлах типа Word с форматированием текста по левому краю, 12 кеглем через полуторный интервал, шрифт “Times New Roman”.

Убедительная просьба не применять в тексте автоматические нумерацию и списки.

Просим потенциальных авторов с пониманием отнестись к тому, что редакция журнала не вступает в переписку и тем более содержательную полемику с потенциальными авторами по электронной или обычной почте и не принимает на себя какие-либо предварительные обязательства, касающиеся публикации подаваемых авторами материалов.

8. Титульный лист с указанием: фамилии, имени, отчества автора, учёной степени и учёного звания, должности и места работы, а также почтового индекса места работы — должен быть сохранён в отдельном файле. Информация в нём должна дублироваться на русском и английском языках. Основной файл статьи должен содержать её название, соб-

ственно текст произведения, постраничные примечания и затекстовый список литературы в кириллической и романской транскрипции. Данное требование связано с соблюдением условий анонимного рецензирования всех направляемых в редакцию рукописей.

9. Авторы должны снабдить представляемые на рассмотрение статьи списком ключевых слов, кратким содержанием работы (резюме) на русском и английском языках объемом не менее 250 слов и пристатейной библиографией в формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования (см. ниже).

Оформление ссылок

1. Ссылки на научную литературу, аналитические доклады и статьи в научных изданиях должны быть оформлены в виде внутритекстовых библиографических ссылок с указанием фамилии авторов, года издания, страниц. В случае отсутствия указания авторства в библиографическом описании издания необходимо указать его название.

Например: [Huntington 1993: 68]; [Хелд и др. 2004: 33]; [Мир вокруг России 2007: 21].

2. Остальные ссылки должны быть оформлены в виде постраничных сносок-примечаний.

Например: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Совет безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 12.10.2013).

Резюме

1. Статьи и аналитические обзоры, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться резюме на русском и английском языках. Оно должно быть выполнено в форме краткого текста, объемом от 250 до 350 слов, который раскрывает цель и задачи работы, её структуру и основные полученные выводы. **Резюме представляет собой самостоятельный аналитический текст и должен давать адекватное представление о проведённом исследовании без необходимости обращения к статье.**

2. Резюме на английском (Abstract) должно быть написано грамотным академическим языком. **Оно не может быть дословным переводом с русского, не может содержать неперево-
данных русскоязычных конструкций и идиом.**

Список литературы (References)

1. Статьи, аналитические обзоры и резюме, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться списком литературы на русском и английском языках. Оба списка должны быть составлены по алфавитному принципу (в согласии с русским и латинским алфавитами соответственно). **В список литературы должны быть включены научная литература, аналитические доклады и статьи в научных периодических изданиях (он должен отражать совокупность работ, на которые в статье содержатся внутритекстовые библиографические ссылки).**

2. В списке литературы на русском языке при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы авторов, название работы, место издания, название издательства, год издания, количество страниц. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, сборника или серии, место издания, издательство и год издания для сборников / год издания, том и номер для журнала, номера страниц, для интернет-публикаций также электронный адрес

и дату обращения (при наличии). Название статьи и журнала, а также название сборника и сведения о редакторах должны разделяться двумя косыми чертами. *Фамилия и инициалы автора должны быть выделены курсивом.*

Например: Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004. 208 p.

Каберник В. Революция в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего // *Метаморфозы мировой политики* / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 148–178.

Стрелец И. Информационная экономика как общемировой социальный феномен // *Международные процессы*. 2011. Т. 9. № 1 (25). С. 25–37.

Салтыков Б. Высшее образование в России: между наследием прошлого и современными вызовами / IFRI. *Russie. Nei.Vision*. 2008. 23 с. URL: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (дата обращения: 24.05.2013).

3. В списке литературы на английском языке (References) при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы автора, год издания, название работы, место издания, название издательства, количество страниц. *Название книги должно быть выделено курсивом.*

4. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, год издания, название статьи, название журнала или серии, том и номер для журнала / место издания и издательство для сборника, количество или номера страниц, электронный адрес и дату обращения (при наличии). *Название журнала, сборника или серии должно быть выделено курсивом.*

Вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации. Место издания должно быть указано полностью. **Название книги, доклада или статьи должно быть транслитерировано и переведено (перевод приводится в квадратных скобках).**

Например: Nye J. 2004. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs. 208 p.

Dolinskiy A. 2011. Diskurs o publichnoy diplomatii [Discourse on Public Diplomacy] // *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 9. № 1 (25): 45–55.

Risse Th. 2002. Transnational Actors and World Politics. In: Carsnaes W., Risse Th., Simmons B.A. (eds) *Handbook of International Relations*. Sage: 255–274.

Saltykov B. 2008. Vysshee obrazovanie v Rossii: mezhdru naslediem proshlogo I sovremennymi vyzovami [Russian Higher Education: Between the Past and the Future]. *IFRI. Russie. Nei.Vision*: 18. 23 p. Available at: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (accessed: 24.05.2013).